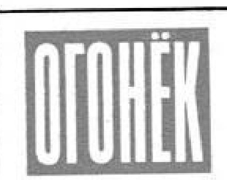

ГАИ
ГАИ
ГАИ
ГАИ
ОГОНЁК
37 СЕНТЯБРЬ 1970
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Copyrighted material

Туркменская ССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в колхозе «Совет Туркменистаны».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 37 (2254)

Основан 1 апреля 1923 года

12 СЕНТЯБРЯ 1970

Таджикская ССР. Л. И. Брежнев на строительстве Нурекской ГЭС.

Киргизская ССР. Л. И. Брежнев во время посещения завода сельскохозяйственного машиностроения имени М. В. Фрунзе.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС) и А. Пахомова («Правда»).

ПРЕБЫВАНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВА В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, принимавший участие в праздновании 50-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана, 31 августа отбыл из Алма-Аты.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев прибыл в Ашхабад — столицу Советской Туркмении. Он осмотрел город, посетил Ашхабадскую ковровую фабрику, побывал в цехах предприятия, беседовал с работницами, интересовался условиями их труда и быта. Затем товарищ Л. И. Брежнев познакомился с жизнью колхоза «Совет Туркменистаны», Ашхабадского района, осмотрел колхозные поля, посетил колхозный Дворец культуры. В поездке Л. И. Брежнева сопровождали руководители партии и правительства Туркмении.

1 сентября товарищ Л. И. Брежнев, тепло встреченный присутствующими, выступил с большой речью на собрании партийного актива Туркменской ССР. Выступление Генерального секретаря было выслушано участниками собрания с большим вниманием и неоднократно прерывалось аплодисментами.

В тот же день в ЦК КП Туркменистана состоялась встреча товарища Л. И. Брежнева с членами Бюро ЦК, в ходе которой обсуждались некоторые вопросы дальнейшего развития экономики республики.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Ашхабада и прибыл в столицу Таджикской ССР Душанбе.

Товарищ Л. И. Брежнев вместе с руководителями республики совершил поездку на строительство Нурекской ГЭС, побывал в штабе строительства и на воздвигаемой плотине. На монтажной площадке будущего здания ГЭС Леонид Ильич сердечно и душевно беседовал с рабочими, интересовался условиями труда на стройке, организацией быта и отдыха строителей. От имени ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев передал горячий привет коллективу строителей Нурекской ГЭС, пожелал ему новых трудовых достижений. Он посетил город гидростроителей Нурек, беседовал с его жителями.

Л. И. Брежнев совершил поездку в крупное хлопководческое хозяйство республики — колхоз имени XXII съезда партии, Орджоникидзеабадского района.

В Душанбе вместе с руководством ЦК Компартии Таджикистана,

Президиума Верховного Совета и Совета Министров Таджикской ССР товарищ Л. И. Брежнев посетил республиканскую Выставку достижений народного хозяйства.

3 сентября товарищ Л. И. Брежнев встретился в ЦК КП Таджикистана с членами и кандидатами в члены Бюро ЦК. Руководители республики рассказали о главных проблемах и перспективах развития промышленности, сельского хозяйства, социального и культурного строительства в Таджикской ССР.

Л. И. Брежнев, горячо встреченный присутствующими, выступил с большой речью на собрании партийного актива Таджикистана. Участники собрания с огромным вниманием слушали товарища Л. И. Брежнева. Его речь неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами.

3 сентября товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Таджикистана. В тот же день он прибыл в город Фрунзе — столицу Советской Киргизии.

Вместе с руководителями республики товарищ Л. И. Брежнев посетил республиканскую Выставку достижений народного хозяйства.

С большим радушием и теплотой встретили Генерального секретаря ЦК КПСС труженики Кантского района республики. Здесь Л. И. Брежнев побывал на Киргизской машиноиспытательной станции «Союзсельхозтехники». Он ознакомился с механизированной уборкой сахарной свеклы на одном из полей опытного хозяйства, где проходит испытания свеклоуборочный комбайн «КСТ-2А», осмотрел цех по производству витаминной сенной муки, новые сенажные башни, животноводческие фермы.

Товарищ Л. И. Брежнев и руководители республики посетили завод сельхозмашиностроения имени М. В. Фрунзе. Леонид Ильич тепло и задушевно беседовал с рабочими в сборочном и кузнечно-прессовом цехах, интересовался возможностями расширения производства, увеличения выпуска пресс-подборщиков, улучшения их конструкции.

Л. И. Брежнев совершил поездку в район озера Иссык-Куль, ознакомился с расположенными здесь здравницами, с организацией отдыха трудящихся, беседовал с представителями партийного и хозяйственного актива Иссык-Кульского района, воинами Среднеазиатского военного округа.

7 сентября Л. И. Брежнев, тепло встреченный присутствующими, выступил с большой речью на собрании партийного актива республики. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС была выслушана с большим вниманием, неоднократно прерывалась аплодисментами участников собрания.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Киргизии и прибыл в Ташкент — столицу Советского Узбекистана.

* * *

Репортаж о пребывании Л. И. Брежнева в Узбекской ССР будет опубликован в следующем номере.

ВЕРНАЯ ЛИНИЯ

«В вопросах войны и мира Финляндия не является нейтральной — она стоит за мир и противостоит войне». Эти слова принадлежат Президенту Финляндской Республики Урхо Калева Кекконену, которому недавно исполнилось 70 лет.

Советские люди с одобрением и пониманием относятся к деятельности этого дальновидного и мудрого государственного руководителя.

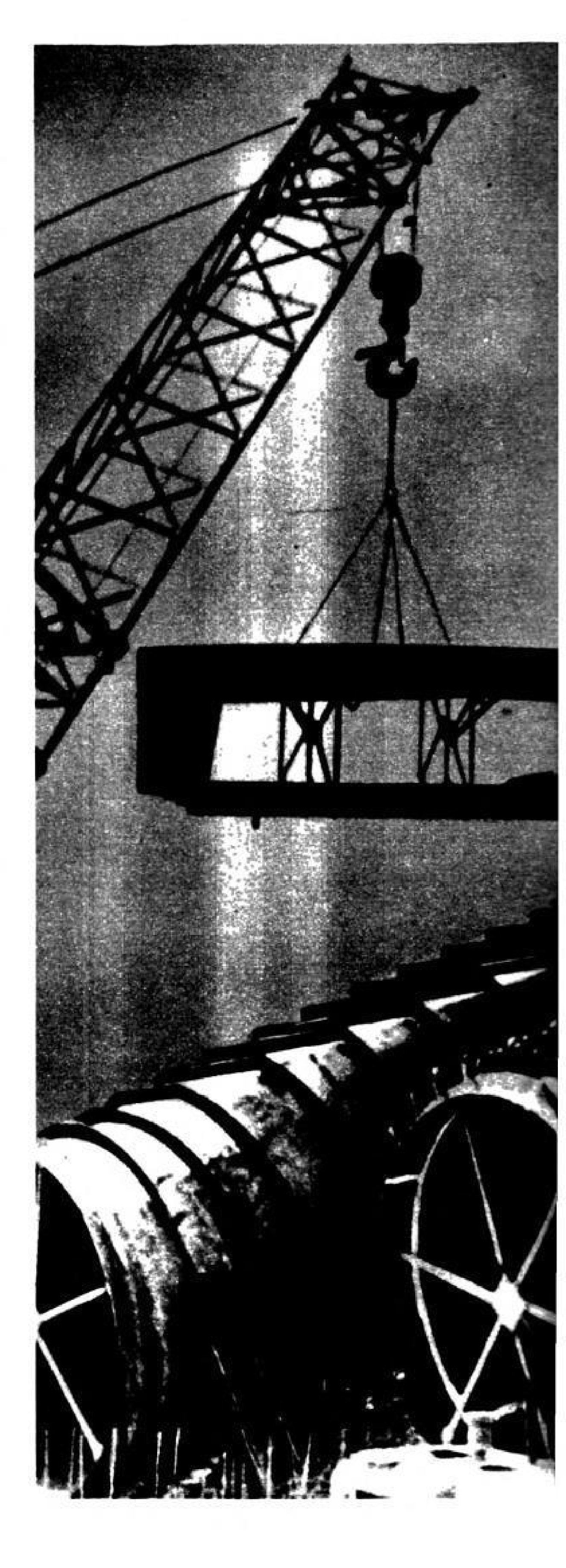
Наряду с Ю. К. Паасикиви У. К. Кекконен внес большой вклад в преодоление трудных исторических наслоений прошлого и формирование прочной и искренней дружбы между нашими странами.

У. К. Кекконен лично участвовал в подготовке и заключении в 1948 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией. При его активном и непосредственном участии срок действия этого важного исторического документа был дважды продлен — в 1955 и 1970 годах.

С именем У. К. Кекконена связаны важные шаги Финляндии на международной арене: президент Финляндии выдвинул предложения о создании безъядерной зоны на Севере Европы и обеспечении мира в этом районе. Большие усилия У. К. Кекконен предпринимает также в подготовке общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

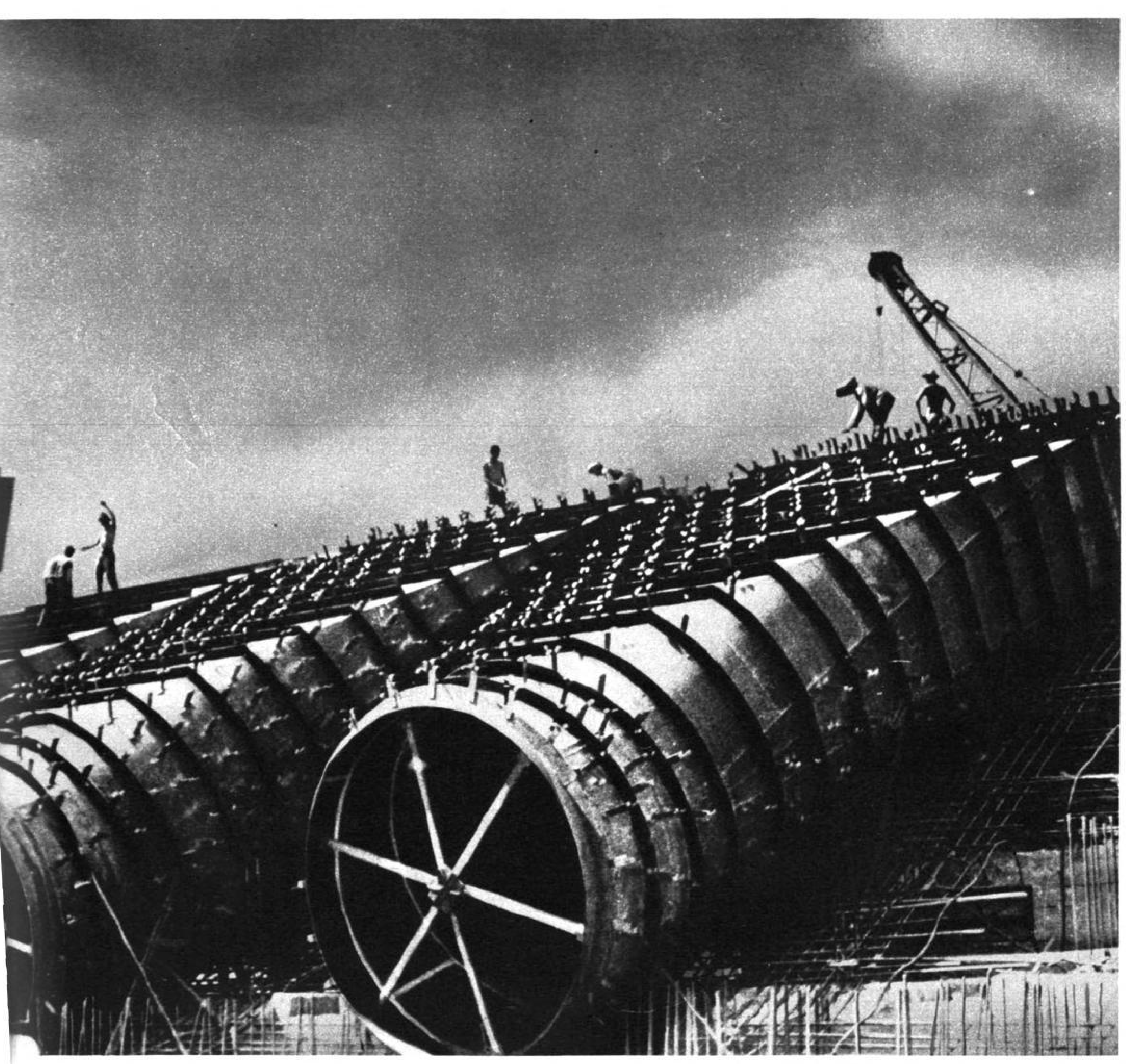
Линия прочной дружбы с Советским Союзом, линия активной борьбы за мир и международное сотрудничество на мировой арене известна ныне всему миру как линия «Паасикиви — Кекконена».

В послании, направленном Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным и А. Н. Косыгиным в день 70-летия Президенту Финляндской Республики, говорится: «Мы убеждены, что дружба и тесное сотрудничество между Советским Союзом и Финляндией, для укрепления которых Вы приложили и прилагаете так много усилий, будут и впредь успешно развиваться и обогащаться все новым содержанием на благо народов наших стран».

НАБЕРЕ ПЛОДОР

«Огонек» рассказывает о создании нового хлопководческого района в Узбекистане.

На второй насосной станции уже монтируют водоводы.

…жная …одия

Каршинская степь. Жара. Столбы смерчей, поднимающихся в безоблачное небо. Перегревающиеся моторы автомобилей, экскаваторов, бульдозеров. Металл, как раскаленная сковородка. Плюнешь на него — шипит. Снаружи — градусов пятьдесят. В кабине бульдозера — все семьдесят. До горизонта ровная, выгоревшая земля. Хочется пить. Тонкая струя теплой, не утоляющей жажду воды льется из трубы, выросшей прямо из песка. Верблюд и автокран вытянули свои длинные шеи в очереди у колодца.

— Воды! — просят сотни тысяч гектаров плодородной земли.— Воды! — просит Каршинская степь. А вода рядом. Катится полноводьем, водоворотит у берегов. Это Амударья несет свои воды в Арал. Мимо несет.

Недавно принято постановление об ускорении работ по орошению и освоению земель Каршинской степи в Узбекской ССР. Ныне здесь создается крупная база по производству тонковолокнистых сортов хлопчатника. Страна будет каждый год получать дополнительно 1 300 тысяч тонн ценнейшей технической культуры. А кроме хлопка — овощи, фрукты, виноград, цитрусовые...

Ныне большой коллектив Всесоюзной ударной комсомольской стройки живет напряженной жизнью. От Амударьи на 200 километров в глубь степи протянулось строительство Каршинского магистрального канала с Талимарджанским водохранилищем емкостью до одного миллиона кубометров.

В ближайшее десятилетие намечено освоить 200 тысяч гектаров земель. Исполинская набережная плодородия вдоль русла канала.

Вырастают бетонные бастионы мощных насосных станций, способных в минуту поднять на 132-метровую высоту 12 тысяч кубометров воды. Строятся заводы железобетонных конструкций, деревообрабатывающий комбинат. В зоне канала создана мощная производственная база. Возводятся благоустроенные рабочие поселки. Столица строителей — поселок Талимарджан — уже насчитывает около пяти тысяч жителей.

Разбужена веками дремавшая под солнцем щедрая земля. Дай ей воды, человек, и она сторицей вознаградит тебя.

Н. КЛЮЧНЕВ

Фото автора.

13 сентября — День танкистов.

СУХОПУТНЫЕ БРОНЕНОСЦЫ

В канун всенародного праздника Дня танкистов редакция журнала «Огонек» обратилась к НАЧАЛЬНИКУ ТАНКОВЫХ ВОЙСК СОВЕТСКОЙ АРМИИ ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, МАРШАЛУ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК А. БАБАДЖАНЯНУ с просьбой рассказать читателям о танках настоящего и будущего. Публикуем ответы маршала на вопросы нашего корреспондента.

— Чем знаменателен нынешний, двадцать пятый по счету День танкистов!

— У нынешнего праздника особые приметы. Столетие со дня рождения В. И. Ленина и 25-летие со дня Победы над гитлеровской Германией — эти великие даты и подготовка к их празднованию сыграли огромную роль в жизни танкистов в этом году и, конечно, в их боевой и политической подготовке. Творческим, боевым отчетом танкистов перед партией и народом явились самые крупные в истории армии маневры «Двина». До сих пор перед глазами стоит яркая картина танкового «сражения», разыгравшегося на белорусской земле, «сражения», в котором принимало участие такое же количество танков, как и в знаменитой битве на Курской дуге, под Прохоровкой. На поле «сражения» — сплошь могучие боевые машины, рвущиеся в атаку. Вслед за ними — юркие бронетранспортеры с пехотой. И опять танки, танки... Гремят выстрелы, ревут двигатели, дыбится взрывами земля... Бронированная лавина «северных», сокрушая все на своем пути, безудержно несется вперед. А навстречу ей не менее грозная сила — танки «южных».

Это было поистине грандиозное «сражение». Танковые соединения и части действовали стремительно и решительно, умело маневрировали на поле «боя», мастерски преодолевали многочисленные реки, озера, заболоченные участки... И все это выполнялось в таком темпе, который никак не укладывается в рамки представлений Великой Отечественной войны.

Ныне каждый второй танкист — отличник учебы. Все, кому положено,— классные специалисты. Во многих экипажах достигнута полная взаимозаменяемость: механик-водитель может вести огонь из пушки, заряжающий, наводчик, командир — сесть за рычаги танка... Но достигнутое не предел. Недаром во всех частях и соединениях ярко горит огонь соревнования за достойную встречу XXIV съезда КПСС.

Таковы главные приметы сегодняшнего праздника.

— Товарищ маршал, расскажите, пожалуйста, что из себя представляет современный советский танк!

— «С пушкой, в душу наведенной, страшен танк, идущий в бой». Эти известные строки из «Василия Теркина», пожалуй, лишь частично характеризуют сегодняшний танк. Конечно, и легендарная «тридцатьчетверка», признанная классическим танком второй мировой войны, способна неплохо воевать, но от современной боевой машины она отличается, как кремневое ружье от автомата.

Современный танк представляет собою высокоманевренную стальную крепость, способную вести борьбу с противником как в условиях ракетно-ядерной войны, так и с применением обычного оружия. На нем установлены принципиально новые приборы, позволяющие поражать противника с первого выстрела на большой дистанции. Значительно увеличилась подвижность и мобильность машин, и, следовательно, их боевые действия стали еще более маневренны.

Из всех видов боевой техники танки обладают способностью наиболее эффективно противостоять воздействию ядерного оружия. Они могут преодолевать обширные зоны радиоактивного заражения и разрушения. Приборы ночного видения позволяют танкистам успешно действовать не только днем, но и ночью.

Фронтовики хорошо помнят, каким сложным препятствием на пути наступающих войск являлись реки, особенно такие, как Днепр, Одер, Висла. Во времена Отечественной войны танки переправлялись на паромах или по мостам. Так было, например, при форсировании Днепра 3-й гвардейской танковой армией в 1943 году.

На учениях «Днепр» мы видели, как эту же реку, в том же самом месте форсировали с ходу плавающие танки, а вслед за ними в короткий срок переправились по дну основные силы танковых подразделений и частей.

Подводя итоги сказанному, отмечу, что советские танки превосходят по техническому уровню последние образцы боевых машин стран — участниц агрессивного блока НАТО.

Как в бою... Фото Г. Макарова.

— В чем заключается морально-психологическая подготовка танкистов?

Танкистами не рождаются. Ими становятся. И чтобы стать представителем этого рода войск, надо уметь сочетать и мужество подводника, и хладнокровие летчика, и выносливость пехотинца, и зоркость разведчика... И главное — страстно желать подчинить себе грозную машину.

Современный танк — сложный комплекс современных механизмов и агрегатов. В танке находит широкое применение автоматика и полуавтоматика. Чтобы мастерски водить танк, постичь искусство меткой стрельбы, требуются высокие технические знания.

Но знание — только одна сторона дела. Ведь для того, чтобы вести бой в танке, требуется максимальное напряжение всех моральных и физических сил. Да и прежде, чем вступить в бой, танкисту приходится совершать длительные марши, главным образом по бездорожью, в дождь, туман, метель, преодолевать различные препятствия — заболоченные участки, овраги, крутые подъемы и спуски, а если встретится река — вести танк под водой. Для всего этого, помимо знаний, нужны и хороший вестибулярный аппарат, не менее надежный, чем у космонавтов, и стальные мускулы, и железная воля.

Возьмем, к примеру, механика-водителя. Ночь не ночь, метель не метель, а машину надо вести по всем правилам. Танк «устанет», а ты должен держаться. Даже на привале механик-водитель не может позволить себе расслабиться: все отдыхают, а он обслуживает танк.

Я уж не говорю о смекалке, быстроте реакции, инициативности, выдержке, решительности... Конечно, эти качества нужны и воинам всех других родов войск. Однако для танкистов они особенно важны. Сам характер боевой деятельности танкового экипажа и условия нахождения человека в боевой машине требуют, чтоб он обладал всеми этими качествами без изъянов. Если артиллерист, мотострелок во время боя видят все вокруг себя, могут наблюдать действия соседей и слышать голоса товарищей, то экипаж танка находится как бы в изоляции, поддерживает связь только по рации, а возможности наблюдения у него, конечно, много хуже, чем у воинов других родов войск.

Следовательно, экипаж танка хотя и ведет бой в рамках полученной задачи, но делает это вполне самостоятельно и довольно часто обязан сам принять решение — открыть огонь, совершить маневр или изменить темп движения.

От всех членов экипажа боевой машины требуются большая слаженность, четкость, согласованность, мужество, выдержка. И все члены экипажа должны быть, так сказать, психологически совместимы, то есть быть друзьями, ежели так можно выразиться, не по обязанности, а по велению сердца. Подобрать такие экипажи, привить им все необходимые качества нелегко... Для этого нужны вдумчивые наставники — офицеры. Такие офицеры и командуют экипажами и подразделениями. Недаром в народе танкистов называют стальными солдатами. А разве иначе назовешь, например, механика-водителя младшего сержанта Владимира Ятченя? На маневрах «Двина» этот воин нырял в ледяную воду до тех пор, пока не зацепил трос за гусеницу танка своего друга младшего сержанта Василия Гончара, который застрял в болоте. И таких примеров немало.

— А каковы взгляды советской военной науки на использование бронетанковых войск в современной войне?

— В Великой Отечественной войне в битвах под Сталинградом, на Курской дуге, в ходе Корсунь-Шевченковской, Белорусской, Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской и других операций танки были той мобильной ударной силой, которая взламывала оборону врага, рассекала ее на части, помогала другим родам громить фашистов. Если говорить кратко, то девизом советских танкистов всегда были и есть скорость, быстрота маневра, огневая мощь.

С появлением ракетно-ядерного оружия роль бронетанковых войск еще больше возросла. Они являются главной ударной силой сухопутных войск. Во взаимодействии с ракетными войсками, авиацией и воздушными десантами бронетанковые войска, используя свои технические возможности, в короткий срок способны овладеть важными районами в глубоком тылу противника. Наши танковые соединения могут вести боевые действия автономно, в значительном отрыве от своих войск. При необходимости они будут прочно удерживать захваченные районы или важные объекты, вести активные оборонительные действия, мощным огнем наносить удары превосходящим силам противника. Им принадлежит решающая роль в окончательном разгроме наземного противника.

Будущая война — это не дуэль ракет. Как и во всякой войне, в будущей придется захватывать и удерживать территории. В том числе и те, которые подвергались ракетно-ядерным ударам. Эти задачи лучше всех могут выполнить танковые войска.

— Что можно сказать о советских танкостроителях?

— Как известно, первый советский танк вышел из ворот завода «Красное Сормово» 31 августа 1920 года. Таким образом, сегодня мы отмечаем и пятидесятилетие советского танкостроения.

Заслуги танкистов неотделимы от наших танкостроителей, чей творческий труд содействовал и содействует росту могущества Вооруженных Сил нашей Родины. Мы с уважением называем имена изобретателей замечательных боевых машин — Ж. Я. Котина, Н. А. Кучеренко, А. А. Морозова, А. С. Ермолаева и других.

На фронтах Великой Отечественной войны мы не раз вспоминали добрым словом верных друзей — танкостроителей и конструкторов машин. И сегодня мы говорим им солдатское спасибо за те новые боевые машины, которые они создали для нас. Мы уверены, что советские ученые, конструкторы, инженеры, рабочие приложат все силы к тому, чтобы слава лучших в мире танков по-прежнему принадлежала нашей Родине!

— И последний вопрос. Каким вы хотите видеть будущий танк?

— На мой взгляд, классическая схема конструкции танков в ближайшее десятилетие останется прежней. Вряд ли могут появиться какие-либо «летающие», «прыгающие» и другие танки необычной конструкции. Однако боевые свойства, разумеется, будут значительно улучшены. Достижения современной науки и техники позволят значительно увеличить огневую мощь танков, усилить броневую защиту при общем снижении веса машины, повысить маневренность.

Ну, а как все это будет осуществляться, про то знают наши замечательные создатели танков, которые вместе с воинами Советской Армии делают все от них зависящее, чтобы крепла мощь наших Вооруженных Сил, чтобы спокойно трудились советские люди.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Николай ПАСТУХОВ

Шесть недель бурно и напряженно заседал индийский парламент. Вопросы, которые он обсуждал, волновали не только полумиллиардное население Индии, но и получили резонанс на страницах зарубежной печати.

Казалось бы, какое дело внешнему миру до того, сохранят или не сохранят свои привилегии бывшие индийские князья? Оказывается, эта, как и многие другие острые проблемы современной Индии, живо интересует зарубежных наблюдателей. Ведь за каждой из них скрывается социально-политическое противоборство сил реакции и прогресса, от исхода которого зависят будущее Индии, ее место в международных отношениях.

Западные буржуазные газеты, например, не скрывают своих симпатий к таким правым индийским партиям, как «Сватантра» и «Джан сангх», выражающим интересы крупных капиталистов и помещиков, к группе реакционеров из «синдиката», отколовшейся от правящей партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Ведь именно эти силы, сформировавшие практически общую платформу, пытаются затормозить социально-экономический прогресс страны, столкнув ее с политики неприсоединения, и через черный ход истории ввести в лоно печального своей славой «свободного мира».

Вполне закономерны и симпатии печати стран социалистического содружества к патриотическим силам Индии, ко всему ее великому народу, который ценою огромных усилий и жертв пытается вырвать страну из отсталости, тяжелого колониального наследия, прочно поставить ее на путь прогресса, политики поддержания всеобщего мира и международного сотрудничества.

Что же показала последняя сессия индийского парламента?..

Я мысленно представляю себе зал заседаний Лок Сабха (Народной Палаты), с пресс-галереи которого видел не одну битву сил прогресса и реакции. Слева от спикера скамьи оппозиции. Справа и в центре — депутаты ИНК. Но сегодня оппозиция совсем не та, что многие годы назад. Произошла поляризация политических сил. ИНК предлагает конструктивные мероприятия, направленные на оздоровление социально-экономического климата страны. Депутаты «синдиката», «Сватантры», «Джан сангх» и других более мелких правых партий, так называемый «Большой альянс реакции», выступают единым фронтом против этих мероприятий, а Коммунистическая партия Индии и другие левые партии голосуют за проведение в жизнь прогрессивных преобразований.

На заключительной стадии прошедшей парламентской сессии премьер-министр Индира Ганди внесла на рассмотрение депутатов Лок Сабха законопроект об отмене привилегий и пенсий бывшим индийским князьям. Это дало бы возможность правительству освободить огромные суммы на развитие сельского хозяйства и государственного сектора.

Народная палата одобрила законопроект более чем двумя третями голосов. Однако в верхней палате правым удалось его блокировать. Кульминацией борьбы явился указ президента Индии, которым были отменены пенсии, титулы и привилегии бывшим правителям индийских княжеств.

Индира Ганди призвала свою партию «быть готовой к новой битве» и не опускать руки. «Голосование в обеих палатах,— указала она,— показало, что страна с нами... Наш шаг — это шаг в правильном направлении. Такие революционные перемены никогда не бывают легкими... Я убеждена, что окончательная победа будет за нами. У меня нет сомнений». В этом не сомневаются и все искренние друзья индийского народа. На самом деле сколько уже важных мероприятий проведено правительством Индиры Ганди за последнее время, в момент наиболее острой внутриполитической борьбы! Осуществлена национализация 14 крупнейших частных банков страны. Это позволило правительству взять под свой контроль около 90 процентов всех банковских активов и направить на развитие экономики дополнительно около 20 миллиардов рупий. Летом этого года индийское правительство запретило монополиям расширять предприятия и оставило за собой право регулировать их производство и устанавливать цену на продукцию этих предприятий. И, наконец, проведена национализация импорта хлопка.

Обращает на себя внимание и тот факт, что массовая поддержка всех прогрессивных мероприятий правительства нашла свое отражение в избрании президентом Индии (август 1969 года) видного политического деятеля страны В. Гири — последовательного сторонника премьер-министра Индиры Ганди.

Таким образом, весь ход бурного развития Индии за последнее время, а также закончившаяся сессия парламента убедительно свидетельствуют о том, что последователи Индиры Ганди как в правительстве, так и в правящей партии, левые и демократические силы выступили с конструктивными предложениями, направленными на социальные преобразования и подъем национальной экономики страны, за проведение самостоятельного курса «мира и неприсоединения» в сфере международных отношений. Ни у кого не существует и тени сомнения в том, что именно эта независимая политика способствовала и способствует укреплению национальной независимости страны, повышению ее международного престижа.

И совершенно очевидно, что силы прогресса в Индии возьмут верх над силами реакции. Такова логика общественного развития в наш век.

НАВСТРЕЧУ IV КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

Интервью с ответственным секретарем Советского Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки О. Г. АГЗИБЕКОВЫМ.

ВОПРОС. Как зародилось движение афро-азиатских писателей?

ОТВЕТ. Начало современному движению литераторов стран Азии и Африки было положено на делийской встрече писателей в 1957 году. Сознавая, что в общем освободительном процессе, охватившем в то время многие страны двух континентов, важная роль принадлежит творческой интеллигенции, прогрессивные писатели стран Азии и Африки решили объединить свои усилия в борьбе против империализма и колониализма.

С тех пор прошло немало времени. На политической карте Азии и Африки появились десятки молодых независимых государств. В этом процессе немаловажную роль сыграли те писатели и поэты, которые в своих произведениях призывали народы к борьбе за национальное освобождение и к солидарности с другими народами, сражающимися против общего врага — колониализма.

Для обсуждения насущных вопросов писательского движения и разработки планов единых действий писатели обоих континентов не раз собирались на конференции, симпозиумы, обменивались делегациями. Наиболее важными из этих встреч была писательская конференция в Ташкенте в октябре 1958 года, Каирская конференция 1962 года и, наконец, Бейрутская конференция 1967 года. Характерно, что от форума к форуму росло число стран-участниц. Если в Ташкенте собрались представители 37 стран, то в Каире были уже представлены 43 страны. А в последней, Бейрутской конференции участвовали посланцы 48 стран Азии и Африки и наблюдатели от 10 стран Европы и Америки.

ВОПРОС. Какие практические мероприятия проводит Ассоциация писателей стран Азии и Африки?

ОТВЕТ. Бейрутская конференция, например, обсудила вопросы, касающиеся роли литературы в освещении проблем национально-освободительного движения, противодействия влиянию империализма на национальную культуру и организационного укрепления афро-азиатского литературного движения.

По решению участников литературного форума в Бейруте Ассоциация афро-азиатских писателей создала свой печатный орган — ежеквартальный журнал «Лотос», который выходит сейчас на арабском, английском и французском языках. Журнал призван способствовать взаимному обогащению литератур различных народов афро-азиатских стран, содействовать тому, чтобы произведения прогрессивных писателей двух континентов стали достоянием читательской аудитории во всем мире. В последнее время в свет вышло четыре номера журнала, в которых опубликованы рассказы, стихи, эссе, публицистические и критические статьи литераторов 42 стран. Учреждена литературная премия «Лотос», которая должна присуждаться ежегодно за лучшие произведения писателей Азии и Африки.

Сейчас писатели стран Азии и Африки готовятся к своему очередному форуму, IV конференции писателей стран Азии и Африки, которая откроется в середине ноября этого года в столице Индии Дели.

ВОПРОС. Кто работает в бюро ассоциации и какова его деятельность?

ОТВЕТ. В работе последнего бюро ассоциации, которое состоялось недавно в Москве, приняли уча-

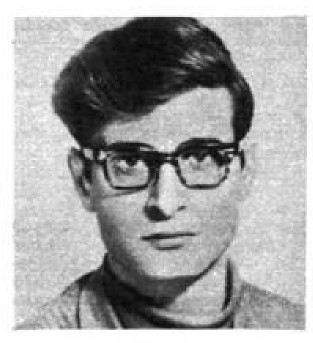
То Хоай.

Агостиньо Нето.

Алекс ла Гума.

Махмуд Дервиш.

Хариваншрай Баччан.

Зульфия.

стие такие известные писатели, как Юсеф эс-Сибаи — египетский прозаик, являющийся генеральным секретарем ассоциации, Камил Яшен от Советского Союза, Сохейль Идрис из Ливана, Дуду Гей из Сенегала, Ёсике Накадзоно из Японии, Тудэв из Монголии, представитель борющейся Анголы Коста Андраде, Ом Паливал и Бхишан Сахни из Индии, Космо Питерс из Южной Африки, Мулуд Маммери из Алжира и другие.

— Наши заседания,— сказал Юсеф эс-Сибаи, открывая сессию Постоянного бюро,— напоминают мне встречу большой семьи. Члены этой семьи живут в разных странах мира, далеко друг от друга. Время от времени они собираются все вместе для того, чтобы рассказать, что они делали, и обменяться планами на будущее.

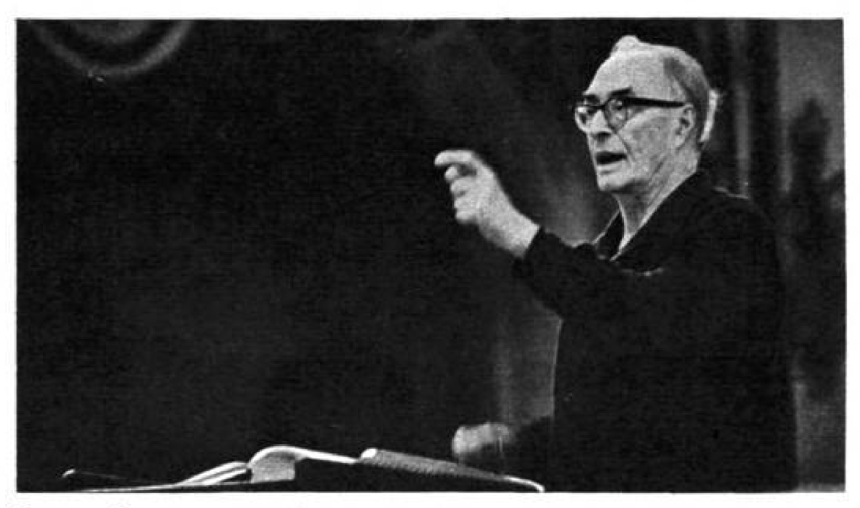
Участники встречи рассказали о развитии литературного движения в своих странах, о том, как писатели готовятся к предстоящей конференции в Дели. Они обсудили и утвердили повестку дня конференции, которая отражает актуальные задачи, стоящие перед писателями афро-азиатских стран. Первый пункт повестки дня определяет первую и основную из этих задач — активное участие афро-азиатских писателей в борьбе против империализма, в борьбе за единство всех антиимпериалистических сил. Второй пункт посвящен новым жанрам в афро-азиатских литературах и роли, которую эти литературы призваны сыграть в борьбе за национальное освобождение, демократию и прогресс. Остальные пункты повестки дня касаются задач массовой информации в повышении эффективности борьбы за интересы народов и возрождения исторических культурных связей между народами Азии и Африки.

Участники Постоянного бюро и члены Международного жюри на совместном заседании приняли еще одно важное решение. Были присуждены премии «Лотос» за лучшие произведения, которые правдиво отражают жизнь и чаяния народов афро-азиатских стран, противостоящих империализму и колониализму. Первыми лауреатами премии «Лотос» стали известный вьетнамский прозаик То Хоай, ангольский поэт и общественный деятель Агостиньо Нето, романист из Южной Африки Алекс ла Гума, палестинский поэт Махмуд Дервиш, индийский поэт Хариваншрай Баччан и советская поэтесса Зульфия.

Присуждение премий «Лотос» явилось большим событием в литературной жизни афро-азиатских писателей, событием, которое, несомненно, окажет благотворное влияние на писательское движение, будет способствовать его укреплению и расширению.

В ходе сессии Постоянного бюро проходило и заседание редколлегии журнала «Лотос». Обсудив содержание вышедших номеров журнала, члены редколлегии рассмотрели материалы, присланные авторами из разных стран Азии и Африки. Участники совещания наметили ряд конкретных мер по улучшению подбора материалов, по ускорению производственного цикла и распространению журнала в различных странах мира.

В заключение мне хотелось бы сказать, что писатели стран Азии и Африки сейчас весьма активно готовятся к предстоящей Делийской конференции.

Лауреат Государственной премии, народный артист СССР Александр Васильевич СВЕШНИКОВ.

Фото Л. Шерстенникова.

К 80-летию со дня рождения

ТРУД И ПРИЗНАНИЕ

Свешников — музыкант. Убежденный, бескомпромиссный. Однажды в жизни он выбрал свой путь в искусстве и вот уже много лет неуклонно следует к избранной цели.

Все, в чью судьбу вошла война, неизбежно помнят то пронизывающее душу чувство горькой сердечной боли и в то же время светлой надежды, что рождали старинные русские песни в исполнении Русского хора под руководством А. В. Свешникова.

В 1942 году возник этот коллектив. Диск репродуктора донес песни, сложенные великим народом, в солдатские землянки и в походные кабинеты командующих армиями, в холодные пустые квартиры блокадного Ленинграда и в огромные корпуса тыловых заводов. Благодаря этим песням советский человек еще раз почувствовал величие своей многовековой истории, еще раз вспомнил о тяжелых испытаниях, что выпадали на долю русского народа, всегда выходившего из них победителем.

Мысль о создании профессионального хора, главным в программе которого была бы русская народная музыка, родилась у Александра Васильевича Свешникова давно. Но именно годы войны доказали необходимость существования такого музыкального коллектива. Народной музыкой, песней показать непреходящую историческую связь между прошлыми подвигами народными и сегодняшним ратным днем — эту благороднейшую задачу поставил Свешников перед своим хором.

После войны хор А. В. Свешникова становился все более и более популярным. Каждая новая песня открывала еще одну яркую, зачастую забытую страницу в истории народной культуры. Успех приносил не только репертуар, близкий и родной каждому слушателю. Главные усилия Александра Васильевича были направлены на то, чтобы народная песня как музыкальное произведение заняла по праву свое почетное место на концертных подмостках. Продолжая традиции великого знатока, собирателя и хранителя народной музыки Н. А. Римского-Корсакова, А. В. Свешников сумел раскрыть богатейшие, поистине несравненные красоту и благородство русской песни. Его отношение к народному напеву одухотворено заботливостью подвижника. Можно бесконечное число раз слушать хор под управлением А. В. Свешникова и каждый раз открывать для себя новые оттенки, новую красоту в старых песнях.

Человек, в совершенстве постигший глубинную ценность своей родной культуры, не может быть равнодушным к богатству, созданному другими народами. Потому так ярко, выпукло звучит зарубежная народная музыка в исполнении Государственного академического Русского хора под руководством профессора А. В. Свешникова. Потому так тщательно отшлифовывает он каждое произведение Моцарта и Рубинштейна, Баха и Чайковского. Великие народы, великие композиторы создавали произведения, показывающие могучие возможности человеческих голосов, слитых воедино. Александр Васильевич Свешников огромным трудом своей жизни дарит нам бесценное богатство. Мы благодарны ему за это.

Да, создание одного из крупнейших в стране хоров, ежедневная работа с ним — это гигантский труд. А ведь Александр Васильевич с 1948 года — бессменный ректор Московской государственной консерватории. По его инициативе в Москве открыто Хоровое училище, он постоянно работает с одним из своих любимых коллективов — хором мальчиков. Вспоминаются и те годы, когда Александр Васильевич, будучи депутатом Московского Совета, успевал так много доброго и нужного делать для людей. Когда находит он время для всех этих, казалось бы, необъятных забот? Откуда черпает он силы неизменных добросовестности и увлеченности, с которыми относится к каждому своему рабочему часу? Наверное, главный источник — это уверенность в необходимости дела, которому он посвятил жизнь. И еще в огромной отдаче, которую он получает ежечасно: и выступая с хором в концерте, и занимаясь со студентами, и просто общаясь с людьми.

В консерватории Александр Васильевич пользуется огромной любовью и уважением. Не только как музыкант высочайшего профессионального уровня. Просто как человек. Мягкий, отзывчивый, он обладает очень редким даром — искренней душевностью. В его кабинет идут со всеми радостями и горестями и преподаватели и студенты. Он умеет удивительно слушать людей, понимать их. Александр Васильевич — самая высшая и самая надежная инстанция во всех студенческих неурядицах. Мне вспоминается, как на одном из педсоветов он буквально с мольбой в голосе обратился к преподавателям обязательных дисциплин: «Дорогие коллеги! Пожалуйста, не требуйте, чтобы студенты знали ваш предмет лучше вас самих». Наши студенты знают, конечно, о добросердечности ректора, но не злоупотребляют ею. Они, так же как и преподаватели, уважают в нем эту отеческую заботу о своих воспитанниках.

Сегодня народный артист СССР Александр Васильевич Свешников — юбиляр. Прожитые им годы — это бесконечный самоотверженный труд, народное признание, ответственность за это признание и еще более интенсивный труд...

Это талант, зрелый и опытный, и большая человеческая мудрость. И всегда молодое, горячее сердце, требующее новых забот и новых свершений.

Профессор,
заслуженная артистка РСФСР
Галина БАРИНОВА

Ю. БЫЧКОВ

ЯРКАЯ РАДУГА ЖИЗНИ

3

Летом сорок второго я, как и миллионы моих сверстников — сельских мальчишек, стал «заправским земледельцем».

...Вспоминаю медвяный запах свежескошенных трав, налитую соками земли пшеницу, пыльное марево, сопровождающее торжественное движение комбайна вдоль плотного строя ржаных колосьев, коралловые рифы вывернутого плугом урожая моркови и то, как в солнечные дни октября «паутины тонкой волос блестит на праздной борозде».

Чего только не выращивали в нашем колхозе в ту пору!

Сеяли рожь, овес, пшеницу, ячмень, горох, вику, пытались культивировать сахарную свеклу, подсолнечник, вполне удавался диковинный турнепс. Но никогда не пробовали у нас, на юге Подмосковья, выращивать лен. А так хотелось увидеть цветущий лен!

«Наверное, это очень красиво»,— думалось мне.

Предчувствие не обмануло. И когда я увидел нежно-голубое мерцание льняных полей Смоленщины, вольный разлив льнов Белоруссии, то словно поэтическое откровение пришло ко мне.

Картина Виктора Громыко «Льны белорусские» воспринимается как символ эпического звучания. Чувство художника делает закономерной и естественной изобразительную гиперболу: вздыбленная, всхолмленная земля, низкое солнце, высокая точка зрения придают картине сказочную величавость, былинную напевность. Бегущие по холмам волны цветущего льна исполнены поистине возвышенной красоты.

Успех белорусского живописца имеет принципиальное значение. Виктор Громыко в этом холсте подошел к образному решению темы «Земля и люди», философски-поэтически осмыслив богатые жизненные наблюдения.

Эта огромная тема легла в основу замечательного письма тружеников полей художникам, опубликованного в газете «Советская культура» от 5 сентября с. г.

В этом обращении знатные люди села пишут:

«Мы обращаемся к вам, товарищи художники, и мы уверены: по всем необъятным просторам советских полей, по всем республикам, из края в край огромной страны — все, кто работает на земле и осознает свою честь тружеников земли, с готовностью поддержат наше обращение. Мы обращаемся к вам, художники, мы обращаемся к руководителям организаций, которые ведают художественной жизнью в масштабах страны, обращаемся с предложением:

Устроить всесоюзную художественную выставку, посвященную людям социалистического земледелия, труженикам полей Советской страны.

И выставку назвать: «ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ»...

Наш призыв — да будет он той бороздой, в которую ляжет зерно искусства!»

Этой благородной теме посвящена и картина киргизского художника Сагынбека Ишенова «Красные волы, синий плуг».

...Мать преподносит сыну чашу с кумысом, особо ценимым киргизами напитком, снимающим усталость, дарующим новые силы. По-восточному ритуальна эта центральная сцена картины. В склоненной фигуре матери, в ласковой доброте рук, протягивающих чашу с кумысом, в праздничности ее одежды — великая признательность сыну, исполнившему свой долг батыра. Сын взволнован, сосредоточен. С трогательной нежностью плывут большие мужские руки навстречу чаше.

Красные волы, синий плуг, надел земли у семьи вчерашнего кочевника — признаки новой жизни. Советская власть, которую защищал этот молодой высокий парень в красноармейской шинели, сказала: «Владейте землей ваших дедов, поднимайте вековую залежь, засевайте черноземом пшеничными зернами — пусть будет хлеб, пусть будет много хлеба!»

Синий плуг, влекомый парой красных волов, прочертил по желтой, выгоревшей траве первую иссиня-черную борозду. Скоро благодатные семена укоренятся в земле-кормилице.

Большое содержание потребовало поиска большой формы. В произведении Ишенова претворен опыт таких больших мастеров, как Петров-Водкин, Машков, Кончаловский. Но основание этой картины — самобытный, национальный характер киргизского искусства. В красочной гамме полотна, в контрастах ярких тонов, в построении сцены, отдаленно напоминающем киргизский орнамент, угадывается живая связь живописной структуры картины с тысячелетним ковровым искусством.

Красива киргизская юрта, красива традиционная одежда. Старинные бытовые предметы у киргизов декоративны и искусны. Мне довелось бывать во многих районах Киргизии, гостить у чабанов и дехкан. Не помню дома или юрты, где бы не было двух-трех ковров — ширдаков, старинных, высокого вкуса произведений народного творчества.

Ширдак. Центральное поле украшает сложный узор роговидного орнамента. Ритмичный бордюр контрастирует с центральным полем ковра.

Словно элементы расшифрованного бордюра (ритмичный узор, бегущий вдоль четырех сторон ковра,— это цепи гор Тянь-Шаня, обступающие человека со всех сторон) обрамляют эпическую сцену встречи красного батыра.

«Власть Советам! Мир народам! Землю крестьянам!» — крылатые лозунги Октябрьской революции долетали до медвежьих углов и самых дальних окраин бывшей Российской империи. В столицу к первому Председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину со всех концов необъятной страны шли и шли посланцы сел и деревень, крестьянских общин и малых народов. Шли за советом, несли сокровенные мысли, людскую благодарность. Чаще других в беседах с Ильичем вставал вопрос о земле. Тема «Ходоки к Ленину» неисчерпаема, в ней находит выражение любовь народа к вождю революции.

В Кремль, к товарищу Ленину, пришли горцы Кавказа. Мудрость и гордое достоинство акцентирует в своих героях художник Павел Зарон.

Написанное в традициях русской станковой живописи, полотно привлекает внимание ярко очерченными характерами действующих лиц, психологической обусловленностью композиционных связей, тщательностью рисунка, мастерской лепкой фигур, чеканностью силуэтов, богатством и сложностью цветовых рефлексов, осязаемой материальностью предметного мира.

Стремление к героизации типично для почерка живописца из Орджоникидзе. Так, красная кирпичная стена, на фоне которой развертывается действие, как бы превращена художником в стяг. Полыхание кумачовой стены здесь признак времени, как в картине Иогансона «Допрос коммунистов» багровый ковер под ногами революционеров воспринимается символическим знаком оптимистической трагедии. При взгляде на картину Павла Зарона вспоминается не только строй художественного мышления нашего современника Иогансона, но и образно-пластическая структура полотен больших мастеров русской живописи.

...Широко известное высказывание В. И. Ленина о том, что «красивое нужно сохранять, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое», вспомнишь непременно при знакомстве с полотнами Юрия Кугача. На Всесоюзной художественной выставке им были показаны две картины: «В семье» и «Прощание».

Лирические жанры Кугача — словно один большой рассказ о людях колхозной деревни. Художник — поэт повседневной русской деревенской жизни. Сам он, преимущественно деревенский житель, прекрасно знает быт, обычаи, нравы своих земляков и с большой поэтической силой воплощает в искусстве свой идеал — образ сельского труженика.

Духовная щедрость характерна для его героев. Любой эпизод деревенской жизни мягкая и точная кисть художника естественно и просто возводит в ранг поэтического обобщения.

Между тем художник точен в передаче всего, что видим и мы, попадая в русский деревенский дом. Но как он любит этот мир, как верит в великую ценность бесхитростной деревенской жизни! С какой настойчивостью проповедует своими картинами цельность деревенских характеров! Ему однажды открылась истина: в народном понимании красоты заложена недюжинная нравственная сила,— и он это радостное открытие делает достоянием зрителя и заставляет его полюбить эту красоту.

Юрий Кугач в сюите картин на темы деревенской жизни привержен мажорной цветовой гамме, в которой ведущая роль отдана красному цвету, излюбленному колеру древнерусских живописцев и такого, например, превосходного мастера русского жанра, каким был Рябушкин.

Публикуемая в этом номере «Огонька» картина Кугача «В семье» — яркий пример талантливого использования многих оттенков одного, главенствующего цвета.

Кумачовое, в серебряных цветах платье молодой матери, алая кофта и багряный, в узорах передник бабушки, пунцовое платье девочки с косой, розовое в горошек платьице годовалой девчушки, багровая кайма настенного коврика.

Сочетание золотисто-желтых обоев с бело-розовыми домоткаными половиками, пестрого одеяла с белоснежным кружевным подзором рождает ощущение праздничности, домашнего тепла. Взаимная сердечная привязанность персонажей этой картины кажется нам естественной в этой среде, как воздух, как солнечный свет...

Постижение глубинных пластов народной культуры, высоких нравственных идеалов тружеников земли, освоение опыта современного и классического искусства, поэтическое видение, вдохновенная творческая работа увлеченных художников — вот что связывает картины нашей цветной вкладки.

В трех коротких статьях, в подборке картин, помещенных на вкладках трех номеров «Огонька», конечно, трудно было обрисовать разнообразие творчества мастеров советской живописи. Но мы пытались показать цвета спектра большой радуги нашего многонационального советского искусства.

Многообразны почерки мастеров, их подход к явлениям жизни, многолик мир образов, к которым они тяготеют. Но при всей непохожести рассмотренных в этом обзоре картин их роднят и объединяют живописный язык реалистического искусства, гуманистическое видение мира, яркая национальная окрашенность, органическое стремление к постижению основ народной эстетики. В работах художников разных республик нетрудно увидеть большое основополагающее влияние русской школы живописи.

Если вспомнить, что, следуя доброй традиции, «Огонек» публикует произведения, созданные мастерами нашего советского искусства, то в репродукциях сотен картин, ежегодно помещаемых на цветных вкладках журнала, эти обобщающие заключения найдут широкое подтверждение.

Духовное богатство, мажорную, праздничную устремленность в будущее несет в себе советская живопись. Словно яркая радуга жизни загорается у нас перед глазами, когда мы знакомимся со всесоюзными художественными выставками. Так было и в нынешнем, юбилейном, ленинском году.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34 и 35.

П. Зарон. Орджоникидзе. К ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

С. Ишенов. Фрунзе. КРАСНЫЕ ВОЛЫ, СИНИЙ ПЛУГ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В. Громыко. Минск. ЛЬНЫ БЕЛОРУССКИЕ.

Юрий НАГИБИН

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Фамилия у него была то ли болгарская, то ли грузинского корня. Арсен — народный герой Грузии. Но происходил Петя Арсенов с Ярославщины, и туда он ездил каждое лето в деревню к бабушке, под Ростов Великий. Была там старинная деревянная церковь. Однажды во время грозы в окошко влетела шаровая молния, прокатилась колобком по полу, стенам и потолку, не миновала амвона и царских дверей и вылетела в то же окошко. Вся опаленная изнутри по смуглому от возраста дереву церковь почему-то не загорелась, то было чудо, явленное ее покровителями Космой и Дамианом. Я любил эту историю, потому что рядом с нами, на углу Старосадского и Маросейки, находилась церковь тех же святых, и моему патриотическому чувству льстило, что эти ребята — мастера своего дела. А чему обязан ярославский паренек красивым чужедальним звучанием своей фамилии, так и осталось неизвестным.

Внешний облик Пети Арсенова никак не соответствовал привычному типу ярославца — пригожего, румяного, кучерявого молодца, крепкого и гибкого в плотном теле. Городской заморыш в детстве, к юности он накопил себе какую-то мускулатуру, малость расширился в плечах и с наивной гордостью предлагал всем и каждому пощупать свои бицепсы. Добился он этого великим трудом, железным режимом, тренировкой и усердным посещением боксерского кружка при клубе металлистов. Но румянца и ярославской холености Петя так и не приобрел.

Мы бесконечно гордились Петей Арсеновым: еще бы, не в каждом доме есть свой настоящий боксер! В табели о рангах дворовых силачей он, конечно, занимал первое место. Вернее сказать, он был вне конкурса, его не ставили на одну доску с другими. Он был как бы профессионалом среди любителей, и никому не приходило в голову сравнивать его даже с Вовкой Ковбоем, первым дворовым силачом.

Вспоминая дворовую жизнь, я обнаруживаю в ней такую сложную иерархию, что это под стать царскому, а не городскому двору. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню табель о рангах наших геркулесов. За Вовкой Ковбоем шел Сенька Захаров, за ним Слава Зубков, затем Сережа Лепковский, внук народного артиста, и так до Борьки Соломатина. А кто шел за Борькой Соломатиным? Надо бы считать — Сахароза, а после того, как я осилил его в могучем единоборстве на глазах всего двора, место по праву принадлежало мне. Но в том-то вся тонкость, что на Борьке Соломатине кончался один ряд, а с меня после победы над Сахарозой начинался другой. Никому не приходило в голову сказать, что Юрка, мол, идет за Соломатиным. Там одна компания, здесь другая, и была еще третья, начинавшаяся с Мордана и кончавшаяся драчливо-плаксивым Мулей, остальное — безучетная мелюзга. В основе деления лежал возрастной принцип. Ни сила, ни рост, ни развитие — телесное и умственное — не играли никакой роли. Внутри группы можно было перейти с одного места на другое, хотя и с громадными трудностями — в дворовых порядках царил удручающий консерватизм,— а вот вклиниться в высший разряд вообще исключалось. Самый паршивенький герцог все равно титулованнее самого распрекрасного графа, и никуда от этого не денешься. Я не учел незыблемости иерархических форм и, упоенный своей победой над Сахарозой, «навтыкал» Борьке Соломатину. Тоже публично, к тому же два раза подряд, ибо, не поверив в поражение, он высморкал кровь и снова полез. Он был много старше меня, но в отличие от легендарного Зураба я не пощадил седин богатыря. Кончилось тем, что он разревелся, не от боли, конечно, от унижения. Но напрасно ожидал я лавров. Старшие ребята глядели хмуро и осудительно. Я нарушил правила поведения, нарушил священный устав, привнес анархию в незыблемый миропорядок. Мой дерзкий поступок отрицал право старшинства и все привилегии возраста, научения, жизненного опыта. К Борьке Соломатину относились как к человеку, которому кирпич свалился на голову. Несчастье чуть комического рода, но все же смеяться нечего: человек ни за что ни про что тяжко пострадал.

И мои одногодки без всякого энтузиазма приняли эту победу. Нарушение традиции им тоже пришлось не по вкусу. Я *оказался* в незавидном положении принца Гамбургского: победа одержана, а победитель по уши в грязи. Через день-другой я прочел во взглядах старших ребят не только осуждение, но и что-то опасноватое. Сомнений не оставалось: меня ждет суровое возмездие. Я поднял дерзновенную руку не просто на слабосильного верзилу Соломатина, а на нечто высшее, затрагивающее всю дворовую аристократию, и мне не уйти от расплаты. И когда во время игры в ножички задиристый, щуплый Курица, стоявший в табели на ступень выше Борьки Соломатина, без всякого повода кинулся на меня и повалил, я пересилил искушение выбить дух из его хилого тела. С удивлением, близким печали, я обнаружил, что Курица, хоть и пожилистее и покрепче Борьки Соломатина, тоже слабак, но голос высшего смирения прознес внутри меня: покорись! Курица сплясал победный танец на моих костях и, оглядываясь на своих сверстников, молчаливо наблюдавших экзекуцию, спросил: «Получил? Хватит с тебя?» Он приметно дрейфил. «Хватит»,— сказал я и увидел, как потеплели лица окружающих. Порядок был восстановлен, слава порядку!..

Гамбургского счета у нас не существовало. Он появился много позже, когда мы подошли к порогу юности. И вот тогда-то рухнули многие репутации. Мне пришлось отстаивать свое место под солнцем от самых неожиданных искателей славы, сущих сопляков, вроде сытенького Женьки Мельникова по кличке «Бакалея» (его отец заведовал бакалейной лавкой) или жалкого Мули, который набросился на меня, заранее обливаясь слезами. Я, в свою очередь, припомнил Курице давнишнее надругательство, а заодно придавил его старшего брата и покровителя Лёлика. Непомерно вознесся Слава Зубков, сокрушивший великана Захарова, и стал чуть ли не вровень с самим Ковбоем; пожух красивый и рыцарственный Сережа Лепковский; окончательно развалился Борька Соломатин. И все так же недостижимо высоко и ярко блистала звезда Пети Арсенова-Боксера, великого и непобедимого.

А вместе с тем кое-что могло бы навести нас на серьезные подозрения в отношении Петиной непобедимости. Со своих занятий в клубе металлистов он возвращался в жалчайшем виде, весь какой-то обмякший. Синяки под его коричневыми задумчивыми глазами никогда не исчезали, лишь меняли оттенок: от багрового до иссиня-черного и горчичного. Он шел, тяжело волоча ноги, держа в одной бессильно повисшей руке чемоданчик с боксерскими принадлежностями, в другой — за шнурки — толстые перчатки. Он жаловался, что перчатки не помещаются в чемоданчике. Но, мне кажется, Петя нарочно обходился таким маленьким чемоданчиком, чтоб таскать перчатки отдельно. Пусть все видят, что идет боксер. Скажу прямо, он походил на победителя, лишь когда отправлялся на свои занятия, но никак не на обратном пути. Впрочем, уязвлена бывала лишь его бренная плоть, дух Арсенова не сгибался. И когда к нему обращались с традиционно шутливым: «Ну как, здорово тебе всыпали?» — он, светясь всем своим избитым маленьким лицом, счастливо отвечал: «А то нет? Ребятки, будь здоров, дают! Да ведь и я малый не промах». И охотно верилось, что он действительно малый хоть куда и умеет за себя постоять. Этому не мешало и последующее его признание: «Я удар плохо держу». Поскольку и это звучало отнюдь не похоронно, а тоже горделиво, как еще одно доказательство счастливой избранности. К тому же мы не очень-то понимали, что значит «плохо держать удар». Лишь много позже дошло до меня, как трудно приходилось Арсенову. И самому классному боксеру нелегко на ринге, если он плохо держит удар. А нашему Арсенову, что ни говори, было далековато до чемпиона мира. Ему приходилось брать подвижностью, чувством дистанции, филигранной защитой, темповой манерой ведения боя. «Где другой проведет один удар, я успеваю выдать серию»,— со скромной гордостью говорил Арсенов. Впоследствии я видел немало таких боксеров и от души сочувствовал им. Они проводили бешеную серию, публика неистовствовала от восторга, а противник, спокойно переждав неопасный смерч, наносил всего один, но сокрушительный удар. И Петя Арсенов после своих серий нередко оказывался на досках ринга. Но он не придавал значения этому, считая несчастным случаем, глупым недоразумением, о котором и вспоминать не стоит. И потому всякий раз,

придя в себя, он вновь становился непобедимым, ибо непобедимость — эта неизменная вера в победу, другой непобедимости не бывает — всех рано или поздно укладывает на лопатки если не рука более сильного, то рука времени.

К шестнадцати годам обычное мальчишеское лицо Арсенова стало приобретать жутковатую застылость маски. Разбитый, перемолотый нос растекся за положенные пределы, ушные раковины, утратив рельеф, двумя плоскими лепешками прижались к черепу, шрамы стянули кожу, ограничив подвижность лицевых мускулов. Арсенова несказанно радовала перемена в его облике. «Сразу видно: боксер»,— говорил он. Но, не ограничиваясь этим всплеском радости, объяснял скрытые выгоды внешнего превращения. Оказывается, самое страшное, когда под удар противника попадают хрящи,— это такая дикая боль, что ее невозможно вытерпеть. А теперь у него ни одного хряща на лице не осталось, он может вертеть, мять свой нос и уши, как будто они тряпичные. Но както непохоже было, что обретенное преимущество сильно увеличило победный список Арсенова. Он по-прежнему плохо держал удар. И по-прежнему возвращался из клуба металлистов, еле волоча ноги, с перчатками, повисшими на шнурках в опущенной руке, надвинув кепчонку на заплывшие глаза. Как бы ни был Петя исполнен веры и надежды, не мог же он не переживать постоянных своих поражений, ну хотя бы не задумываться над преследующим его роком! Но по-прежнему, стоило обратиться к нему с сочувственным или равнодушно-рассеянным: «Как дела?!» — его разбитые губы трогались улыбкой, и увлеченно, любовно, радостно он принимался славить свое божество — бокс.

Арсенова угнетало, что ни его воодушевляющий пример, ни пламенная агитация не пробудили ни в одном из нас мечты о ринге. Мы не сомневались, что Петя может уложить любого из нас одной левой, но, видимо, это и отпугивало от боксерской карьеры. Какие же чудо-богатыри его соперники, если Великий Арсенов едва притаскивает ноги из спортзала!..

А потом, как я уже говорил, пришло время переоценки ценностей. Поначалу ничто не угрожало Петиной репутации. Но время делает свое дело и не знает пощады. Волна разъедающего скепсиса докатилась и до Арсенова. Как-то раз, сидя на крылечке и остужая свинцовой примочкой багрово натекший глаз, он рассказывал ребятам о поездке их боксерской группы в подшефный колхоз. Они ездили туда, чтобы привлечь деревенских ребят к боксу и к спорту вообще. Петя не без юмора рассказывал о том методе наглядной пропаганды, который они там применили. Против Пети вышел первый силач, колхозный кузнец. Он размахнулся, целя Пете в ухо, ударил, но Петя ушел нырком, и могучий кузнец брякнулся наземь. И так продолжалось, пока кузнец не заплакал от досады и стыда. «А ведь я его пальцем не тронул, вот что значит техника культурного боя,— рассуждал Петя Арсенов.— Правда,— добавил он с обычной добросовестностью,— кузнец был маленько поддавши».

— Правильно! — подхватил Вовка Ковбой.— Потому он и падал. А ты закройся со своей хваленой техникой. Чикаетесь там с грушами и скакалками, а в простой уличной драке вас хрен увидишь!

— Конечно,— улыбнулся Арсенов,— настоящий боксер никогда не полезет в уличную драку. Да нам и нельзя.

— Это почему же?

— Убить можем или покалечить,— спокойно пояснил Арсенов.

Вовка так и покатился со смеху.

— Это ты-то убьешь? Да ты в зеркало гляделся когда?

— Я мухач,— без всякого раздражения подтвердил Петя Арсенов,—но поставленный удар и у мухача опасен.

Помню, у меня тогда мелькнуло: неизвестно, как насчет силы удара, а силу характера бокс и впрямь воспитывает.

Ковбой явно лез на рожон. Ему хотелось оскорбить, унизить Петю, а тот вел себя как настоящий мужчина. Может, Ковбою надоело, что есть кто-то во дворе, считающийся сильнее его, хотя силу эту ничем не доказал, кроме вечно подбитых глаз, изуродованных ушей и расплющенного носа. Тогда я еще не знал, какой жестокий ущерб понес недавно Ковбой в столкновении с самым тихим парнем двора Иваном,— они оба хранили тайну. Вовке нужно было победить настоящего боксера, чтобы возродиться в собственных глазах.

Арсенов был натурой слишком духовной, идеалистической, чтобы догадываться о коварных расчетах Ковбоя. Все ребята вокруг давно поняли обмершим сердцем, что Арсенова «вызывают», а тот простодушно пытался убедить Вовку в необыкновенных достоинствах и выгодах бокса.

— Буза! — твердил Ковбой.— Дешевое пижонство.

— Хотел бы я посмотреть, если б на нас с тобой напали ночью бандиты...

— Я дам по рылу — и драла! — дерзко бросил Ковбой.— А ты там останешься.

— Ясно, не удеру.

— Нет, тебя принесут в белых тапочках.

Ребята рассмеялись, и тут до кроткого Пети Арсенова наконец дошло, что над ним издеваются.

— Жаль, что ты не знаешь правил, Ковбой, я показал бы тебе, что такое бокс, хоть ты выше и тяжелее меня. А сила удара — это скорость, помноженная на вес.— И Арсенов радостно улыбнулся.

— Знаю я ваши дурацкие правила,— сказал Ковбой.— Я в парке бокс сто раз смотрел. Не бить ниже пояса, по затылку и открытой перчаткой. И головой не бодаться. Подумаешь, сложная наука!

— Жалко, жалко, что ты больше ничего не знаешь! — покачал головой Арсенов.— А то бы я тебя маленько проэкзаменовал.

— Брось трепаться, ты просто трусишь!

Вот этого Ковбою не следовало говорить. Разбитое лицо Арсенова выбелилось, и черной полумаской стали глазницы, натекшие разбитой кровью.

— Ты три раунда выдержишь? — спросил он.— Я тебя не изувечу, не бойся. Но ты раз и навсегда поймешь, что такое бокс и какой ты дурак.

Ковбой, конечно, затеял бузу: ему плевать на всякие раунды, он «сделает» Арсенова безо всяких, но тут уже Петя Арсенов сумел настоять на своем. Все будет по правилам: судья, секунданты, три раунда по три минуты с перерывами, как положено. Бой может быть прекращен ввиду явного преимущества, за неправильный удар — дисквалификация.

Пока расчерчивали квадрат ринга в садике, предварительно изгнав оттуда малышей, Арсенов сбегал домой за перчатками, полотенцами и графином с водой. Он успел переодеться: трусы, майка, спортивки, на плечи накинут ветхий мохнатый халат. Этот настоящий боксерский халат произвел на всех нас громадное впечатление.

Вовка ограничился тем, что снял брюки и рубашку, но этого оказалось достаточно, чтобы профессиональный шик Арсенова разом поблек. Сложен был Ковбой, как молодой бог,— широкая, плосковатая грудь, чуть покатые сильные плечи, сухие, легкие ноги, а мышцы — хоть анатомию изучай, и ровная, природная смуглота кожи. Нельзя сказать, что Арсенов был вовсе хиляк. Какие-то мускулишки он себе накопил. Когда он приседал, разминаясь, чувствовалось, что и связки у него упругие, тренированные. Но уж больно мелок и тощ он был, к тому же с головы до ног усеян рыжими наивными веснушками. Впрочем, непосредственное впечатление наверняка было благоприятнее для Арсенова, чем сейчас, по холодной памяти. Мы верили в непобедимость Арсенова и потому видели его крепкие бицепсы, а не жалкие веснушки, ловкие, уверенные движения, а не худые кости.

К моменту, когда судья Сережа Лепковский — он не расставался с книжкой Берроуза «Боксер Билли» и потому считался знатоком бокса — подал сигнал к началу боя, Арсенов не держал зла на Ковбоя и видел в нем лишь благородного соперника. Он священнодействовал, выполняя мелкие ритуальные действия перед началом схватки, его безмерно радовало, что наконец-то он предстанет перед двором во всем величии, покажет мужественную красоту дела, которому так преданно и бескорыстно служил, и, глядишь, уловит для своего храма несколько впечатлительных душ. Я уверен, он любил Вовку, принявшего участие в игре, согласившегося, чтобы все было по правилам, как, наверное, любил и других своих соперников,— может, это ему и мешало?..

Но вот они начали. Петя Арсенов знал приемы, ничего не скажешь, и делал из Ковбоя дурака. Маленький рост работал на него. Ковбой бессмысленно молотил руками воздух. Арсенов шутя уходил от его неумелых ударов. Но мне подумалось: а если такой вот удар настигнет Арсенова, пусть случайно, что тогда будет?..

Ответ пришел в третьем раунде. А до этого Арсенов играл с Ковбоем, как кошка с мышкой. Мы и правда увидели, что за красота бокс. Одно нас огорчало: Арсенов то ли не хотел, то ли не мог вмазать Ковбою как следует. А может, тут сочеталось одно с другим? Он наносил резкие, сухие удары по корпусу, раз-другой провел удар в голову, но Ковбой только встряхивался, будто его комар укусил, и снова лез вперед. Лишь раз серия коротких, частых, очень четких ударов Арсенова произвела на него впечатление. Он пошел пятнами, стал как-то странно встряхивать головой, будто возвращая мозги на положенное место, а глаза у него подернулись мутной пленкой.

В отличие от Арсенова, который в перерывах расслаблялся, требовал от секунданта Славы Зубкова, чтобы тот подавал ему воздух, смачивал затылок, словом, жил полноценной боксерской жизнью, Вовка сумрачно стоял в своем углу, набычив голову и никак не отзываясь на предложения своего секунданта Ивана оказать ему положенные услуги.

А в третьем раунде он вышел с явным намерением кончать базар. Арсенов продолжал плести свое тонкое кружево, но сейчас это не имело успеха: Вовка лез на него с беспардонным, слепым напором, приличествующим драке у помойки, а не на ринге, пусть и воображаемом. Конечно, он не хотел сознательно нарушать правила, но неосторожность — палка о двух концах. Его размашистый, совсем не боксовый удар угодил Пете по затылку. Это было похоже на удар цепом. И совсем не красиво и не профессионально, а как-то по-лягушачьи бедный Арсенов распластался по земле.

— Неправильный, чего ты смотришь, дурак! — крикнул Слава Зубков судье.

— Я и сам вижу, дурак! — огрызнулся Сережа Лепковский, но, похоже, он не знал, как поступить.

Запрещенный удар был нанесен так открыто и грубо, что следовало прекратить бой и дисквалифицировать Ковбоя. Но Сережа не решался на столь крайнюю меру. Арсенов поднялся.

— Это случайный! — сказал он Сереже.— Вовка просто промахнулся. Ты ведь правда не хотел? — В голосе его прозвучала мольба.

— Факт, не хотел! Ладно дурочку строить. Подумаешь, обидели мальчика!..

— Бокс! — сказал Сережа Лепковский.

С тех пор я знаю, что такое «плохо держать удар», и знаю, каким необыкновенным мужеством обладал Петя Арсенов, если все же не бросал бокс. После своего падения он делал внешне все то же, что и раньше, но сейчас оставалась лишь видимость приемов, уловок. Он уже не доставал Ковбоя, а Вовкины удары все чаще достигали цели. Но Петя держался, он хотел дотянуть до конца раунда. Он даже пытался улыбнуться, лучше бы он этого не делал. Что чувствовал он в эту минуту, когда так беспощадно, грубо и неудержимо рушился миф о Великом, Непобедимом боксере? А может, он по-прежнему верил в себя и не допускал мысли о поражении? Его еще хватило на взрыв. Он скользнул под руку Ковбоя и забарабанил по корпусу. Кто-то захлопал в ладоши, кто-то крикнул: «Во дает!» Ковбой улыбался неприятной, злой улыбкой. А потом он ударил. Попади этот удар в цель, все было бы кончено. Но Петя уклонился, и перчатка Ковбоя задела по касательной его лоб. Петина голова так качнулась, будто его рванули сзади за волосы. Ковбой отступил, улыбка сползла, он собирал всего себя для нового и, наверное, последнего удара. И тут на ринг упало полотенце.

— Брек! — крикнул ни к селу, ни к городу Сережа Лепковский, ведь боксеры не были в клинче.— Ты чего?..— растерянно обернулся он к Ивану, выбросившему полотенце.

— Ковбой в гроги,— громко сказал Иван.— Разве ты не видишь? Он же «плывет».

— Мне тоже так показалось...— пробормотал смущенный Сережа.

Ковбой кинулся к Ивану.

— Кто «плывет»?.. Ты чего — спятил?..

— Объявляй победителя! — крикнул Иван судье и что-то сказал Ковбою.

И Ковбой ему что-то сказал с белыми от бешенства глазами. Иван ответил очень тихо, но мы все равно не услышали бы, такой стоял шум.

— Победил Арсенов! — крикнул Сережа.

Надо отдать должное душевной чистоте победителя, он без удивления принял свою победу. Поклонился зрителям, поблагодарил судью, кинулся к Вовке, схватил его руку в перчатке двумя руками и сердечно потряс.

— Я тебя не повредил, Ковбой? — спросил он участливо.

Ему ответил Иван:

— Все в порядке, Арсен. А ты бьешь — не гладишь!

— Не я,— скромно сказал Арсенов,— боксерская выучка.

Сережа Лепковский принялся объяснять непосвященным, что состояние гроги приравнивается к нокауту. Хотя боксер держится на ногах, он неспособен к продолжению боя, как говорится, «плывет».

Мы приняли к сведению его объяснения. Но развернувшееся перед нами зрелище не показалось нам убедительным. Слишком много в нем условного. Дать по шее почему-то запрещено, а в глаз сколько угодно. Берущий верх вдруг объявляется побежденным, потому что он якобы «плывет». А кто его знает, «плывет» он или нет, ему-то самому виднее. Во всяком случае, «плывущий» или не «плывущий» Ковбой вполне мог прикончить Арсенова, не выброси Иван полотенца. Конечно, Арсенов показал всякие ловкие штучки, но Ковбою они вовсе ни к чему, чтобы набить рожу кому хочешь. Петя Арсенов ничего не знал о наших крамольных мыслях, он был полно и светло счастлив...

— Слушай, Ковбой, что сказал тебе Иван, когда ты к нему бросился? — спросил я через тридцать пять лет после описываемых событий.

— Помойка.

— Что значит «помойка»?

— Ну, он напомнил мне о той драке... у помойки,— неохотно пояснил Ковбой.

— А ты?

— Я говорю: не лезь, он мой, дай мне его сделать.

— А он?

— Если, говорит, ты сделаешь его, я сделаю тебя. При всех. Хуже, чем на помойке. Меня это не устраивало,— усмехнулся Ковбой,— и я поздравил победителя.

Разговор происходил недавно, возле той самой исторической помойки, где тихий Иван избил Ковбоя за издевательство над девочкой Лаймой. Прогресс коснулся и этого уголка вселенной. Вместо громадного деревянного ящика, через край заваленного отбросами — их мощный дурман достигал моих окон на третьем этаже, равном нынешнему пятому,— стояли рядком жестяные амфоры с запирающимися крышками. Изящно, гигиенично и никакого запаха. Но и никакой поэзии. Сюда не придет дядя Митя, крючник, золотой человек, чтобы, покопавшись железным прутом, загнутым на конце, набить мешок всевозможными ценными отбросами. Дядя Митя обожал детей, вечно возился с ними, одаривал свистульками и оловянными солдатиками, добытыми в том же руднике.

Мы, трое пятидесятилетних людей — Лайма, Вовка и я,— сидели в крошечном садике возле помойки. Садик некогда принадлежал знаменитой Высоцкой, владелице крупнейшей дореволюционной чаеторговли. Это она сказала крылатую фразу, всплывшую при нэпе: «У кого из нас нет двух-трех миллионов». Выселенная революцией из своих палаццо, старуха Высоцкая поселилась в нашем доме, на первом этаже, в комнатах с окнами на помойку. Окна находились под прямым углом одно к другому, и сметливая старуха поставила заборчик от окна к окну, не только загородившись от помойки, но и выгадав себе треугольный участочек, где посеяла траву, посадила цветы и врыла в землю лавочку. Межоконья она увила плющом и диким виноградом. И хотя весь ее надел был чуть больше тех садиков, что андерсеновские хозяйки выращивали на подоконниках, домовый пролетариат не мог смотреть сквозь пальцы на хищнические действия старой акулы. Потребовали, чтобы Высоцкая сделала свой сад доступным для всех граждан, проживающих в доме. Старуха повиновалась, но повесила объявление, что в открытом для массовых гуляний саду «категорически запрещается ездить на велосипеде».

И вот в этом-то «саду» мы встретились. Удивительно, что зеленый треугольничек уцелел при всех перестройках дома, даже разросся, конечно, вверх, по стенам, вширь некуда было. Веточки дикого винограда с красноватыми листьями достигали третьего этажа. У каждого из нас были дом и семья, но то принадлежало настоящему и будущему, нам же хотелось выкроить себе уголок чистого прошлого в сегодняшнем мире. Лайма сказала: «Сады Семирамиды Высоцкой»,— и мы сразу поняли: это то, что нам надо. Уединенно, тихо, прохладно, к тому же овеяно дыханием былого. Разросшийся виноград совсем закрыл окна, обеспечив нам укромность. Вот только лавочка оказалась маловата — уж очень мы «выросли», особенно Ковбой. Высокий, стройный юноша стал громадиной, красивой, представительной, но прямо оторопь брала — до чего же много этого человека на белом свете! Мы с Лаймой тоже не былинки, и все же занимаем куда меньше места в пространстве. Я низкорослый, а Лайма, затянутая во все свои дамские штучки,— ну, не тростинка, конечно, какой там! — но вполне в норме. К чести Вовки, он не отяжелел, не утратил подвижности. Вообще-то наружность у него как раз по за-

нимаемому посту. Предупреждая всякие шуточки насчет его выдающейся карьеры, Ковбой сказал, едва мы обменялись рукопожатием:

— Давай сразу — чего тебе от меня нужно?

— Чтобы ты вернул мне молодость.

— Вот этого-то я как раз и не могу.

Он ошибался, он делал это — фактом своего присутствия и тем, что сам не вовсе покинул страну детства. По разным причинам не отпускало нас детство. У меня это как раз связано с писательством, а у него — с немолодой женщиной, так старательно затянувшей свое располневшее тело, так естественно соединившей на увядшем лице ухищрения косметики с молодым блеском глаз.

Миновал какой-то рубеж, и сейчас Лайма стареет от встречи к встрече, а видимся мы довольно часто. Интересно, какой видит ее Вовка? Я не верю, что она представляется ему юной девушкой. Чепуха, так в жизни не бывает. Скорее, ему мил и угоден ее нынешний стареющий облик, в котором трогательно проглядывает былое. Он до сих пор любит ее, этот громадный, смугло-черный человек без единого седого волоска. Кто-то сказал о Мопассане: печальный бык. Образ на редкость подходит к Вовке с его большой, упрямо-лобастой головой, крупными, полными, красивыми глазами, могучей шеей, правильнее — выей. Кстати, разве видел кто веселого быка? И в стаде, и на пастбище, и на арене бык всегда печален. Он печален, покрывая корову, ощипывая траву, насаживая на рога несчастную клячу или маленького, испуганного, безжалостного человечка, которому во что бы то ни стало надо его убить. Бык печален, ибо заранее ничего хорошего не ждет от жизни. Но это не мешает ему в совершенстве воплощать идею своего существования.

— Мне казалось подлостью, что Иван напомнил мне о той драке,— продолжал разговор Вовка.— Я считал его выше этого...

— Я тоже! — покраснев, воскликнула Лайма.— Я была уверена, что он никогда, никогда этого не делал.

— «Никогда» — фальшивое слово,— сказал Вовка.— Сколько раз я убеждался, что за ним большой или малый обман, порой невольный. Если женщина говорит, что она «никогда» не изменяла мужу, понимай: она изменяла ему реже, чем могла бы. Они «никогда» не виделись... Да нет же, виделись случайно раз-другой — на улице, на вокзале, в кафе, у общих знакомых, или почему-то в Ферапонтовом монастыре, или на вершине Эвереста. Вообще все крайние утверждения требуют осторожного подхода. Иван никогда не напоминал о нашей драке, но вот раз напомнил и правильно сделал. Тогда я этого не понимал. Он не стал объясняться со мной, только сказал: «А ты думал, я позволю его убить?..» Ваня был мудр. У себя в кружке Арсенов проигрывал,— что же, другие лучше держали удар, тоньше маневрировали, все это происходило в горных высях. А здесь — кошмар, конец света, гибель всех идеалов, смерть мечты!.. Я потом был здорово рад, что Ваня меня удержал. Иногда ночью ворочаешься без сна, мысли одолевают, вся прожитая жизнь наваливается. И вспомнишь про Петьку Арсенова — и что-то отпускает внутри. Помните, как в священном писании: «Удержал ангел господен занесенную руку».

— А какая судьба у Пети Арсенова? — спросил я.

— Погиб. Почти в одно время с Иваном.

— Чуть позже,— поправила Лайма.

— Подробности неизвестны?

— Какие там подробности! Мать получила похоронную: «пал смертью героя»... Так ведь всегда писали, даже если от шальной пули. И правильно, для каждой матери сын погибает смертью героя... Но знаете, я уверен, что тут слова о геройской смерти надо понимать впрямую. Он погиб так скоро... в самом начале, когда, помните, грудью против танков. Это как раз для Арсенова. Он же был Великий боец, его никто не мог сокрушить, хотя он плохо держал удар. Если когда-нибудь докопаются, что неизвестный боец остановил грудью фашистский танк на подступах к Москве, то не сомневайтесь, это Петя Арсенов... Но если так... если это было, то лишь потому, что раньше другой мальчик, Иван, спас его непобедимое сердце.

Из книги „Вешняя тяга"

Сибирскому поэту Александру Ивановичу Смердову 13 сентября исполняется шестьдесят лет. Со стихами и прозой начал он выступать в печати с 1930 года. Первый сборник его, «Письма с дороги», вышел в Новосибирске в 1941 году. Во время Великой Отечественной войны был армейским журналистом, находился в сибирских гвардейских частях. Издательства Москвы и Сибири выпустили около тридцати книг стихов, очерков, переводов А. Смердова, в том числе поэму «Пушкинские горы», сборники «Наш день», «Дума о родном крае», «Камень на ладони», избранные стихи в «Библиотеке сибирской поэзии». А. И. Смердов — главный редактор журнала «Сибирские огни».

Александр СМЕРДОВ

* * *

На Черное море с Оби и Алтая
Уже косяками летит казара́,
Плывут в облаках лебединые стаи,—
Выходит, и мне улетать пора.

Туда, где озера зеркалятся льдами,
Где первой метелью куражится снег...
Ну, что ж, до свиданья, Мисхор, до свиданья,
А может, прощай — и навек.

Надолго и вдосталь мне хватит отрады:
Я морем, садами насквозь пропах,
В крови моей — солнце и сок виноградный,
И ветер и соль на горячих губах.

Скорей на крыло, запевайте, моторы!
Хочу, как летящий к гнездовью снегирь,
На первой пороше, в морозном просторе
С тобой повстречаться, родная Сибирь...

* * *

...Работали при 45—50° ниже нуля, металл не выдерживал...
(Из блокнота)

До того у нас бывает морозина
Жгуч и резок,
Как строителями и буровиками
Походя подмечено,
Что там древесина и резина,
А само железо,
Не выдерживая стужи, под руками
Разрывается по швам и трещинам.

Лопнет вдруг струна стожильных тросов,
Как гитарная,
Зубья шестерен летят и крошатся
Осколками стеклянными...
Но и при таких буранах и морозах
По-ударному
Надо же работать, в срок положенный
Управляться с графиками-планами.

Мне случалось видеть не однажды,
Как работали
На ветру, на высоте навешивая
Кабельную линию,
Наши верхолазы и монтажники,
Азартные и потные,—
Телогрейки распахнув по-вешнему,
А чубы и брови — в белом инее.

И сейчас вопрос ребром поставлен —
Не пора ли,
Как проверено на наших стройках
Жаркой практикой,—
Дать сюда моторы и детали,
Марки стали и дюраля
«В исполненьи северном» — морозостойком,
И под стать сибирскому характеру?!

* * *

Воды р. Зеравшан почти целиком разбираются на орошение.
(ВСЭ)

Есть реки,
не впадающие ныне никуда...
Из родников таежных
или глетчерного льда
Беря истоки,
вечной вешней тягой обуянны,
Они напропалую
изначала рвутся к океану.
Корчуя кряжи,
перекатывая и дробя каменья,
Через пороги и теснины
мчат во весь опор —
В барханные долины,
жаждущие утоленья,
И в черноземный,
пахотою млеющий простор.
И в дельте,
разветвляясь набухающей артерией,
Поят селения и нивы
животворною водой,
Плодами наливаются
на цитрусовом дереве,
Стекают в житницы
струею хлебной золотой.
Меняя русла,
укрощенно по каналам, на плотинах
Спешат включить
и мощь и ток в народный труд.
И, растворяясь в кровообращении земном
едином,
Себя сполна, до капли
жизни, людям отдают,
Не дотянув до моря
пересохших устьев...
Поэзия порывов и дерзаний юных,
пусть я
В твоем потоке —
неизбывном и многоязыком —
Прольюсь
ручьем весенним,
полевым арыком...

С ДОБРЫМ УТРОМ, МИЛЫЙ ГОРОД!

Фото А. БОЧИНИНА.

...Если довелось вам хоть однажды рано утром оказаться на непривычно пустых и тихих, чуть влажных улицах столицы и потом смотреть, как появляются на них первые пешеходы, и слушать первые звуки просыпающегося большого города — неважно, москвич вы или приезжий,— вы навсегда запомните эту необычную Москву. Не ту, шумную и суетливую, когда плавится под ногами асфальт и когда порой средняя скорость москвича-пешехода едва ли будет меньше скорости машины той же марки. И не ту, вечернюю, всю в неоновых ожерельях...

Но есть Москва, которую знают, наверно, только таксисты, милиционеры, дворники, первые пассажиры автобуса да еще, пожалуй, влюбленные.

Москва молчалива и словно сумрачна в утренней дымке, но прислушайтесь — и она заговорит с вами, как старый друг, приглядитесь к ней — и увидите, как улыбается она тем, кто первым начинает новый день. Вам эта улыбка, вчерашние школьники! Вот они идут, нарядные, веселые и чуть-чуть задумчивые,— в добрый час! И вам, почтальоны, с толстой сумкой на ремне,— приносите только хорошие вести! И вам, любители-рыболовы,— даже летнее солнце опередили: чуть рассвело, и уже

Солнце встает рано, но... его, кажется, опередили.

«Ждите нас на рассвете...»

«Переходите к водным процедурам!»

сидят с удочками. Ловись, рыбка малая и великая! И тебе, доверчивый и ласковый маленький зверь! Как попал ты сюда, в Сокольники, лосенок? Пусть люди всегда будут добры к тебе!..

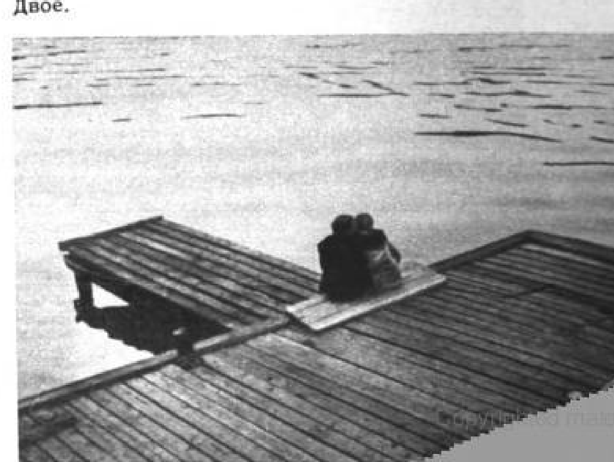
...Улыбается город, и словно в ответ ему хитро, самым краешком, жмурится солнце: просыпайся, дескать, пора уже! И просыпается Москва. С добрым утром, милый город!

Студентка факультета журналистики МГУ
Е. САЛЬНИКОВА.

«...Вот и кончаются школьные годы...»

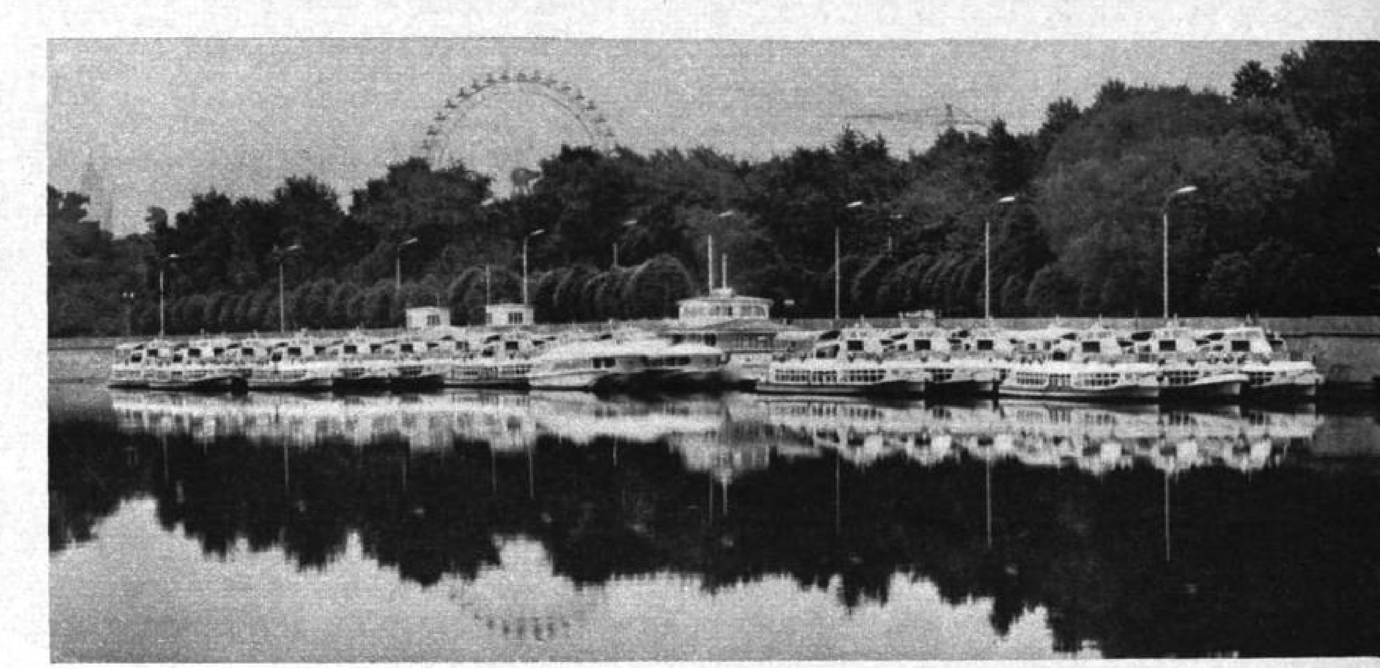
Двое.

Княжеское омовение.

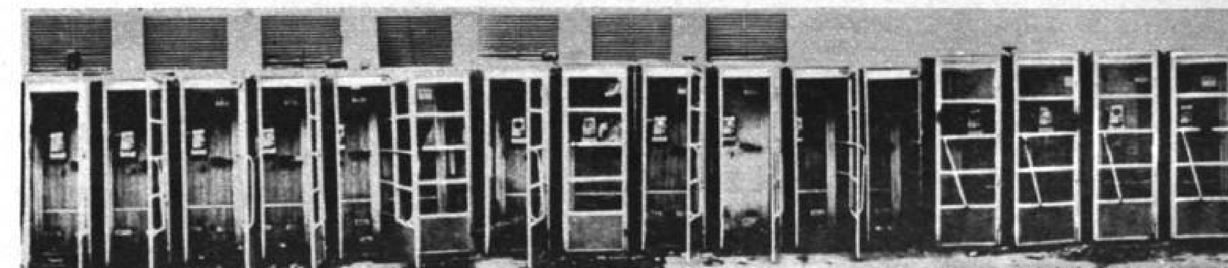

Ага, и их тоже укачало!

Огни запоздалые.

Свободные минутки телефонной будки.

ЧЕЛОВЕК НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБЫ

Утро 12 июня 1903 года оказалось беспокойным для сотрудников охранного отделения в Петербурге.

В доме № 37 по улице Жуковского, в редакции журнала «Научное обозрение», после тщательного обыска «голубые мундиры» срочно изымали переписку, документы и совсем непонятные им протоколы... научных опытов. В этой же квартире, рядом с рабочим столом, уставленным ретортами, колбами, приборами, врач безуспешно пытался вернуть к жизни редактора журнала — Михаила Филиппова. Смерть наступила глубокой ночью. Только после революции архивы департамента полиции приоткрыли чуть-чуть завесу над трагедией, которой завершилась работа ученого над способом передачи взрывной волны на большое расстояние. Но тайна этого изобретения не раскрыта до сих пор. Охранка не только уничтожила все записи и приборы, но и постаралась вытравить из памяти людей любое напоминание об одном из замечательных сынов России.

Кто же этот человек со столь необычной судьбой? Почему в полицейских архивах было обнаружено объемистое дело легально издававшегося им журнала «Научное обозрение»?

На все эти вопросы отвечает в своей книге «Тернистый путь» Б. М. Филиппов.

Михаил Филиппов приезжает в Петербург в 1883 году после исключения из университета на юге России, где «вольнодумный студент», сотрудничавший в журналах, представлял опасность для начальства. В 1884 году он экстерном оканчивает физико-математический факультет Петербургского университета и становится кандидатом наук. В дальнейшем деятельность молодого ученого была воистину многогранной. Он переводит на французский язык «Основы химии» Д. И. Менделеева, публикует важные работы в области математики, очерк о жизни Яна Гуса, готовит докторскую диссертацию, пишет роман «Осажденный Севастополь».

Журнал «Научное обозрение» был основан М. Филипповым в 1894 году, а уже через несколько лет здесь начинают публиковаться работы В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, разрабатываются вопросы марксизма. Сам редактор в 1897 году публикует обширную статью «Социологическое учение Карла Маркса».

Своеобразной «оценкой» работы редакции в этот период является справка, составленная заведующим особым отделом департамента полиции. «Редактируемый Филипповым журнал «Научное обозрение»,— писал вице-директор департамента полиции,— представляет собой орган так называемых марксистов».

«Этот математик, философ, естественник, экономист, социолог и беллетрист был еще чутким публицистом. Его волновали все злобы дня: он немедленно давал ответы на все запросы жизни. Его гражданским долгом был обет немолчания» — так говорили о Михаиле Филиппове после его смерти друзья.

Да, этот человек не оставался равнодушным к судьбе своего народа, своей страны, к судьбам человечества. Он сумел обогнать свое время.

Царское самодержавие мстило ему и после смерти, не разрешая узнать правду о жизни, о трагической судьбе русского энциклопедиста, гениального ученого, патриота и гражданина.

Труд Бориса Филиппова, вышедший вторым изданием, раскрывает нам хотя бы частично облик его отца.

Михаил ХОДАКОВ

Б. М. Филиппов. Тернистый путь. Издательство «Наука». Москва. 1969.

Михаил АНДРИАСОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ПРИМЕТНЫЙ МЫС

1

...Над старым таганрогским портом, над лесом корабельных мачт стоял неумолчный людской гомон. Весенний ветер развевал бесчисленные флаги иностранных кораблей. В этот солнечный день 8 апреля 1833 года к таганрогскому берегу причалило еще одно заморское судно. Это был итальянский торговый корабль «Клоринда». На капитанском мостике стоял коренастый, остроглазый молодой человек и пристально вглядывался в незнакомый русский город. То был сын хозяина «Клоринды»— Джузеппе Гарибальди. Он прожил в Таганроге восемь дней, и они запомнились ему на всю жизнь.

Разноплеменный город понравился Джузеппе. Тут жили русские, украинцы, греки, армяне, турки, он встретил здесь и своих соплеменников. С любопытством вчитывался Гарибальди в названия таганрогских улиц: Греческая, Католическая, Итальянская. Рядом с русскими трактирами располагались кавказские духаны, турецкие пекарни и настоящие итальянские остерии. Хозяин одной из таких остерий Иоганн Ардизери познакомил Джузеппе с человеком, который привлекал внимание всех, кто находился тут. Его звали Кунео. Страстный оратор, волевой, полный взрывного накала юноша, эмигрант из Генуи, призывал итальянцев к восстанию, к священной борьбе против австрийских захватчиков, против помещиков и священников, на кресте распявших свободу итальянского народа, призывал вступать в революционное общество «Молодая Италия».

Как зачарованный, слушал Джузеппе речь Кунео. Здесь, в русском городе Таганроге, он получил наконец ответ на вопросы, которые так долго мучили, больно жгли его душу. Вечером того же дня Джузеппе Гарибальди вступил в члены «Молодой Италии». А на следующий день в таганрогском порту в окружении своих соотечественников неистовый Джузеппе принял священную клятву — всю жизнь свою посвятить освобождению Италии. Пройдут годы, и вождь итальянской революции Д. Гарибальди вспомнит незабываемые таганрогские дни: «Во всех обстоятельствах моей жизни я не переставал спрашивать то людей, то книги о возрождении Италии... Мои розыски оставались тщетными. Наконец, во время путешествия, я в Таганроге встретился с лигурийским юношей, который первый ознакомил меня с положением дел у нас. Конечно, Колумб не испытал такого удовлетворения от открытия Америки, какое испытал я, найдя людей, посвятивших себя освобождению Родины».

Позже, в стихотворении, он снова вспомнит таганрогскую встречу с Кунео: «В юные годы, на льдах Понта, клялся умереть за родную страну!»

...В таганрогском порту, откуда открывается неоглядный простор моря, стоит обелиск. На нем — мужественная, увенчанная лавровой веткой голова Джузеппе. Гарибальди весь в движении, он устремлен вперед, в неудержимом порыве — в бой за Свободу!

2

Каждая улица Таганрога как увлекательная книга. Много заветного помнит и хранит бывшая Греческая, ныне улица Третьего Интернационала.

Сто пятьдесят лет назад, утром 5 июня 1820 года, по Греческой улице в сторону дома градоначальника П. А. Папкова проследовали три экипажа. В одной из карет сидел двадцатилетний Александр Пушкин. Великий поэт российский со своими друзьями — семьей генерала Раевского — направлялся на Кавказ. Кортеж остановился возле большого каменного особняка. По тому времени это был один из лучших домов города. Героя Бородинского сражения Н. Н. Раевского встречал сам градоначальник — генерал-майор П. А. Папков.

Всего сутки прожил Пушкин в Таганроге. В городе есть люди, которые и сегодня, кажется, по минутам расскажут вам, где и как провел Александр Сергеевич эти двадцать четыре часа.

...Поэт долго бродил по городу, где большинство домов тогда было покрыто соломой. Возле редких каменных построек кое-где стояли масляные фонари. По старой таганрогской каменной лестнице Александр Сергеевич спустился к морю, побывал в порту, гулял по набережной. Потом обед у Папкова. Хозяин рассказывал гостям о пребывании в его доме императора Александра Первого — с той поры дом этот стали называть «Дворцом Александра». Нетрудно догадаться, какие чувства вызвал рассказ градоначальника у поэта, что обуревало его, сосланного этим самым императором на юг России! Вспомним пушкинские строки, адресованные самодержцам: «самовластительный злодей...»

Пройдет пять лет. В Таганроге в своем «таганрогском дворце» скончается Александр, и сие событие будет отмечено крылатыми ироническими строчками, часто приписываемыми Пушкину:

> Всю жизнь провел в дороге,
> А умер в Таганроге...

...Таганрожцы гордятся тем, что Пушкин ходил по улицам их города. На бывшем папковском особняке об этом напоминает мемориальная доска. А набережная давно называется Пушкинской.

Из поколения в поколение передают горожане рассказы об одном таганрогском дне первого поэта России. Одна из легенд утверждает, что именно в дальних окрестностях Таганрога, в морском заливе, где устье Дона образует причудливое лукоморье, увидел Пушкин тот самый древний и дремучий дуб, что вдохновил поэта на вступление к «Руслану и Людмиле»:

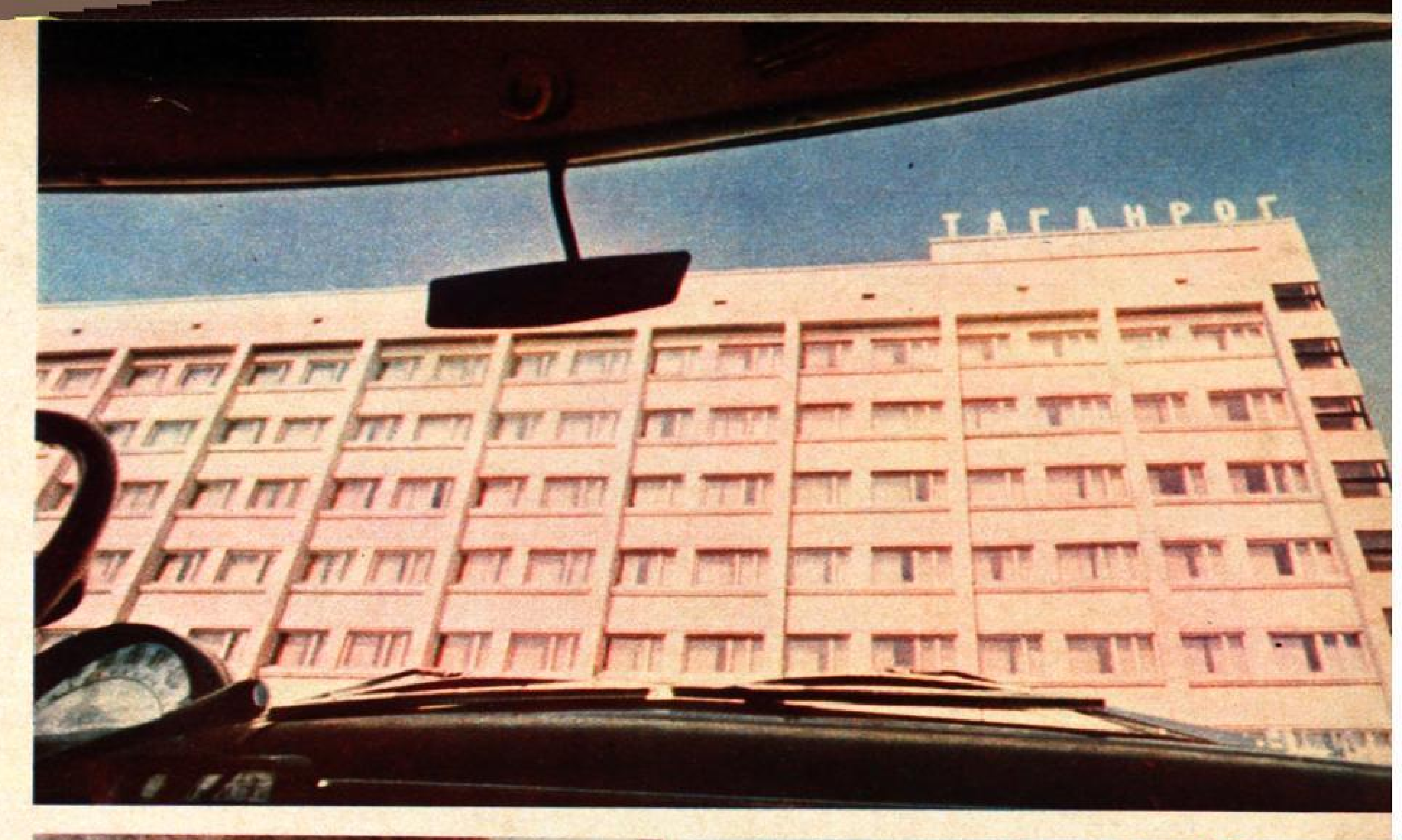
> У лукоморья дуб зеленый;
> Златая цепь на дубе том...

3

Азовское море, над которым порой любят подшучивать, не такое уж тихое. Я видел, с какой силой обрушиваются на берега Таганрога бурые, разгулявшиеся волны. На этих берегах не раз стоял Петр Ильич Чайковский, обозревая дымчато-синюю даль моря. Великий композитор неоднократно бывал в зеленом Таганроге, привечал его самыми добрыми словами, с любопытством разглядывал у каменной лестницы старинные солнечные часы, которые сохранились до сих пор.

Дом, где останавливался композитор, таганрожцы ласково называют «Домиком Чайковского». Между тем это совсем не «домик», а большой кирпичный дом с мезонином. Когда-то он принадлежал помещику Калиновскому. Тот проиграл его в карты. С тех пор хозяева особняка менялись как перчатки...

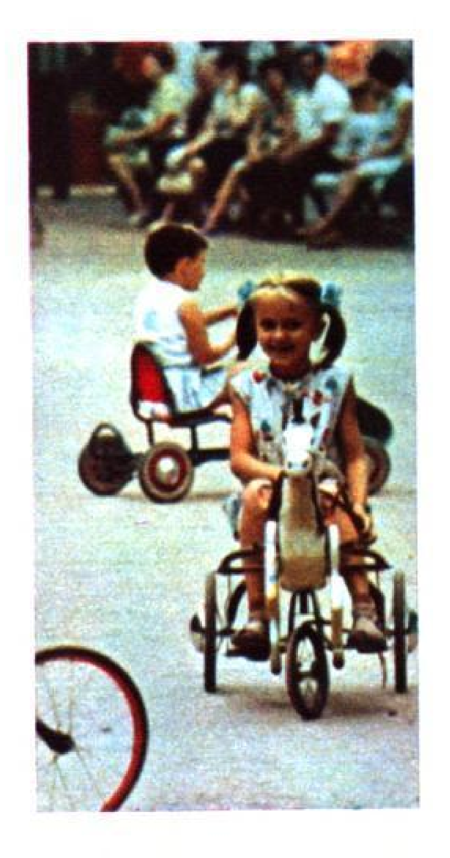
В Таганроге долгие годы жил брат композитора — Ипполит Ильич Чайковский. Капитан первого ранга, он заведовал местными мореходными классами. Перед приездами композитора Ипполит Ильич специально арендовал дом с мезонином. Капитана Чайковского в Таганроге глубоко уважали. Когда для мореходных классов там построили учебное судно, его наз-

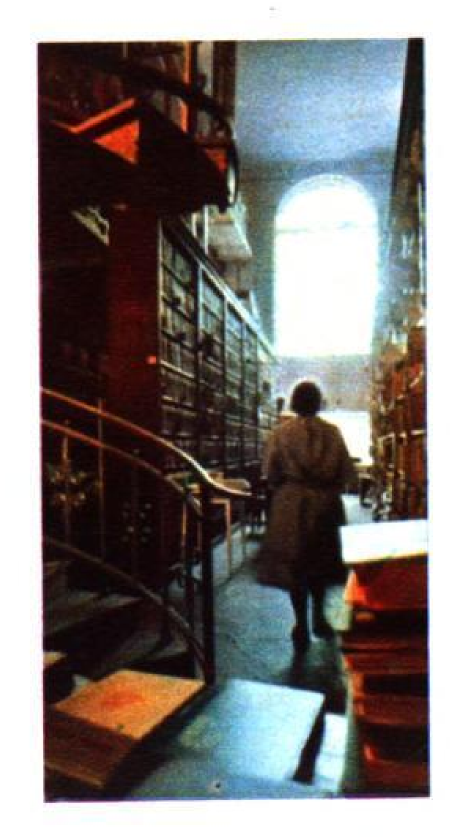

Таганрог. Старый и молодой. Он растет и хорошеет заботами людей труда. Сварщик Таганрогского металлургического завода Григорий Денисов — лишь один из них. О таких людях мечтал когда-то его мудрый земляк Антон Павлович Чехов, чей домик посещают ныне тысячи почитателей писателя.

ОСНОВАН
ПЕТРОМ I
В
1698 г.

Основанный Петром I, Таганрог стал крупным портом, городом промышленным, научным, театральным... И просто светлым, оживленным и добрым городом.

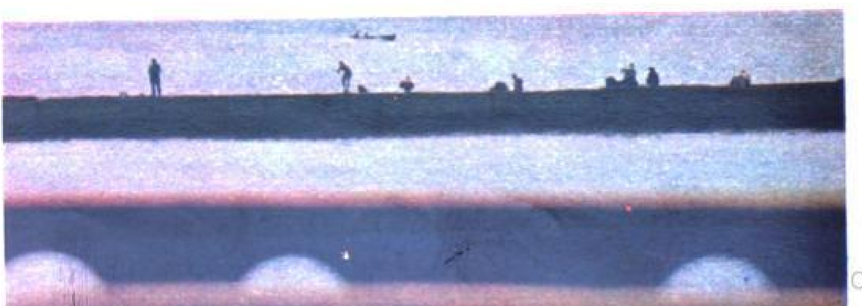

И, как в каждом городе, здесь много ярких, своеобразных деталей, которые, сплетаясь воедино, составляют его неповторимое лицо.

вали «Святым Ипполитом». Корабль этот долго бороздил воды Азовского и Черного морей. После Октябрьской революции на борту учебного судна осталось одно слово — «Ипполит».

Таганрог дал миру Чехова. Эти страницы истории города так широко известны, что нет надобности рассказывать о них. В местном драматическом театре, которому уже 143 года, сохранилось на балконе кресло, где обычно сидел гимназист Антоша Чехов. Если вы приедете в Таганрог, вас непременно сведут к этому дорогому месту, а что касается домика на Чеховской улице, в котором родился Антон Павлович, то вас туда властно позовет само сердце, и вы увидите, как беспрерывно идут сюда люди — никогда не зарастет эта народная тропа...

Писатель подарил родному городу прекрасное здание библиотеки, тысячи книг, сотни из которых — с его автографами и автографами его друзей из литературного мира. В наши дни в адрес Таганрогского музея А. П. Чехова поступает множество книг, присылаемых сюда и советскими и зарубежными писателями.

Таганрог называют городом Чехова, и на одной из площадей его высится открытый десять лет назад монументальный памятник великому таганрожцу работы известного скульптора Рукавишникова.

Много славных имен России, страны нашей, связано с Таганрогом. Адмирал петровских времен Ф. М. Апраксин возглавлял здесь строительство гавани и крепости. Во второй половине восемнадцатого столетия тут служили знаменитые флотоводцы А. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков. В Таганроге в разное время бывали поэты А. М. Жемчужников, В. А. Жуковский, прославленный маринист И. К. Айвазовский, великий русский хирург Н. И. Пирогов, выдающийся актер М. С. Щепкин... Таганрог — родина художника-передвижника К. А. Савицкого, известного полярного исследователя Г. Я. Седова, писателя Валентина Овечкина... В конце прошлого века здесь несколько лет жил и работал будущий революционер П. П. Шмидт, почти всю свою жизнь прожил тут известный советский писатель Иван Василенко, еще в дореволюционные годы на котельном заводе работал молодой Константин Паустовский...

Таганрожцы приветствовали в своем городе А. В. Луначарского, М. И. Калинина, В. В. Куйбышева, А. И. Микояна, А. М. Горького, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, А. А. Фадеева...

Население города по последней переписи перевалило за четверть миллиона. Дыхание Таганрога теперь доносится до самых отдаленных уголков страны.

В шестидесятых годах прошлого столетия во всем городе насчитывалось 355 рабочих. Ныне на одном лишь комбайновом заводе — двадцать, а на «Красном котельщике» — пятнадцать тысяч...

В рассказах о старом Таганроге были порой соседствуют с легендами. Но какая старая легенда Таганрога может сравниться с его новой действительностью?! Когда директор «Красного котельщика» Геннадий Иванович Чернов сообщил мне, что на заводе делают котлы, каждый из которых равен по мощности полутора Днепрогэсам, то это сравнение показалось мне поистине фантастическим. Я так и сказал ему: «Трудно такое представить». А он продолжал:

— Ну, если вам это трудно представить, воспользуемся другим сопоставлением: мощность одного котла, сделанного руками рабочих нашего завода, эквивалентна шестнадцати Волховским гидроэлектростанциям...

Примерная высота мощного котла — четырнадцатиэтажный дом. На перевозку его блоков и узлов требуется 842 вагона.

Один такой котел уже действует в Донбассе, на Славянской ГРЭС. Там сейчас монтируется второй. Когда он вступит в строй, мощность этой станции превысит мощность трех Днепрогэсов...

4

Удивительный город Таганрог. Днем на улицах почти никого не встретишь. Где люди? На работе. На учебе. Праздношатающимся здесь туго приходится. Нет тут для них благодатной почвы, подходящего общественного климата. Город дает бой праздности, славит созидающих.

В послевоенные годы в Таганроге было создано Государственное специальное конструкторское бюро по зерноуборочным комбайнам и самоходным шасси. Бюро возглавляет крупный специалист, лауреат Ленинской премии, генеральный конструктор Ханаан Ильич Изаксон. За минувшие годы здесь было создано немало умных машин, получивших признание и у нас и за рубежом.

Решения XXIII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС поставили перед конструкторами сложные задачи.

— Мы стремимся ускорить выпуск новых комбайнов большой производительности,— рассказывает Ханаан Ильич.— Нами создана единая система степных кораблей — «Нива» и «Колос». В их конструкции мы вложили все новое, что достигнуто передовой наукой и опытом комбайностроения в СССР и за рубежом. Наши модели не уступают зарубежным образцам, а комбайн «Колос» значительно превосходит их по производительности. Новые машины испытывались на полях Кубани. Испытания проходили в трудных условиях. Комбайны дают высокую производительность. Если выработка «СК-4» достигает трехсот — четырехсот центнеров в день, а у передовых комбайнеров — до тысячи центнеров, то комбайн «Нива» уже дает производительность в полторы тысячи центнеров за две смены. Не хуже показатели и у «Колоса». Мы уверены, что «Нива» и «Колос» выдержат испытания и будут приняты в массовое производство.

На новые рубежи выходят и таганрогские металлурги. Несколько лет назад вступил в строй трубосварочный цех № 3, цех непрерывной печной сварки труб. Это — уникальное производство. Уже пущен еще один трубопрокатный цех, оборудованный по последнему слову техники.

На заводе в цехе № 3 мы познакомились с донским казаком, сварщиком Григорием Денисовым. В небывало жарком июле нынешнего года на участке, где трудится комсомолец Денисов, температура достигала сорока пяти — пятидесяти градусов. Надо было видеть, как в этой нестерпимой жаре уверенно и сноровисто расправлялся с металлом смуглолицый, черноглазый Гриша, в облике которого так много общего с мужеством и благородством Григория Мелехова...

Растут заводы, растет город. Поднялись новые жилые районы — многоэтажный массив Дубки, рабочие поселки комбайностроителей, заводов имени Димитрова, «Красного котельщика», механического. На недавних пустырях выросли новый вокзал, восьмиэтажная гостиница «Таганрог», дворцы культуры, заводские дворцы спорта, новые школы, лечебные учреждения.

5

Зимой шестьдесят восьмого ураганы небывалой силы подняли над южными полями страны черные тучи земли и побуревшего снега. Трудно пришлось хлеборобам. На многих участках посевы погибли. Необходимо было немедленно выйти на повторный сев. Почти всюду на пересев была брошена кукуруза. И тогда на долю Таганрогского комбайнового завода, чья славная марка известна многим странам мира, выпало боевое задание: за короткий срок изготовить несколько тысяч кукурузоуборочных жаток. Задание внеплановое и невероятно трудное: завод таких жаток никогда не выпускал. Но комбайностроители сказали земледельцам: «Поможем». Весь коллектив поднялся на штурм. О задании узнали рабочие других предприятий. Приходили добровольцы. Трудились так, словно делали боевые машины для фронта. И кукурузоуборочные жатки были изготовлены в срок!

В Таганроге остро ощущаешь союз труда и науки. В городе два вуза — педагогический и радиотехнический, научные сотрудники которого в немалой мере способствуют совершенствованию радиотехнической и вычислительной аппаратуры. На предприятиях и в вузах — шестнадцать лауреатов Ленинской и Государственной премий, шесть Героев Социалистического Труда, сотни кандидатов и докторов наук.

На юбилее Таганрогского драматического театра имени А. П. Чехова с докладом выступала секретарь горкома партии Лидия Антоновна Бодик. У слушателей были все основания предположить, что докладчик — это кандидат искусствоведческих наук. Лидия Антоновна действительно кандидат наук, но не искусствоведческих, а экономических...

В городе немало одаренных литераторов. На недавнем ростовском областном семинаре молодых поэтов среди лучших оказались рабочий-формовщик «Красного котельщика» Сергей Тищенко и мастер этого же завода Игорь Кудрявцев. Герои их стихов — волевые, сильные люди Таганрога.

В годы войны сотни молодых подпольщиков оказывали здесь героическое сопротивление гитлеровцам. Руководил юными партизанами секретарь Таганрогского горкома комсомола Семен Морозов, расстрелянный фашистами и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

По заданию подпольщиков четырнадцатилетняя Луиза Иост расклеивала на улицах оккупированного города партизанские листовки, переправляла их в условленные места. В доме Иост поселились немецкие солдаты. И тем не менее Луиза и ее мать Александра Гавриловна, рискуя жизнью, прятали у себя партизан в соседней с комнатой кладовой, задрапированной старым, дырявым ковром...

Юная подпольщица награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны» второй степени и другими правительственными наградами. Ныне Луиза Карловна Шипико — заместитель главного врача Центральной таганрогской больницы.

6

Украшение города — старинный городской парк.

То, о чем я хочу рассказать, похоже на сказку, начать которую можно было бы словами: «Высоко-высоко в небе летели лебеди...» Но это не сказка. А лебеди в феврале 1968 года, в ту самую лютую зимнюю бурю, действительно летели над Таганрогом. Кто знает, по какой причине — то ли из-за урагана невозможно было продолжать полет, то ли обнаружились больные,— но лебеди опустились на территории Таганрогского металлургического завода. Цеха его тянутся вдоль берега, у самого моря. Есть там небольшое углубление, которое так и называют — Заводская бухта. Она никогда не замерзает, потому что сюда все время поступает отработанная, чистая, теплая вода. В эту бухту и опустились лебеди. Трое суток сидели они тут, словно о чем-то совещались. Но вот почти вся стая поднялась, а на воде остались четыре лебедя, две пары. Кто-то из металлургов решил: «Эти не могут продолжать полет. Видимо, заболели. Нужно помочь им». Они охотно подпустили к себе людей, словно ожидали помощи. И действительно, лапки у птиц оказались подмороженными.

Металлурги позвонили директору городского парка Евгению Михайловичу Андрееву, рассказали ему о лебединой «аварии», и оттуда немедленно прибыла «скорая помощь» — бывший старшина авиации Игорь Лукич Чернюк и два садовника. Больных птиц бережно уложили в мягкие, утепленные корзины, перевезли в крытой машине в парк, выделили им специальное место и начали заботливо выхаживать. Особенно пеклась о них агроном парка К. В. Кравцова. Она лечила их, словно больных ребятишек. Пригласили ветеринарного врача города А. Д. Котенко. В ход пошли рыбий жир, пенициллин, уколы, а потом птиц отправили в Ростовский зоопарк, где в течение месяца их лечили специалисты.

Выходили лебедей, всех четырех. Вернули в Таганрог. И через газету оповестили жителей города о новых «таганрожцах». Горожане решили создать маленький зоопарк. И создали. Теперь тут много птиц, животных, зверей — медведи, орлы, обезьяны, морские свинки, нутрии, дикобраз, зяблики, ежи... А для лебедей, семейство которых уже увеличилось, таганрожцы построили в парке специальный водоем и назвали его Лебединым озером...

* * *

Над морем, над старым портом, на высоком берегу стоит удивительно красивый большой бронзовый памятник Петру Первому. Это одна из лучших работ выдающегося русского скульптора М. Антокольского.

Таганрог возник по воле Петра Первого. После взятия Азова Петр на флагманском судне пересек морской залив и на высоком северном берегу облюбовал далеко выходящий в море мыс — быть тут и крепости и городу! Двенадцатого сентября 1698 года, по старому стилю, из Московского Пушкарского приказа по велению Петра Первого вышел Указ о строительстве крепости на Азовском море. Этот день принято считать днем рождения Таганрога.

Высокий берег над заливом называли «Таганьим рогом», а донские казаки переводили эти слова на свой лад: «Огонь на мысу!» Турки о высоком береге говорили несколько иначе: «Таган рог» и переводили по-своему: «Приметный мыс». Говорят, эти слова полюбились Петру. Новый русский берег действительно оказался приметным.

РОМАН

Николай АСАНОВ, Юрий СТУРИТИС

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

12

Лидумс распахнул тяжелую, уже по-зимнему обитую войлоком дверь и остановился на пороге. Керосиновая висячая лампа-«молния» освещала сидевшего за столом полковника Балодиса, отмечавшего что-то на крупномасштабной карте. «Как на войне!»

Полковник был в штатском костюме. За эти два года прибавилось седины у него в волосах, морщины стали еще резче. Он вскочил, роняя карандаш.

— Вернулся! Вернулся! — с каким-то по-детски радостным смехом проговорил полковник и стиснул Лидумса своими сильными руками. Так они стояли, прижавшись друг к другу, несколько долгих мгновений.

Арвид и Кох, вошедшие вслед за Лидумсом, остановились и обошли обнявшихся друзей, переглядываясь и улыбаясь. И хотя Арвид не знал, откуда вернулся Лидумс и как появился вновь на его хуторе, он тоже весело улыбался: уж очень трогательной была встреча друзей. «Совсем как школьники после каникул!» — буркнул он Коху.

Кох только подмигнул хозяину и сказал обыденным тоном:

— Ужин-то готов? Мы десять километров протопали, нас теперь от стола за уши не оттащишь!

— Будет вам ужин! Полковник привез целый чемодан еды и даже бутылку рижского бальзама. Пошли на кухню, пусть поговорят с глазу на глаз...

Друзья расцеловались, разошлись и принялись по-новому разглядывать один другого.

— Ну, ну, вид у тебя не очень-то латышский! Встреть я тебя где-нибудь в городе, обязательно поинтересовался бы, откуда такой гусь появился.

— Это все англичане! — засмеялся Лидумс.— Они считают, что у нас в Латвии круглый год морозы! — Он распахнул подбитую мехом куртку, под которой был еще и толстый свитер.

— Арвид,— позвал полковник, приоткрыв дверь.— Баня у тебя готова?

— Готова, да вот Кох просит сначала покормить командира...

— Ужин после! — распорядился полковник. И обратился к Лидумсу: — Сначала в баню! Твой костюм и все необходимое я привез! Пока не переоденешься, мне все будет казаться, что я не с тобой, а с каким-то иностранным гостем беседую!

Арвид вошел в комнату с березовым веником и полотенцем. Кох вынул из чемодана полковника вещи Лидумса и весело засмеялся.

— Чур, после командира на полóк лезу я!

— А не пойти ли и мне с тобой? — вдруг оживился полковник.— Давно я в настоящей лесной бане не бывал...

Лидумс взглянул на него и рассмеялся.

— Что ты хохочешь? — напуская на себя суровый вид, спросил Балодис.

Лидумс выждал, когда Арвид и Кох вышли, и сказал:

— Ну, если я как-нибудь шепну генералу Егерсу, где ты у меня первый отчет принимал, он тебе выговор объявит!

— Ах, ты вот о чем! Так это же лучшее место для конспирации. Пар шипит, вода шумит, никто ничего не расслышит! — Полковник тоже рассмеялся.

Этот удивительный рассказ так и прошел под шипение пара и шум льющейся воды. И только когда они хлестали друг друга веником на жарком полкé, где не хватало воздуха для дыхания, Лидумс умолкал. А порой они начинали так хохотать, что эхо этого веселья докатывалось до дома и до кухни, где Арвид и Кох готовили праздничный стол.

А посмеяться им было над чем, особенно когда Лидумс рассказывал о мистере Маккибине и полковнике Скотте, об их чаяниях и надеждах.

— Так Маккибин, говоришь, спит и видит, как королева удостаивает его звания лорда за заслуги в организации разведки? Ох, боюсь, не получит он это звание! — прервал речь Лидумса Балодис и снова разражался хохотом.— А на каких ролях у них полковник Скотт?

— Он мечтает только об одном: съесть Маккибина и сесть на его место.

— Ну, хорошо, оставим наших английских друзей в покое,— переходя на серьезный тон, сказал Балодис.— Расскажи теперь, что представляют собой эти парни, которых ты так любезно сопровождал сюда? Они не собираются выскочить из-под контроля? Не опасно оставлять такую крупную банду вместе с нашими ребятами?

— Альвирас, по-видимому, имеет особые задания. Впрочем, ты с ним встретишься и выяснишь все сам. А Биль довольно безобидный парень, к самостоятельности стремиться он не будет. Остальные трое намерены так или иначе пробраться в соседние республики. Их придется проводить до места назначения...

— А не собирались англичане повторить этой осенью операцию?

— Навряд ли! Они теперь надеются собирать урожай со старого поля, с твоего! И имей в виду, судя по их аппетитам, тебе придется попотеть, гоняясь за «материалами» для Маккибина и полковника Скотта...

— Тебе ведь тоже придется потеть, господин советник отдела «Норд»! — напомнил Балодис.

— Да, и мне тоже! — согласился Лидумс.

— Да уж ладно, не горюй, не горюй! — поддразнил его полковник.— Теперь, когда ты вернулся оттуда, все будет легче, дома-то и стены помогают!

— Если уж мы заговорили о доме... Почему ты ничего не сказал о моем доме?

— Давай об этом попозже! Нас же ждут к ужину,— отговорился Балодис, и Лидумс торопливо принялся одеваться. Эта отговорка полковника могла быть очень опасной. Может быть, он просто боится сказать правду?

Дружеский ужин вчетвером закончили довольно быстро, тем более что при Арвиде о служебных делах не говорили. А в эту минуту Лидумса больше занимали мысли о доме, о дочери и Анне, о которых умолчал Балодис.

После ужина Кох стал прощаться: ему еще предстоял обратный путь на базу отряда. Балодис нагрузил Коха несколькими рюкзаками с продуктами: шпионам было сказано, что, проводив Лидумса, Кох зайдет к пособникам разузнать, нет ли каких-нибудь слухов о высадке на берегу...

Арвид и Кох проводили полковника и Лидумса по лесной дороге до шоссе. Там, в укромном месте, укрытая от посторонних глаз, их ждала «Волга».

Арвид уложил в багажник вещи Лидумса. В рюкзаке находилось «приданое» отдела «Норд»: шифры, коды, средства тайнописи, подставные адреса за границей для связи с англичанами, два пистолета с патронами, лекарства и семьдесят пять тысяч рублей, полученные Лидумсом «на личные расходы». В другом чемодане, в котором

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—36.

привезли на хутор вещи Лидумса, находилась его английская экипировка... У машины они расстались с Арвидом и Кохом.

И полетело шоссе, освещенное яркими фарами, разворачиваясь, как кинолента. И сразу вспомнились другие дороги, английские и в ФРГ, казалось бы, похожие на эти, но в то же время такие чужие. Он все еще входил во вкус жизни — д о м а! — а Балодис, не замечая его сосредоточенности, все пытался расшевелить своими расспросами, рассказами о том, что происходило в группе без командира. Лидумс наконец шутливо взмолился.

Лидумс обратил внимание на то, что с какой-то просеки вышла автомашина «Волга» и пошла за ними. Она не приближалась, но и не отставала. Лидумс попросил шофера:

— Пожалуйста, помедленнее!

На второй машине тоже снизили скорость.

— А теперь побыстрее!

Шофер повиновался. Но и на второй машине увеличили скорость.

— Что ты взбудоражился? — спросил Балодис.

— Следом идет какая-то машина, но держится очень осторожно: на одном и том же расстоянии от нас.

Полковник оглянулся и сказал:

— Наши оперативные работники. Мы же не знали, как поведут себя твои так называемые новые «друзья». А вдруг их пришлось бы сразу арестовать на месте?

Лидумс невольно улыбнулся: Балодис остался таким же осторожным. Все предусмотреть и все подготовить. Проработать, так сказать, все возможные варианты.

— Дайте два гудка: длинный и короткий, — попросил шофера Балодис, — пусть знают, что мы их видим.

Шофер прогудел, как было приказано; со второй машины послышались три коротких сигнала.

Балодис снова повернулся к Лидумсу:

— Возможно, завтра ты уже будешь в Москве, а нам еще о многом надо посоветоваться.

Он остановил машину, пересел к Лидумсу и начал рассказывать о деятельности группы в отсутствие Лидумса. Вспомнил и о Томе, Адольфе, об аресте Петерсона, которого англичане числят погибшим, о захвате пассажиров со второй лодки весеннего десанта с катера Хельмута Клозе... Лидумс, в свою очередь, сообщил, что Клозе жив и невредим, а его катер отремонтирован, и о том, как Клозе перед новым десантом грозил в сторону Латвии кулаком, — должно быть, помнил неприятные последствия обстрела своего катера неизвестно откуда взявшимся «морским охотником»... Но когда Балодис задал вопрос о жизни Лидумса в Лондоне, он сразу поскучнел, сказал: «Потом, потом!» — и умолк. Полковник не стал настаивать, вернулся к делам своей «группы».

За прошедший год Балодис — Будрис разделил «отряд» «лесных братьев» на три самостоятельные группы, чтобы разобщить шпионов. Теперь в группе Графа будут двое — Альвирас и Биль, в отдельной группе Мазайса остался один Бертулис; раньше с ним жил и Эгле. Трое шпионов из весеннего десанта сидели на лесном хуторе под присмотром хозяина. Они что-то не очень торопились начинать свою деятельность, ограничиваясь жалобами в лондонский центр на то, что у них нет «безопасных документов», то есть повторяя стандартные для всех шпионов заявления.

Но ведь были еще двое лодочников из весеннего десанта, трое молодых спутников Альвираса и Биля, и в общем все это очень напоминало детскую задачу-загадку: как перевезти через реку на одной лодке волка, козу и капусту, если в лодке помещается только одно из составных задачи? Волк съест козу, коза съест капусту, — попробуй перевезти! В то же время легендировать перед англичанами арест хоть одного из шпионов — значило бы насторожить их и по собственной неосторожности прикончить всю эту игру...

— Кто из них более безопасен? — спросил Лидумс.

— Пожалуй, Бертулис. Мазайс сумел распропагандировать его. На зиму поселил в доме, где было много книг. Бертулис днем и ночью читал, редко выходил в эфир...

— Редко, но метко! — возразил Лидумс. — Я видел его радиограммы о воздушных учениях на военном аэродроме.

— Ну, он жил в пяти километрах от аэродрома и наблюдал эти учения собственными глазами. Но за всю зиму прошлого года он передал очень немного. Да и Силайс нам помог, когда посоветовал Бертулису не очень крутиться возле аэродрома.

— Силайс просто прислушался к моему скромному мнению, — улыбнулся Лидумс. — Я сказал, что аэродромы охраняются как зеница ока!

— Спасибо! — сердечно поблагодарил его Будрис.

— Не думаю, чтобы англичан удовлетворила скромная информация Бертулиса! — предостерег Лидумс.

— А мы подождем конкретных заданий. Из таких заданий нетрудно будет понять, что же интересует англичан на нашей территории. В конце концов они сами проговорятся о своих мечтаниях!

— Вполне возможно, — задумчиво заметил Лидумс. — Особенно теперь, когда они собственными глазами увидели меня, услышали рассказы Вилкса да еще получат в свои руки больного Эгле. Они всегда переоценивали возможности своих шпионов, куда бы их ни засылали. Как говорится, голодной курице просо снится!

— Ну что ж, решим так: Бертулис останется с Мазайсом. Биля и Альвираса надо еще изучить; этим делом сейчас занимается Граф и группа оперработников. Они выясняют, какие у них задания. Думаю, что есть тайнописные инструкции от Силайса и его начальников.

— Да, а где Юрка? — вдруг вспомнил Лидумс. — На встрече его не было, на базе тоже...

— Юрка, брат, стал старшим стивидором Вентспилского порта! Вот где наш Юрка! Мы передали пароль для связи с ним Большому Джону, теперь каждый шпик из королевского торгового флота прежде всего подходит к Юрке. «Эй, приятель, где тут есть ресторан?» «Направо, налево и прямо!» «Пойду направо!» «Иди налево. Дом 25, в углу под лестницей...» Такие, брат, дела!

— И много их?

— Да нет! Пока всего двое привязывались. Один привез деньги, другой пытался получить данные о торговле порта... По-видимому, моряки не очень идут на удочку мистера Скотта...

Балодис замолчал, и тогда Лидумс тихо спросил:

— Что делается у меня дома?

— Анита перешла в последний класс с отличными отметками. Живет по-прежнему с теткой. Жена получает твою зарплату. Она, кажется, привыкла к тому, что ты не скоро еще вернешься.

Лидумс склонил голову.

— Пожалуйста, не думай, что это ты сам или мы разрушили твое семейное счастье! — грустно заметил Будрис. — Она всегда считала, что ты подавил ее талант своей непримиримостью ко всему слащавому и сентиментальному. Сейчас она считается признанным художником-графиком, особенно в детской литературе. И, если хочешь знать правду, она скорее всего счастлива. И, главное, ей нет дела до того, счастлив ли ты!

Старый друг говорил так грустно, что Лидумс понял: это результат долгих наблюдений...

— Могу ли я ее увидеть? — глухо спросил он.

— Зачем? — спросил Балодис. — Чтобы обеспокоить и насторожить ее? Заставить ее б о я т ь с я принуждения? Взывать к ее воспоминаниям? Имей в виду, вас развела не наша тайная война, а полное несходство характеров! Кто был ты, когда влюбился в нее? Солдат, всю жизнь смотревший в глаза смерти. И вспомни, как жестоко страдали вы оба, когда ты пытался сказать ей правду. Если я не ошибаюсь, последние пять лет совместной жизни вы никогда не говорили друг с другом об искусстве...

— Да, — тихо признался Лидумс. — Она уже не понимала меня.

— Ну вот! А теперь ты ворвешься в ее жизнь, как пришелец с другой планеты. А у нее уже выработался свой круг идей, появились свои друзья, которым ты с твоими взглядами показался бы дикарем. Но я обещаю тебе: как только мы окончим нашу операцию, ты действительно поедешь в Среднюю Азию, в Арктику, к Черному морю, всюду, куда позовет тебя твой талант, и напишешь там такие полотна...

Лидумс молчал.

13

В Дзинтари машина Балодиса заехала во двор каменного особняка. Двухэтажное здание с лоджиями, балконами и полукруглым подъездом, сад перед домом, пряно пахнущий увядающими цветами и опавшими листьями, — все вызывало ощущение покоя.

Но яркий свет, пробивавшийся сквозь опущенные шторы, показывал, что спокойный дом полон жизни.

Лидумс и Балодис вышли, шофер достал из багажника вещи и пошел следом.

Они поднялись по широкой лестнице и повернули направо, где находились жилые комнаты, — две комнаты были отведены для них.

— Если можно, побыстрее приведи себя в порядок после дороги, — сказал Балодис.

— Хорошо! — ответил Лидумс. — О черт, опять я зарос бородой! Где у тебя бритва?

Балодис достал электрическую бритву. Через некоторое время в дверь постучали. Вошел один из оперативных работников полковника Балодиса и сообщил:

— Вас ожидают в гостиной!

Балодис и Лидумс последовали за ним.

В гостиной Лидумс увидел генерала Егерса, полковника Вавина из центрального аппарата КГБ, особенно интересовавшегося деятельностью отдела «Норд» английской разведки, двух других сотрудников полковника Балодиса, организовывавших когда-то бандитскую группу для шпионов «Норда». В сторонке, у столика с магнитофоном, ожидал приказов адъютант генерала.

Лидумс по-военному кратко отдал рапорт генералу Егерсу о том, что специальное задание Комитета государственной безопасности им выполнено.

Егерс поблагодарил Лидумса за смелость и находчивость при выполнении задания и поздравил с благополучным возвращением на родину. Потом он крепко расцеловал Лидумса. Стоявшие поодаль от Егерса трое других участников встречи окружили Лидумса, приветствуя и поздравляя с успехом в этой опасной и трудной операции.

Молодая пышноволосая девушка-латышка принесла кофе и коньяк. Все расположились у невысоких полированных столиков. Генерал сказал:

— Предлагаю послушать рассказ товарища Вэтры. А для того, чтобы ему не повторяться при следующих встречах, запишем нашу беседу на магнитофон. Присутствие стенографистов всегда несколько смущает разговаривающего. Позже товарищ Вэтра прослушает запись и, если окажется, что он что-то забыл сказать, запишет отдельно.

— Да, это, пожалуй, лучше всего. Если бы мне пришлось самому писать отчет, я попросил бы месяц на выполнение этого задания!

— Это вам еще предстоит проделать в Москве. А сейчас слушаем вас, товарищ Вэтра!

Лидумс начал свой рассказ с того, как впервые высадился на катере Клозе в Западной Германии два года назад...

Он взял с одного из столиков несколько листов бумаги и карандаши и, рассказывая, быстро набрасывал какие-то рисунки. На листах появлялись все новые и новые

лица. Тут были Хельмут Клозе, вице-адмирал, руководивший десантными операциями, затем появились Нора, Большой Джон, Малый Джон, Маккибин, полковник Скотт, неизвестный господин в визитке, Силайс, Жакявичус, Ребане...

Генерал Егерс объявил перерыв. Все подошли к столику, за которым сидел художник, и принялись с удивлением и восторгом перебирать его карандашные наброски.

Во время перерыва переменили ленту на магнитофоне. Это как бы настроило Лидумса на иной лад — теперь он сам спрашивал. Он хотел узнать, как возникла идея с подменой шпиона Тома оператором-чекистом, которая так помогла ему в Англии.

— Тома и Адольфа надо было арестовать, чтобы укрепить вашу легенду о всемогуществе Будриса, без которого всякий английский шпион в Латвии обязательно провалится. А потом, когда нам стало ясно, что вы переживаете тяжелые дни в Лондоне, мы воспользовались его передатчиком...— сказал генерал Егерс.

— Как же это мой друг полковник Балодис не предупредил меня, что будет помогать мне через английские передатчики? — улыбнулся Лидумс.— Можете представить, в каком положении я оказался? Английские шпионы лепят «дезу», мне передают их стряпню на консультацию, я сижу над этими радиограммами и думаю, что ответить моему начальству — Маккибину и полковнику Скотту.

— Признаться, я в этом в известной мере виноват! Не мог предусмотреть все, что случится с нашим посланцем в Лондоне,— покаялся улыбающийся полковник Балодис.— Я, кажется, переоценил английскую разведку: думал, они сами разберутся, что вместо Тома на радиопередатчике работает наш сотрудник, а они так обрадовались выходу лже-Тома, что просто завалили его вопросами. Мне пришлось подключить к этому делу еще несколько человек, чтобы удовлетворить запросы англичан. Ну, а когда я совсем выбился из сил, пришлось обращаться к помощи самого Лидумса... Помнишь, дорогой друг, радиограмму, адресованную тебе?

— Это где Янко пишет моим почерком? Еще бы! Она меня так выручила тогда... А главное, мой противник Ребане был вынужден замолчать. И больше уже никогда не повышал голос... И группа Будриса сразу стала вне подозрений... Мне даже было както жалко англичан, когда полковник Скотт собрал всех своих помощников и объявил, что на передатчике Тома работают чекисты! Видели бы вы, какие у них были длинные лица! А там еще присутствовал некий крупный деятель, от которого, по всей видимости, зависит если не само их существование, так, во всяком случае, все денежные вспомоществования!

— Товарищ Вэтра, опишите его, пожалуйста! — попросил генерал.

— Я попробую нарисовать...

Все умолкли, кое-кто подошел к столику Вэтры, наблюдая, как из-под его карандаша появляется длинное, похожее на лошадиную морду лицо англичанина.

Генерал долго разглядывал законченный рисунок.

— Вам не приходилось видеть его лицо на фотографиях в газете? — спросил он.

— Похоже на то, что этот человек не любит «паблисити»...

— Еще бы! Это помощник премьер-министра Англии, не сменяемый при любом правительстве, будет ли оно консервативным или лейбористским, как сейчас. Он координирует действия всех разведок страны: военной, морской, военно-воздушной, контрразведки и службы внутренней безопасности. У нас в комитете хранится его портрет...

Снова все заулыбались внезапности этой ситуации: разведчик из Комитета безопасности Советского Союза встретился лицом к лицу с одним из главарей английской разведки!

— Подумать только, и я не попросил у него автографа! — жалобно покаялся Лидумс.

Когда взрыв веселья несколько поутих, генерал Егерс предложил перейти в столовую.

— Там мы продолжим беседу, но уже в частном порядке, если так можно выразиться.

Вэтра попросил разрешения пройти к себе.

Когда он возвратился в столовую, в руках у него был складной спиннинг в замшевом футляре и раскрытая коробка красного дерева с набором великолепных блесен и искусственных бабочек, кузнечиков, мормышек — всего того, что заставляет биться сердце любого заядлого рыболова. Вэтра протянул все это хозяйство генералу Егерсу и произнес торжественным голосом:

— Начальник отдела «Норд» английской секретной службы мистер Маккибин просил меня передать этот подарок вам лично!

Под общий смех генерал принял подарок, спросил:

— Как это произошло, товарищ Вэтра?

— На прощание Маккибин устроил мне ужин, который был назван им «Вечер змей» и должен служить нам паролем для связи. На вечере спросил, какими пристрастиями обладает мой непосредственный начальник. Естественно, он имел в виду неуловимого руководителя «национально мыслящих» латышей Будриса. Но поскольку «Будрис» — имя собирательное, а моим непосредственным начальником являетесь вы, я вспомнил, что вы отличный рыболов, и сказал об этом. Оказалось, что у мистера Маккибина то же самое хобби!

Егерс улыбнулся, сказал:

— Ну что ж, пусть подаренный нами мистеру Маккибину чернильный прибор с изображением Лачплесиса будет стоять на его письменном столе как памятник о его карьере разведчика, а его подарок напоминает, что в наших водах все еще водятся опасные хищные рыбы, которых можно поймать только на искусно выполненную блесну.

— Карьеру-то он сделал, товарищ генерал,— дополнил этот спич Вэтра.— Секретарь Маккибина мисс Нора перед моим отъездом передала мне под секретом, что перед предстоящей отставкой Маккибина королева, по представлению «Интеллидженс сервис», за исключительные результаты, достигнутые отделом «Норд», особенно в последние годы, в разведывательной работе против советских прибалтийских республик, наградила его орденом... В наградной реляции Маккибина добрую половину занимало описание его «ратных» дел, совершенных по чистой иронии судьбы с помощью начальника одного из ваших отделов — полковника Балодиса! Так что прошу вас наложить взыскание на полковника за то, что он способствовал возвышению одного из наших злейших врагов!

И снова все засмеялись.

За окном давно уже текла безлунная ночь, а здесь еще только начинался веселый праздник.

После тостов Балодиса и полковника Вавина Егерс встал снова и провозгласил свой второй тост: за подругу Вэтры — Лидумса Анну, которая всегда верила в благополучное возвращение мужа после выполнения специального задания, за возвращение к ней!

Вэтра почувствовал невольное волнение. Егерс сказал свой тост так, что было понятно: он совсем недавно, может быть, еще днем, разговаривал с Анной! И что-то произошло с нею, если он так уверенно говорит, что Анна ждет мужа...

Как же возникло противоречие между прямым словом генерала и уклончивым — Балодиса? Кто из них прав?

Он с некоторой неловкостью спросил генерала, давно ли тот видел Анну.

Оказалось, что Егерс довольно часто встречается с Анной. Как он объяснил, полковник Балодис, которому была поручена забота о жене отсутствующего товарища, оказался чрезмерно занят. Да и постоянные требования англичанами всевозможных сведений могли бы менее спокойного человека довести до отчаяния. А Балодису приходилось перемешивать правду с ложью почти ежедневно, притом делать это так, чтобы в одном случае и ложь выглядела правдой, как было с передачами Петерсона, а в другом — и правда казалась ложью, как было с передатчиком Тома и Адольфа. В конце концов Балодис был вынужден обратиться к генералу с просьбой освободить его от забот об Анне.

Анна каким-то образом угадала, что Балодис тяготится встречами с нею, вероятно, обиделась и сама стала холоднее относиться к старому другу мужа. Вот тогда-то она и познакомилась с Егерсом, с его семьей и особенно близко — с женой генерала.

— У женщин,— улыбнулся генерал,— всегда найдутся общие интересы...

А потом выяснилось, что Анна переживает творческий кризис. Сначала речь шла о частных неудачах: не приняли такой-то рисунок в издательстве; отказались выставить картину на весенней выставке года; не выдвинули на съезд художников; отклонили проспект оформления нового журнала и прочее и прочее. Генерал пытался помочь художнице по мере сил, побывал даже в Союзе художников, но там ему ответили прямо: Анна Вэтра исчерпала свою манеру письма и стала повторяться. Если она не найдет в себе сил переломить свой сентиментализм, условность рисунка и ее статичность, ее ожидает довольно бесславное существование «обиженного», «непонятого» таланта...

Вот тут Егерс и предложил неожиданную атаку на «позиции» Анны.

Как-то летом он пригласил Анну Вэтра в гости на дачу. Приехало довольно много друзей генерала и один крупный художник из Москвы. Разговор невольно коснулся позиции художника в социалистическом государстве. Анна ринулась в бой, отстаивая право художника на свободу творчества. Поначалу ей показалось, что слушатели относятся сочувственно к ее горячей речи. Но едва она закончила свою первую эскападу, как послышались возражения. То, что у ее привычных друзей вызывало бурные аплодисменты, здесь подверглось тщательному анализу. Без насмешки, но и без принятия на веру каждого слова «пророчицы» нового искусства. Дальше — больше: у генерала оказалось около десятка картин Анны, купленных им сначала из любопытства, а потом и просто из желания помочь художнице. Генерал предложил проиллюстрировать точку зрения художницы ее полотнами и рисунками. Анне было неудобно отказаться. Произошел довольно бурный спор об истоках ее творчества, достоинствах картин. И общая оценка оказалась не в пользу художницы.

Анна, по словам Егерса, довольно долго противилась. До самой осени она работала в своей мастерской, почти нигде не бывая. От кружка бывших ее друзей она отошла, а друзья эти, именовавшие себя новаторами в искусстве, из обиды, что ли, начали распространять слухи о том, что Анна «исписалась». Так возник полный разрыв с прошлым...

В то же время Егерс постарался показать в настоящем свете работу мужа Анны. Он не стал ссылаться на мифическую творческую командировку, а просто рассказал, что Вэтра находится на очень опасном участке борьбы. Не затрагивая подробностей, он ввел Анну в тот мир тайной войны, которую ведет противоположный лагерь против Советского Союза. И Анна поняла, что длительное молчание мужа вынужденно, что в нем нет и намека на утрату им нежности к ней и к семье, что очень может быть, он и находится-то так далеко, что и до него не дойдет ни одна ее строка... Так произошел еще один перелом в ее смятенной душе.

Вэтра выслушал этот рассказ молча. Он боялся слов. И тогда Егерс спросил:

— Вы не возражаете, если мы утром пригласим Анну на завтрак к нам сюда?

У Вэтры перехватило дыхание: за эти три с половиной года он видел Анну три раза, и каждая встреча была тяжелее предыдущей. Но теперь он выходил из игры, начиналась новая жизнь, в которой было возможно все: работа, семья, счастье...

Виктор ЯКОВЕНКО

Нет, еще не осень...

* * *

Дорога — ревностная штука.
Как ни лукавь, как ни крути,
Зазывно степь протянет руку,
Поманят вешки — и в пути.

Вот-вот сейчас за поворотом,
Как сон, как огненная быль,
Мелькнет тачанка с пулеметом,
Сухой развихрится ковыль.

И вдаль, похоже, в бесконечность,
Уже ты мыслью устремлен,—
Где дней иных седая млечность,
Седой простор иных времен.

Над выжженным полынным прахом,
Где вечным сном курганы спят,
Пробуженным, разбитым шляхом
Возы чумацкие скрипят.

Растает в знойном небе коршун,
И ощутимей станет нам:
Ведет, ведет дорога к прошлым,
Совсем далеким временам.

Над окоемом пыль взовьется.
И стон мечей. И звон копыт.
В тебе эпоха отзовется
И богатырь заговорит...

Все начинается с дороги.
Видать, пословица права.
И воскрешаются в тревоге
Картины, чувства и слова.

Нет, еще не осень:
Дуб листву не сбросил,
В шелесте зеленом встал он на ветру;
У прибрежной ивы голубые косы
Нежно расплетает солнце поутру.

Нет, еще не осень:
То березок проседь
Наполняет светом рощицу мою;
Над вишневой балкой чибисы голóсят
В тихом и неброском дедовском краю.

Нет, еще не осень:
Луговину косят,
И влекут рыбачьи сладкие костры,
От которых в небо вьется дым белесый,
И, как днем весенним, запахи остры.

Нет, еще не осень,
Если тридцать восемь
И в душе прописан истый непокой,
Если память верит,
Если крылья носят
И трепещет сердце-птица под рукой.

ИВÁНОВА РОЩА

Снег тускнел, как мокрая бумага,
И в овраг сползал, не торопясь.
А на дне холодного оврага
Налипала на ботинки грязь.
Мы шагали по тропинке тощей
На исходе мартовского дня.
Вот и наша солнечная роща
Светит, тихой свежестью маня.
Тут когда-то полыхали грозы,
Твердый склон воронками изрыт,
Но стоят нетронуто березы,
Нежные и хрупкие на вид.
Хрупкие... Да то ли это слово?
Нежные, но, видно, до поры.
Вьюги обжигали их свинцово,
Воровски ласкали топоры.
Кто же он, чье роща носит имя,
Чье дыханье бережно хранит?

И какими нитями живыми
С будущим он нас соединит?
Лесовод, что в грунте каменистом
Эту вот взлелеял красоту,
Иль солдат с душой, как небо, чистой,
Жизнью отстоявший высоту?..
Ветры века осушают слезы.
Сквозь заморский нам грозят туман,
Но неистребимо,
Как березы,
Русское
Исконное —
Иван.

ВЕТЕР

Гляжу, но будто бы во сне я:
Как краски осени пестры,
И просветляются яснее
От ветра дивные костры!

По буеракам он крадется,
Бежит щетинистым жнивьем,
То дальним эхом отзовется,
То отзвуки растают в нем.

Над оголенным полем рыщет,
Врывается под каждый куст...
Не так ли память сердца ищет
Утраченных когда-то чувств?

* * *

Листья падают на воду, как шальные стрекозы,
И уносятся тихой, нешумной рекой.
Этот вкрадчивый шепот реки и березы
Не заглушит ни гром, ни буран никакой.

Лес не раз еще сменит золотое убранство,
Сбросит шубу листвы и скует берега,
Но ничто не развеет их постоянства,
Не погасят дожди, не задуют снега.

Это шепот равнинных среднерусских
просторов,
Из былины воскресшей земной полосы,
Беспокойной речушки покладистый норов
И застывшее буйство белоствольной красы.

Ужин затянулся до глубокой ночи. У Лидумса — Вэтры оставалось еще много вопросов, а завтра он должен был вылетать в Москву: полковник Вавин уже передал ему приглашение генерала Голубева. И Вэтра все возвращался в недавнее прошлое:

— Как была проведена «акция» с Петерсоном? Признаться, когда англичане сообщили мне, что Петерсон убит под Ригой во время сеанса радиопередачи, я был страшно обеспокоен. Во-первых, в глазах англичан смерть Петерсона неминуемо должна была привести к провалу всей группы Будриса. А если это так, то возвращение на побережье Латвии не состоится, и мне суждено будет искать иных путей на Родину. Только полученное от Будриса сообщение о подробностях «гибели» Петерсона несколько успокоило англичан. Кроме того, англичане знали из предыдущих сообщений Петерсона, что Будрис приказал ему раз и навсегда готовить и зашифровывать свои сообщения в одном месте, а затем, взяв с собой только шифровку, выходить на радиосеанс. После того как Будрис подтвердил, что шифры и кодовые таблицы обнаружены им на конспиративной квартире Петерсона в Риге, англичане несколько успокоились. Но тут же начали специальное служебное расследование: почему сеансы Петерсона оказались столь длительными, что его рация была запеленгована? И тут выяснилось, что радисты английского Центра «держали» Петерсона в эфире, требуя в ряде случаев из-за метеорологических помех, как они потом объяснили, повторения многих цифровых групп, которые не успевали за ним записывать. Правда, все эти радисты понесли наказание, а Большой Джон и Малый были строго предупреждены Маккибином. Расследование подтвердило вину англичан в «гибели» Петерсона и еще сильнее укрепило репутацию Лидумса, который не однажды предупреждал «Норд», что опасность пеленгации в Латвии чрезвычайно велика...

Еще неприятнее для Лидумса было узнать, что англичане отдали Будрису приказ об уничтожении психически неполноценного Эгле. Окончание этой радиограммы: «Бог да благословит Латвию!» — после приговора к смерти ни в чем перед англичанами не повинного человека ошеломило Лидумса. Только мысль о том, что Будрис никогда не выполнит этот подлый приказ, удержала Лидумса от резких, а возможно, и опрометчивых поступков. Хотя Лидумс и не знал, как Будрис поступит с больным, но был убежден, что выход будет найден. И с удовольствием прочитал радиограмму, в которой Будрис утер нос англичанам, заявив, что транспортирует больного обратно в Англию. И как же ему было приятно увидеть Эгле, садящегося в шлюпку!

— Кстати, что это за мешок бросили в лодку от твоего имени, полковник? — вдруг спросил он Балодиса.

— А, это книги! Маккибин попросил меня прислать новые книги латышских издательств. Ну, я и выполнил! Вот тебе, кстати, список этих книг!

Вэтра читал улыбаясь: то были книги о советском строительстве в Латвии, стенограммы заседаний Верховного Совета республики в пяти томах, двухтомник «Национальная политика Советского Союза» и несколько романов о рабочем классе Латвии...

— Да, эти книги не доставят большой радости Маккибину,— проговорил он, возвращая список Балодису.

— Ну что же, товарищи, пора и отдохнуть! — сказал Егерс, взглянув на часы. Было два часа пополуночи.

Вэтра невольно подумал: завтра Анна будет здесь!

14

Утром, когда Вэтра брился, в дверь постучали, и адъютант генерала с порога сказал:

— Товарищ Вэтра, к вам приехали!

Вэтра, как был с намыленной щекой, выскочил в переднюю.

Может быть, именно эта непосредственность, эта намыленная щека, эта самобрей-

ка в руке сломали тот лед, что все еще не оттаивал в душе и, наверно, заморозил душу Анны. Она вскрикнула и упала в объятия мужа, который казался ей мертвым, невозвратимым с самой минуты прощания.

Он провел ее в комнату, помог снять пальто, сказал: «Прости, я сейчас!» — оставил ее, смущенно мнущую перчатки, бросился добриваться, смывать мыльную пену: почему, собственно, именно сегодня он решил побриться по-старому, самобрейкой? Надоела, что ли, эта никогда не снимаемая по-настоящему щетина, шершавость кожи? Или просто захотелось вспомнить прошлое?

Когда он вышел из ванной, жена уже казалась спокойной, с любопытством рассматривала чужую комнату, заставленную нераскрытыми чемоданами, так непохожую на те комнаты и на тот порядок, в котором жил ее муж, когда еще был с нею.

Но это был он, мужественный, сильный, может быть, несколько суровый человек, для которого было привычно все, начиная от борьбы со смертью, кончая исчезновением на дни, месяцы, а теперь вот и на годы, человек, для которого эта странная жизнь была совсем не приключением, а самой подлинной жизнью! И она исподтишка разглядывала его, словно боялась или еще не доверяла, чувствуя в то же время его силу, под защиту которой ей так хотелось наконец укрыться после трудного опыта одинокой жизни...

Он тоже исподволь разглядывал ее, изменившуюся от этой самостоятельной жизни. И странная жалость тронула его душу, когда он заметил внезапные и такие неожиданные морщинки на ее всегда гладком и спокойном лице, смятение в больших голубых глазах, странную смесь женской мягкости и почти мужской резкости в движениях. Вот она села, бросив ногу на ногу, привычным движением вставила сигарету в длинный мундштук, щелкнула зажигалкой, заговорила робко, просительно:

— Ты вернулся насовсем?

И это вот детское «насовсем» и эта робость позы, к которой так не шла сигарета в тонкой руке,— все это было от двух разных женщин: его милой, робкой Анны и той, другой, которая так умела ранить его душу, притворяться непонимающей, бессердечной, донимать его ревностью и завистью.

Он тихо попросил:

— Выйдем отсюда, на взморье сегодня, кажется, тепло...

Она кивнула согласно, поднялась, ожидая, когда он поможет ей надеть пальто, подождала, пока и сам он оделся.

У двери они встретили адъютанта, который шел пригласить к завтраку, и Лидумс попросил не ждать их.

Они нашли маленькое кафе, в котором было пусто, но зато все обрадовались неожиданным посетителям. И кофе оказался превосходным и свежие булочки, и рюмка коньяка нашлась для подмерзших на ветру путников. И опять все было хорошо и напоминало давние-давние времена, когда им, молодым еще, неустроенным после долгой войны, каждое удовольствие казалось необыкновенным.

Анна спросила:

— Ты можешь теперь вернуться домой?

— Нет, я еще должен поехать в Москву...

— А... оттуда домой?

— Да...

— Это... не опасно? Я помню, после войны ты так долго ходил с вооруженными спутниками...

— Тогда я был еще на войне. Теперь я просто дома.

— Я могу поехать с тобой?

Он вдруг вспомнил совет Маккибина — легализоваться! И сказал:

— Я уезжаю в Москву сегодня. Если бы ты подобрала два десятка моих полотен, пусть и не самых лучших, и привезла их мне в Москву, мой путь домой был бы в два раза короче!

— Ты хочешь выставиться в Москве?

— Это, пожалуй, лучший вариант, я должен это сделать,— рассудительно ответил он.— Мои бывшие хозяева, вероятно, попытаются проверить меня, пусть это будет через сотрудников посольств, туристов, коммерсантов, но я должен остаться тем, кого они знали. В общих чертах генерал Егерс тебе, конечно, рассказывал, кем я был перед возвращением на Родину с берегов Белого Альбиона.

— Опять опасность, всегда опасность! — грустно произнесла она.

— Я действительно принадлежу к числу тех, кто заключил контракт на все пятьдесят лет объявленных и необъявленных войн,— напомнил он слова Хемингуэя, процитированные им перед уходом на выполнение задания.— Но теперь я ухожу в резерв... Нам пора возвращаться, генерал ждет.

— Пожалуйста, не так скоро,— жалобно сказала она.— Я еще не привыкла к тебе, новому, чужому, а ты уже торопишь меня!

— Хорошо, мы пойдем так же медленно к даче, и я буду слушать тебя, сколько ты захочешь.

— А о себе ты когда-нибудь расскажешь? — робко спросила она.

Он засмеялся, ответил:

— В одной стране действует закон: через тридцать лет после любого события все документы об этом событии извлекаются из архивов и предаются гласности. Но вот странность: к этому времени почему-то оказывается, что большинство документов исчезло! Начинаются расследования, споры, обвинения, но документов-то все-таки нет! Боюсь, что к тому времени, когда я смогу что-либо рассказать тебе, это будет уже неинтересно никому, кроме разве что наших детей!

Ее больше всего поразили последние слова: о детях. Она вдруг спросила:

— Ты в самом деле хочешь, чтобы у нас были дети?

— А ты?— прямо спросил он.

— Теперь — да! — так же просто ответила она. И пожаловалась: — Я иногда думаю, что если бы они были, ничто не разъединило бы нас: ни ссора, ни недоверие...

— Кроме приказа генерала Егерса и полковника Балодиса! — засмеялся он.

— Важность этих приказов я бы не оспаривала! — улыбнулась и она.

И это было как мир. Мир на земле и в душах.

Вечером Вэтра вылетел из Риги в Москву. Его никто не провожал. Самолет шел специальным рейсом, вне расписания. Вместе с Лидумсом летели лишь два человека — полковник Балодис и Вавин.

Продолжение следует.

ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ЧАЯ

ПИСЬМА ЕСТЬ, НЕТ ЧАЙНЫХ...

ДИАЛОГ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЧАЯ И НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ МОСГОРИСПОЛКОМА ЯВНО ЗАТЯНУЛСЯ.

Почти одновременно в редакцию пришло несколько откликов на опубликованную в «Огоньке» (№ 28) заметку «В час по чайной ложке...». Одно письмо — от начальника Главного управления общественного питания Мосгорисполкома И. И. Шевелева, другие — от читателей.

«Давно я хотела написать о чае. Бывая в Ленинграде, да и в Москве, нигде не найдешь чашки чая»,— сетует саратовская читательница «Огонька» товарищ Григорьева.

«За последнее время осуществлены определенные меры по улучшению приготовления и отпуска чая на предприятиях общественного питания, и этому вопросу уделяется много внимания»,— утверждает товарищ Шевелев. И далее: «В своем письме редакции журнала «Огонек» от 28 апреля 1969 года Главное управление действительно сообщало о том, что намечается открытие после освобождения жилых помещений по адресам: проезд Серова, 19. Новослободская улица, Зубовский бульвар, 15, Калашный переулок, 2/10 — специализированных предприятий по продаже чая, при этом конкретные сроки открытия предприятий не были указаны, так как это зависит не столько от Главного управления, сколько от решения вопроса освобождения помещений от жильцов и предоставления им новых квартир».

Здесь требуется сделать комментарий. Ведь не «Огонек» назвал адреса будущих чайных, а сам И. И. Шевелев. На что же он рассчитывал? Обращаемся к прошлогоднему письму. В нем прямо сказано: помещения «подлежат освобождению в соответствии с решением исполкома Моссовета от 6 сентября 1967 года». Приводится номер решения, и называются четыре адреса.

Так кто же виноват в том, что решение исполкома Моссовета не выполнено и до сих пор по указанным адресам чайные не открыты? Тов. Шевелев, видимо, забыл, что он является руководителем одного из главков Мосгорисполкома. Так что сетовать он должен прежде всего на себя.

Одно из помещений, указанных в постановлении исполкома Моссовета, все же освободили (Калашный переулок), но передали другой организации, видимо, более настойчивой, чем Главное управление общественного питания.

Корреспондент «Огонька» К. Барыкин, пытаясь найти рациональное зерно в ответе тов. Шевелева («Улучшилась и работа кафе «Чай»,— сообщает он), отправился на Кутузовский проспект. Вот его микрорепортаж:

«Стандартный стеклянный павильон. На трех столах — самовары. Почаевничаем? Не спешите. Они едва теплятся. Один из двух буфетных вовсе холоден, второй — полон кипятка. Но в заварном чайнике такой никудышный напиток, что невозможно представить: что же было тут до «улучшения»? Впрочем, может, я не смог оценить достоинства чая? Спрашиваю одного посетителя кафе, второго, третьего... «Так себе...», «Дрянь...», «Пить можно...» Прошу специалистов по дегустации чая — титестеров заехать на Кутузовский, попить чайку. «Заехали,— сообщили мне дегустаторы.— Попробовали, но пить не стали: второсортный чай был заварен с явным нарушением технологии».

Письмо тов. Шевелева не может удовлетворить читателей. Диалог любителей чая и организаторов чайных явно затянулся.

А. СОФРОНОВ

ТРИ ВОСКРЕСЕНЬЯ

«ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПОЭТОВ»

Ночью где-то недалеко глухо ворочался океан, тоскливо гудели океанские пароходы. В номерах был кондиционированный воздух и прочно закрытые от солнца жалюзи, так что, пока ты находился в номере, создавалось впечатление, что за окнами серенькая, дождливая, да еще к тому же и прохладная погода. Но стоило выйти в коридор — сразу понимал, что твой номер — оазис. Уже коридор был словно предбанник. Внизу, в вестибюле отеля, сновали десятки людей.

Недавно прошел дождь. Ярко-зеленые пальмы перед подъездом еще держали на широких листьях крупные, с горошину, капли. От земли поднимался легкий пар.

Кармен деловито встретила нас и сказала:

— Я провожу вас в Зимний сад, конгресс идет там.

Мы направились в Зимний сад и снова попали в райски прохладную температуру. Тут можно было слушать речи и стихи.

Нас встретил озабоченный доктор Юзон.

— Сегодня первым выступает вице-президент республики. Вот ваши места.— Он указал на места за широким столом, на котором стояла от руки написанная табличка «USSR».— Я представлю вас участникам конгресса.

Не очень уверенно произнося наши не совпадающие в произношении фамилии, он назвал поименно весь состав делегации.

Мы уже знали, что на конгрессе больше всего поэтов из Соединенных Штатов Америки, причем для вящей торжественности каждый из участников представлял свой штат. Были делегаты из Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура, Гонконга и других стран тихоокеанского района. Я смотрел по сторонам, пока не увидел пожилого человека. Это был поэт-коммунист из Австралии Гууд. Мы встречались с ним в 1966 году в Аделаиде на фестивале литературы, а затем виделись, когда он был с женой в Москве.

Больше знакомых я не обнаружил. Выступал вице-президент:

— Я рад приветствовать представителей всех стран, которые приехали на этот конгресс. Когда я был молод, я писал стихи и даже участвовал в олимпиаде молодых поэтов. Воспоминания эти очень живы. Мы все знаем, какое действенное оружие — поэзия. Я хочу вспомнить юность и прочту стихи, несколько строф из поэмы «Дорога в горы».— Оратор начал читать стихи. Затем продолжил свою речь прозой: — Хотя мы и бедны, но мы гордые люди. Поэзия всегда насыщена любовью. Но разве можно писать о любви, если испытывать и не выражать свою любовь к свободе? В укреплении нашей слаборазвитой страны многое может сделать поэзия. У нас был такой человек — поэт Хосе Рисаль, который поднимал народ своими стихами к борьбе. Поэты являются моральными ценностями нации. Поэзия обязана выражать реальную жизнь. Настоящий поэт всегда является революционером. Он может своей поэзией усилить чувство национального стремления к демократии. Нации все более связаны друг с другом. Но мы не всегда бываем свободны в проявлении своих дружеских стремлений. Коррупция, которая нас окружает, связывает наши руки. Человечество ожидает, что правительства будут служить своим народам. Человечество ожидает лучшей жизни...

Мы внимательно прислушивались к тому, что говорил вице-президент Филиппин. Искренняя ли была его речь? Сочетаются ли слова оратора с действительным положением филиппинцев? Мы еще не видели Филиппин, еще не встречались с филиппинцами... Все было для нас впереди.

На трибуну поднялась пожилая женщина, с симпатичным открытым лицом. Это была Медлед Бридлад из штата Невада. В прошлом учительница.

— Воробей не виноват в том, что бог одарил соловья талантом, поэтому особенно важно, как соловей распоряжается своим талантом,— сказала она.— Многие народы только сейчас приобщаются к культуре. Прозу читают и изучают, а стихи, кроме этого, еще и запоминают. Если поэзия пропагандирует уродство, то явления этого уродства отпечатываются в сознании тех, кто запоминает такую поэзию. Если поэт пропагандирует чистоту, то эта чистота сопровождает человека всю его жизнь. К сожалению, у нас в США создается искусство, непонятное людям. Хороший вкус стал вырождающимся понятием. Но мы должны помнить, что моды приходят и уходят, а то, что рождено человечеством в веках, как совершенство,— остается. Даже самая модная мода уходит. Лет тридцать назад в Нью-Йорке ребенок привязал к коляске игрушку. И потом все дети стали привязывать игрушки. Американцы сейчас предельно пользуются всем: выпивкой, курением, наркотиками, короткими юбками. Мода это или нет? И да и нет. Некоторым не хочется следовать всему этому, но это мода, и ей следуют... Мода, конечно, умрет, но тем временем школы, университеты, колледжи всячески культивируют всяческую «свободу выражения». Постепенно стала исчезать подлинная поэзия. Поэзия стала заменяться «свободой выражения». Детям стали подносить поэзию низкого пошиба. К чести американцев скажу, что в массе своей они не принимают такую поэзию. Возмущение приняло самый широкий масштаб. Сейчас в Соединенных Штатах обыкновенный человек при слове «поэзия» вздрагивает. С 1949 года я стала заниматься поэзией. Я много исследовала и пришла в ужас, когда изучила интерес американцев к поэзии. Я поставила для себя задачу возродить любовь американцев к настоящей поэзии. Я нашла единомышленников. Они оказались не только в штате Невада. Мы задавали себе вопрос: что случилось с американской молодежью? Мы говорили тем, кто развращает ее: «Что посеете, то и пожнете». Мы старались дать детям все: образование, знание культуры... Но именно в школах, под влиянием общества все было уничтожено. Сегодня в США тысячи и тысячи детей безвозвратно потеряны... Так называемая «свобода выражения» привела этих детей к моральной, а часто и к физической гибели. У нас сердце обливается кровью, когда мы видим маленьких детей. Неужели же их ожидает то же самое? Мы живем в стране, люди которой находятся по разные стороны баррикад. Хочется крикнуть: «Хватит! Довольно! Мы должны переделать Америку». Но пока мы еще работаем поверху. Нас плохо слушают. На наши призывы не обращают внимания. Мы бы хотели создать в Соединенных Штатах общество братства людей и мира. Я должна сказать, что, хотя нас и немного, мы делаем для мира больше, чем десятки американских политиков. Здоровая атмосфера на Земле для нас значительно дороже, чем высадка людей на Луну. Настоящая поэзия может создать новый мир — мир мира и братства людей. Мы не должны дать возможность погибнуть нашим нациям. Поэзия, взаимные посещения, общение друг с другом могут дать очень многое. Наши культуры от ознакомления с настоящей культурой и поэзией могут быть обогащены. Но только должна быть настоящая поэзия, а не ее суррогаты. Если же мы подпишемся под уродством, злом, беспросветностью — мы подписываемся под гибелью мира.

Это, пожалуй, была самая яркая, эмоциональная речь на конгрессе. Несколько других земляков Бридлад, выступая, говорили о красотах поэзии, о том, что поэзия равна божественному, неземному... Некоторые из них прибыли на конгресс явно для экзотического времяпрепровождения. Они все очень вежливо и предупредительно держались по отношению к нашей делегации, но с сожалением поглядывали в нашу сторону, когда филиппинские поэты окружали нас.

Вечером ко мне подошел Амаду Юзон.

— В первый день вы познакомились с составом участников и направлением конгресса. Я надеюсь, вы одобряете это направление?

— Мы рады познакомиться с филиппинскими писателями.

— Должен сказать, что и филиппинские литераторы очень рады, что советские поэты снова появились в Маниле, сразу три русских поэта...

— Русский один,— сказал я.— Абашидзе — грузинский поэт, Бабаджан — узбекский.

— Да, это прекрасно,— понимающе качая головой, сказал отягощенный заботами доктор Юзон,— завтра утром мы будем просить вас выступить от имени советской делегации.

— Я должен один выступать? — спросил я Юзона.

— Да, конечно... Я думаю, этого будет достаточно.

— Нет, дорогой Юзон, этого не будет достаточно... Мы здесь представляем три литературы из почти что восьмидесяти литератур, издающих свои произведения в Советском Союзе на родных языках. В какой-то степени на этом конгрессе мы их всех представляем. Я прошу вас, дорогой Юзон, дать возможность выступить всем троим. Выступления будут переведены на английский язык, а стихи мы прочитаем каждый на родном языке.

— О! Это будет превосходно! — обрадовался Юзон.— Такого у нас еще не было!

На другой день конгресс слушал наши выступления.

Я сидел в зале и наблюдал, с какой заинтересованностью филип-

См. «Огонек» № 36.

пинские да и другие литераторы слушали выступления Григола Абашидзе и Рамза Бабаджана, рассказывающих о росте грузинской и узбекской литератур. Как хорошо звучали в этой далекой от нашей земли Маниле короткие, афористичные рубаи Рамза Бабаджана, и как сдержанно и мужественно читал стихи о родной Грузии Григол Абашидзе.

Когда закончилось заседание, филиппинцы, малайзийцы, сингапурцы окружили нашу делегацию, горячо пожимая нам руки. Но, кажется, больше всех был доволен сам Амаду Юзон. Вручая нам памятные медали, он говорил:

— Спасибо вам... Вы украсили наш конгресс. Наглядно показали, что такое Советский Союз... Нас ожидает на обед в городе Кесон-Сити в ресторане президент четвергового клуба Капуодес. Не будем задерживаться.

Кесон-Сити — фактически продолжение города Манилы, деловая столица страны. Четверговый клуб — место встреч бизнесменов, богатых людей, где они раз в неделю по четвергам встречаются для отдыха и обмена мнениями. На этот раз деловые люди оказывали гостеприимство поэтам. Для нас, не скрою, это было любопытно.

Капуодес, массивный мужчина с грубым, загорелым лицом, открывая обед, провозгласил:

— Все мое семейство любит поэзию. Я когда-то писал стихи. Очень много читал Данте. Он оказал на меня большое влияние. Когда у меня родился сын, я назвал его Данте. Когда у меня родилась дочь, мы с женой дали ей имя Беатриче... Потом я читал Шекспира и готовил имя, если бы родился мальчик, из произведений Шекспира. Но мальчик не родился, а появилась дочь, мы с женой дали ей имя Розалинда. Вот перед вами все мое семейство: жена, Данте, Беатриче и Розалинда.— В этот момент все семейство поднялось, как свидетельство неистребимой любви президента четвергового клуба к литературе эпохи Возрождения.

Все аплодировали. Президент был доволен. Его страсть к литературе была оценена по заслугам.

После обеда ко мне подошел австралийский поэт Гууд.

— Все никак не удается поговорить с вами,— сказал он.— Знаете, каким негодяем оказался Фрэнк Харди?

— Знаю.

— Сейчас он печатается в реакционном листке. Видимо, за предательство ему хорошо заплатили. У него оказались слишком слабые ноги, голова не выдержала.

После Гууда возле нас оказался молодой филиппинец.

— Я прошу вас помочь поступить в московский Университет Патриса Лумумбы.

— А вы что-либо слышали о нем?

— О, конечно! Хотя и с опозданием, но и сюда доходят вести о Советском Союзе. Вот только не имеем возможности получать советскую литературу, не поступает она к нам.

В тот же день мы были приглашены на встречу со студентами и преподавателями университета города Манилы.

Было послеобеденное время. Духота и влажность перехватывали дыхание. Мы подъехали к университету, большому, продуваемому со всех сторон зданию. Вдоль стен коридоров были развешаны картины филиппинских художников.

— Это картины из коллекции моего мужа,— сказала молодая женщина, провожая нас в зал.— Мы с мужем патронируем этот университет. Мой муж богатый человек. В этом университете бесплатное обучение. Молодежь должна знать музыку и искусство, иначе она будет грубой.

Зал был полон. Черноглазые юноши и девушки тепло встретили нас. Рядом со мной оказалась молодая женщина по имени Валентай.

— С огромным интересом я смотрела выступление группы Московского Большого театра в Маниле. А потом еще видовой фильм о Советском Союзе. К сожалению, это все, что мы могли здесь увидеть. Я была туристкой в Чикаго. Но очень хочу поехать в Советский Союз. У вас был наш сенатор Агинья. Он печатал статьи о Советском Союзе, в которых подробно говорил о государственном устройстве вашей страны. Мне это устройство понравилось. Я работаю здесь в университете преподавателем.

Беседа эта проходила, пока на сцене выступали студенты, исполнявшие филиппинские песни. Потом нас пригласили на сцену. С большой речью выступил ректор университета, который в числе прочего сообщил, что этот университет плату за обучение студентов не берет. «Все, кто посещает университет, удивляются: «Как так? В капиталистическом обществе и вдруг бесплатный университет?»

Когда закончились речи, к нам снова подошла женщина, встречавшая нас.

— Как хорошо, что вы приехали. Эту встречу наши студенты запомнят надолго. Они бедные люди. Мы их подкармливаем периодически, а то от голода они падают в обморок.

Несмотря на то, что лопасти мощных фенов, вертящихся под потолком, казалось, должны были, словно лопатами, разгребать жару, в помещении было нестерпимо душно. Мы спустились вниз. Машин еще не было. К нам подошел молодой человек.

— Я преподаватель этого университета,— сказал он тихо.— Было очень приятно видеть, как русские душевно обращаются с филиппинцами. Честно говоря, мы здесь совсем этого себе не представляли. Оказывается, это можно. Нас несколько десятилетий воспитывали американцы. В газетах, в литературе... В университетах... Да и в этом, где вы только что были... Кино, телевидение... Попробуйте всему сопротивляться. Конечно, многие из нас заражены всяческими предубеждениями. Но теперь мы начинаем видеть и понимать. И главное, мы понимаем, что русские и филиппинцы никогда не стреляли друг в друга...— Мой собеседник посмотрел на студентов, с любопытством слушавших нашу беседу, и, словно бы решившись, но совсем уже тихо сказал: — Я лично стою за коммунизм, но за настоящий... В общем, за ваш,— пояснил он и уже громко продолжал: — Но вот война... Нас всех беспокоит угроза войны. У нас расположены американские базы... Наше бедное правительство зарабатывает на них, но мы не хотим такого заработка. Это слишком дорогая цена. Каждая война далеко отбрасывает человечество назад.

В это время подошли машины, и нам пришлось прервать разговор.

— Посмотрите внимательно Филиппины. Послушайте филиппинцев,— сказал преподаватель.— У вас здесь много друзей.

В МАНИЛЕ И ОКОЛО НЕЕ

Мы прожили в Маниле всего два дня, а уже казалось, что находимся здесь давно, настолько плотным оказался наш календарь.

На третий день Кармен сказала нам:

— Сегодня будет знакомство с городом. Все участники конгресса поедут автобусом. У вас будет остроумный гид. Вообще он пишет, но поскольку его не печатают, он избрал себе профессию гида.

Только в автобусе мы оценили характеристику, которую дала Кармен неизвестному нам гиду.

Первая остановка была в мемориальном музее Хосе Рисаля. В старом здании, где на стенах были развешаны картины, показывающие отдельные эпизоды жизни Хосе Рисаля, было тихо и малолюдно. Особенно впечатляла картина, изображающая Хосе Рисаля ночью накануне казни, когда он писал последние свои стихи. Под стеклом лежали книги Хосе Рисаля, изданные на Филиппинах и в различных странах. Здесь же находились его книги, выпущенные в Москве.

Вокруг здания аккуратно посаженные цветы. Зеленые посадки. Много школьников, пришедших сюда почтить память Хосе Рисаля. Внизу, под обрывом, раскинулась широкая река, по которой медленно плыли баржи и грузовые пароходы. Вдали, словно изнанка города, серые дома. На берегу жалкие, ободранные лачуги.

Автобус тронулся. Как-то сразу мы попали в торговые ряды. Это был обыкновенный базар, где продавали дешевые материи. Фрукты. Посуду. Утиные яйца. Овощи. Сверкающие под солнцем жестяные изделия. Всякий железный лом... Навстречу мчались ярко раскрашенные «джипы». Здесь они используются как один из видов дешевого транспорта. Остались «джипы» после войны и привились как маленькие — на 8—10 человек — автобусы. На каждом из них, словно на лодках, начертаны женские имена.

Возле одного из светофоров автобус остановился. Справа высилось большое здание, окна у которого были выбиты. Послышался голос гида:

— Это еще один университет, студенты которого почему-то во время очередной демонстрации определили свое отношение к администрации университета тем, что решили выбить все стекла. Должен сказать, что студенты Манилы очень темпераментные люди. Среди них много мусульман. Вчера они почему-то сожгли автомашину посла Израиля. Если верить газетам, они сделали это в знак протеста против поджога мечети в Иерусалиме. Если верить газетам, в Париже почему-то была такая же демонстрация студентов-мусульман, только там им почему-то не попалась автомашина израильского посла.

Автобус отправился дальше. Зазвучал голос сидящего впереди с микрофоном гида:

— Прошу обратить внимание. Справа от нас ресторан, в котором мы не бываем. Вам известно, что в Тихом океане имеется много больших акул. Есть и их разновидность — тигровые акулы. В этом ресторане приготовляется блюдо из печени молоденьких акул. Обычно акулы с удовольствием пожирают людей. В этом ресторане все делается наоборот: вместо того, чтобы акулы пожирали людей, люди пожирают акул.

Возле новых, блещущих лаком американских машин стояла толпа плохо одетых филиппинцев. Они молча разглядывали машины последних моделей.

— Как видите, у нас есть безработица,— снова зазвучал голос гида,— но нет пособий по безработице. Американские машины стоят дорого, филиппинцы стоят дешево. У нас дешево стоят филиппинцы и деревянные изделия. И того и другого у нас много. Испанцы спасали нас от невежества, а американцы спасают от самих нас.

Автобус приближался к окраине Манилы. Слева потянулись кварталы грязных лачуг, сбитых из ржавой жести и фанерных ящиков. Это были самые откровенные трущобы.

— Новоселы нашего прекрасного города,— заговорил гид.— Как видите, они еще не успели как следует устроиться.

После небольшой паузы гид продолжил:

— А теперь мы покидаем район новоселов и отправляемся в район наших бедных миллионеров.

Автобус втянулся в улицу, где с двух сторон дороги расположились укрытые зеленью, окруженные клумбами и газонами виллы. За оградами голубели бассейны. Возле одной виллы гид дал знак шоферу, и тот придержал автобус.

— Здесь, в этом доме, построенном в китайском стиле, живет американец, женившийся на богатой филиппинке. Поскольку этот американец нажился на женщине, он не может от этого отвыкнуть и стал владельцем косметических предприятий.

На въезде в одну из улиц дорогу преградил шлагбаум, возле которого стоял полицейский. Гид наклонился к нему и что-то сказал. Полицейский поднял шлагбаум. Гид прильнул к микрофону:

— Здесь живут тоже богатые люди. Здесь своя полиция, которая обходится хозяевам этих особняков в двадцать — двадцать пять тысяч долларов в год. Проезд через эти кварталы открыт только четыре часа в сутки. Если шофер не сможет объяснить полицейскому, зачем он сюда приехал, его вообще сюда не впустят.

В данном случае наш гид не шутил. Совсем недавно, читая статью «Филиппины: оппозиционное движение усиливается», опубликованную французским журналистом Бернаром Потье в журнале «Монд дипло-

Ю. Кугач. Москва. В СЕМЬЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Н. Беляев. ЧАСОВНЯ В АБРАМЦЕВЕ.

ПРУД В ДЕРЕВНЕ ПОСЕВЬЕВО.

матик», я набрел на подтверждение того, что в прошлом году мы видели в Маниле своими глазами:

«Необходимо признать, что существует немного стран, где так ясно видна пропасть между богатыми и бедными. Если движение вначале было направлено против нуворишей — тех, которые разбогатели во время последнего президентства и чьим роскошным виллам грозил поджог,— вскоре оно коснулось всех богатых людей, живущих в «деревнях» с калифорнийскими названиями в предместье Манилы и тщательно охраняемых частными полицейскими».

...В короткие дни нашего пребывания на конгрессе мы познакомились со многими милыми, дружески к нам расположенными людьми. Каждый из них старался сделать все, чтобы мы смогли ближе познакомиться с жизнью филиппинцев. Такими были Леонидас Вальдес и его жена, молодая, красивая женщина с русским именем Мила, мать семерых детей.

Конгресс уже завершил работу. Для нас наступила пора максимального использования времени и дружеских связей, чтобы хотя немного, но познакомиться с жизнью Филиппин. Вот здесь-то на первый план и вышел Леонидас, взявший на себя на какое-то время миссию нашего гида. Одна из поездок была намечена к озеру Тагхал.

Обычно филиппинцы никуда не торопятся. Не один раз мы, принимая на веру назначенный час отъезда, минута в минуту спускались вниз из наших прохладных номеров и час и два ожидали, когда появятся наши провожатые, милые и сердечные ребята, но опаздывавшие как бог на душу положит. Так было и в этом случае. Леонидас опаздывал. Появившись с Милой, он улыбнулся и сказал:

— Наши дети нам доставляют столько хлопот!

Ну разве можно было на них сердиться?

Это был первый наш выезд за пределы Манилы.

Узкими проулками, мимо шумных и пестрых лавочек; мимо огромных предвыборных плакатов, рекламировавших кандидатов различных партий, мы выехали за пределы города, к побережью Тихого океана. Было часов десять утра. К берегу возвращались рыбачьи лодки. На песке лежали водоросли и ракушки. Рыбаки подтягивали на руках лодки. В корзинах сносили рыбу на берег. Делали все это спокойно и размеренно. На берегу стояли их жены, бегали черноглазые ребятишки. Вертелись собаки. Словом, здесь было все так же, как на других континентах и в других странах. И тем не менее было что-то другое, что заставляло нас всматриваться особенно пристально и запомнить все, что мы здесь видели. Нашим гидом оказался шофер по имени Кристобаль. Он работал в какой-то туристской компании и отлично совмещал работу у баранки с элементарными пояснениями, которые он давал каким-то странным людям, оказавшимся в его машине. Почти у самого берега мы увидели заржавленный остов подводной лодки. Она наполовину была в воде, а нос ее лежал на песке.

— Это японская лодка,— сказал Кристобаль и уже без всякого перехода указал рукой в туманную голубую даль: — А там американская военная база.

Скоро океан ушел вправо. Машина помчалась среди рисовых полей, где по колено в воде, вслед за буйволами шли крестьяне. Они готовили поле для посадки риса.

Пожалуй, впервые здесь я увидел, как растут ананасы. На земле, среди острых, как взрыв гранаты, кустов, они казались ручными бомбами.

Над ними, тихо покачиваясь под ветерком, стояли кокосовые пальмы. В придорожных канавах, заполненных водой, лежали буйволы. Они чувствовали себя спокойно, словно зная, что на Филиппинах существует закон, по которому буйволов до достижения ими двадцати лет нельзя забивать на пищу. Правда, к двадцати годам они уже становятся старыми. Тогда их откармливают каким-то злаком, буйволы словно омолаживаются, мясо, как говорят, становится приемлемым для еды, их забивают, полностью используя и мясо и шкуру.

Машины забирались все выше. Мы уже разрывали клочья теплового тумана, в котором путались солнечные лучи. Возле большого запущенного здания остановились и вышли из машины. У дороги стояли женщины с корзинами, в которых лежали гроздья бананов и земляные орехи. Возле женщин стоял небольшой автобус, на котором рядом с номером виднелся опознавательный знак «US». Американские солдаты покупали орехи и бананы.

Мы подошли к срезу высокого обрыва. Внизу сквозь туман виднелось озеро.

— Это одно из самых красивых мест возле Манилы. В хорошую погоду отсюда не хочется уезжать.

В стороне виднелась маленькая хижина.

— Посмотрите, как живут наши крестьяне. Давайте зайдем к ним,— предложил Леонидас.

Мы вошли во двор. На нас испуганно смотрели две женщины и насупившись, из-под бровей мужчина средних лет. По земле возле полотнища, на котором сушился рис, ползал полуголый ребенок. Леонидас поздоровался, но ему никто не ответил.

— Видите? — спросил Леонидас.— Они очень плохо живут.— Он посмотрел на часы.— На обратном пути мы можем заехать в католическую семинарию. Думаю, вам будет интересно.

Вскоре мы уже подъезжали к новому, весьма современному комплексу зданий, расположенных среди пологих зеленых холмов.

У подъезда стояло несколько молодых, спортивного вида юношей. Леонидас сказал:

— Это наши гости, писатели из Советского Союза.

— О! О! — раздался возглас молодых людей.

— Они захотели пить и поэтому заехали к вам.

— Идемте в столовую,— сказал один из юношей.

Мы вошли в столовую, в которой густо пахло едой. Нам поставили по стакану сока и горку бананов. Поставили стаканы и замолчали. Леонидас настойчиво продолжал свою миссию.

— Советские люди испытывают дружеские чувства к филиппинцам. Их интересует, как мы живем.

— О,— сказал самый серьезный из трех, сидевших с нами за столом.— Мы живем в борьбе. Наш епископ считает, что мы все коммунисты. Крестьяне требуют землю, а мы их поддерживаем. Некоторые из нас считают, что мы должны отдать крестьянам землю, принадлежащую нашей семинарии. У нас есть песня.

Здесь же оказалась гитара. Юноши выстроились и в манере битлзов исполнили песню крестьянской молодежи Филиппин. Затем на такой же манер спели песню «Только вчера господь говорил со мной».

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Художник Николай Яковлевич Беляев писал ранее маслом, стал акварелистом. Это случается нечасто. Акварель требует особых навыков, чистоты рисунка, исправить написанное невозможно — случилась какая-нибудь промашка, начинай все сначала.

На фронте в 1942 году под Сухиничами молодые студийцы-грековцы, только что приехавшие с переднего края, разбирали привезенные этюды. Внезапно в избу влетел неприятельский снаряд и разорвался. Один из художников был убит, один чудом уцелел, двое ранено, в их числе Николай Беляев — ему оторвало кисть правой руки. Ранение было тяжелым, но молодые силы взяли свое, и он выздоровел. Но что делать дальше? Как жить и как быть художнику без руки, без этого тончайшего инструмента, данного природой? Николай Беляев был в отчаянии, но поддержали друзья, товарищи художника, родные и близкие. Он был способным человеком, упорного и твердого характера. Он стал учиться рисовать левой рукой. Много месяцев не выходило ничего. В отчаянии он много раз решал бросить навсегда живопись, но влечение к любимому творчеству превозмогало минутную слабость. Трудно было писать маслом — перешел на акварель.

С тех пор прошло много лет, крепло искусство, утверждались навыки, и вот теперь мы видим перед собой зрелого мастера-акварелиста, чьи работы привлекают общее внимание. Его жизнь — это тоже повесть о настоящем человеке в другом варианте. Николай Яковлевич Беляев — настоящий человек с большой волей, энергией и трудолюбием.

Живет Николай Яковлевич в Загорске, в своем домике на тихой Валовой улице, где в ряд выстроились трехоконные, типично российского вида дома, окруженные дремлющими садами. Над городом возвышается нетленной красотой Троице-Сергиева лавра, вдохновлявшая стольких художников. На одной из выставок Николая Беляева посетительница Н. Базыкина, видимо, загорская жительница, написала восторженно в книге отзывов: «Сделаем Загорск столицей живописцев». Пока что Загорск, может быть, и не столица живописцев, но живет в этом городе около сорока членов Союза художников, да еще немало соревнователей, готовых стать ими. Немногие областные города могут предъявить такое количество творческих сил!

А вокруг Загорска — разливанное море лесов, лугов, пашен, море ласковой прелести подмосковной природы; краснолесье и чернолесье перемешались здесь причудливо, березы белой вышивкой прошили поляны; сонные болотца и пруды, окаймленные яркой зеленью, отражают в своих водах голубой шелк подмосковного неба с бегущими по нему крутыми облаками. Особенно хорошо Загорье осенью, когда все вокруг горит и переливается багрянцем и золотом сентябрьского увядания. Недаром эти места были по душе Михаилу Пришвину, и он любил здесь жить.

Вот и Николаю Яковлевичу полюбилась эта исконная русская красота — тихая и нежная, от которой добрые чувства возникают на сердце, а вместе с ними — щемящая любовь к родной земле. Посмотрите на акварели Н. Беляева «Пруд в деревне Посевьево» или «Часовня в Абрамцеве» — и вы явственно ощутите прилив тепла к сердцу. Художник сам во власти этого чувства, и он щедро делится им со зрителем, передавая ему свою радость и мироощущение. Я видел и другие работы этого доброго мастера. У него нежные краски, уверенная кисть, и на ватмане возникают пейзажи родной стороны, светлые и чистые, как чиста и мила окружающая его природа. Видел его среднеазиатскую серию акварелей, которые дышат горячим солнцем, блистают горячими цветами юга. Истинный художник остро воспринимает красоту в различных ее выражениях.

Люди благодарны мастеру... В книге отзывов на выставке Н. Беляева есть множество трогательных надписей. «Огромное спасибо Вам, Николай Яковлевич,— пишут учащиеся 24-й загорской школы,— за то счастье, которое Вы доставили нам своим искусством». «В Ваших работах такая молодость, что трудно поверить, что они написаны в Вашем возрасте»,— пишет посетитель Петров. Артисты МХАТа сообщили о своих добрых чувствах: «Ваши акварели — это здорово. У Вас душа истинного художника. Так держать!» Их отношение разделяет коллега Николая Яковлевича художник Николай Николаевич Жуков: «Такому художнику — земной поклон и огромное русское спасибо за сыновнюю верность и преданность родной земле и родному искусству». Студентка Книгина добавляет к этому: «Каждая картина овеяна каким-то трепетным светом, каждая дышит своей жизнью». Встретилась и такая запись: «В тенях и полутенях мы не совсем КОМПРЕНЕ, но все же здесь русский дух и Русью пахнет» — четыре неразборчивых подписи.

Выставки картин Н. Беляева неизменно возбуждают интерес посетителей, не оставляют зрителей равнодушными, сеют семена доброго, вечного, вызывают душевное волнение, ибо он талантливый мастер и искусство его на верном пути, ибо он русский душой и сердцем, и все родное ему дорого, ибо он настоящий человек, победивший свою беду, несчастье и боль, ставший выше их, и его художнический труд еще и подвиг.

Ник. КРУЖКОВ

Будущие священники пели нам песни...

— Как же вы в семинарии поете в таком стиле? — спросили мы.
Юноши улыбнулись.
— Мы будем современными священниками. Мы несколько расходимся с архиепископом Манильским Руфино Сантосом. Нам ближе Монтемайор, он сам католик, фермер, но выступает за крестьян. Он говорит, что причиной голода в нашей стране является не низкая производительность труда или отсутствие удобрений, а эксплуатация крестьян...

Уже позже я прочел слова Монтемайора: «Правильно ли в моральном отношении, чтобы какая-то семья владела сотнями гектаров земли в районе Большой Манилы, в то время как миллионы трудящихся там не имеют возможности получить приличный участок для своего дома? Если это не соответствует воле божьей, то пусть епископы и священники так и говорят, громко и ясно — в газетах, в школах, с амвона, по радио, в исповедальнях...»

— Кто у вас преподает? — спросили мы, прощаясь.
— Филиппинцы, англичане, немцы. Один немец был у вас в плену, но не сердится на русских. Зайдите в нашу библиотеку.
Библиотека в семинарии была большая. На одной из полок мы увидели несколько томов сочинений Ленина.
— Как видите, у нас довольно широкий профиль образования, — сказал старший из семинаристов.
...Нас ожидали в самом большом университете в Кесон-Сити.
В тот самый момент, когда мы сели в машину, с неба обрушился ливень. Казалось, что мы едем по дну огромного бассейна. Грохотал гром. Из туч выскакивали длинные молнии. Кристобаль напряженно всматривался вперед, чтоб не врезаться во встречную машину. Мы опоздали на полчаса. Нервничая, нас ожидал преподаватель университета, глава «Азиатского центра», созданного в этом университете, Антонио Арането. Мы вошли в большую, до предела заполненную студентами и преподавателями аудиторию. Посыпались вопросы:
— Проблема национальностей в Советском Союзе?
— Проблема национальных языков?
— Свободна ли мусульманская религия в СССР?
Первым на вопросы отвечал Рамз Бабаджан.
Вместе с Григолом Абашидзе мы наблюдали за аудиторией. Каждое слово доходило до слушателей. Рамзу продолжали задавать вопросы. Что-то собравшиеся знали, но все же очень мало. Это чувствовалось. Скоро мы заметили, как Бабаджан завладел не только вниманием аудитории, но и симпатиями.
Еще раз громыхнул над крышей оглушительный раскат грома, и в аудитории погас свет. Никто не шелохнулся. Только кто-то открыл двери и высокие окна. В полутьме Бабаджан рассказывал о жизни Узбекистана. Затем о грузинской литературе и искусстве говорил Григол Абашидзе. Посыпались вопросы о том, как укрепляется экономика в республиках Советского Союза.
Кто-то попросил Григола Абашидзе прочитать свои стихи на родном языке.
В зале зазвучала грузинская речь. Снова зажегся электрический свет.
— Расскажите о влиянии русской классической литературы на современную русскую литературу.
Этот вопрос уже относился ко мне...
...В преподавательской комнате к нам подошла молодая преподавательница.
— Меня зовут Люсия, — сказала она. — Как сейчас относятся у вас к Достоевскому?
Я ответил.
Подошла еще одна преподавательница.
— Как экономика вашей страны соотносится с литературой и искусством?
В комнату робко заглянул высокий студент. Он подошел ко мне и на ломаном русском языке сказал:
— Я читаю «Три сестры» Антона Чехова.
Все это было интересно. Можно было только сожалеть о том, что сюда, в этот центр научной мысли, мало доходит правды о жизни народов Советского Союза. Но одно было ясно: здесь был жгучий интерес к нашей жизни, желание узнать правду. На страницах буржуазной прессы льются потоки клеветы и лжи, но здесь старались ничем не оскорбить нас, советских людей. Даже задавая вопросы, старались задать их так, чтобы мы не подумали, что те, кто задает их, хотят как-то обидеть нас.
— Вы довольны встречей? — спросил нас Антонио Арането, сидя за рулем своей маленькой машины. — Это очень важно, что сегодня наши студенты и преподаватели имели возможность не просто повидать вас, но и задать все вопросы, которые их интересовали. Наше общество живет бурно. Все хотят знать правду о Советском Союзе. В самой стране у нас неспокойно. Каждый день газеты сообщают о крестьянских восстаниях. Остро стоит вопрос о земельной реформе. Американцы чувствуют себя на нашей земле, как на сковородке...
...Мы медленно пробивались через лавины машин к отелю. Был час окончания работы. Тысячи людей под дождем стояли на стоянках автобусов. Улицы были забиты. Мы то и дело попадали в заторы. Арането говорил:
— Мы все ожидаем каких-то счастливых для нашего народа перемен.
...Наши милые сопровождающие Кончита Транкед и Кармен Сантос делали все, чтобы мы могли побольше повидать. Кто-то из нас произнес: «Быть на Филиппинах и не выкупаться в Тихом океане — это было бы несправедливо». И вот уже под вечер мы снова мчимся к океану. От Манилы не так-то и далеко, километров сорок.
Солнце было уже почти на закате, когда мы оказались на пустынном, замусоренном бутылками и банками из-под пива пляже. Около берега стояли небольшие домики. Но купающихся не было. Мы кинулись в океан и остановились. Вода была теплая, как парное молоко. Берег мелкий. Надо было далеко идти, чтобы добраться до глубины.
Когда мы оказались метрах в полутораста от берега, то увидели, что к берегу подъехал военный «джип». Из машины вышли двое военных в белых тропических костюмах с пистолетами и палашами на поясах. Нас никто не звал, мы продолжали купаться. Солнце стремительно окунулось в океан. Стало быстро темнеть. Мы вышли на берег.
— Кто это был? — спросили мы Кармен.
— Американский комендантский патруль. Они ищут своих солдат. Они спросили, кто купается. Мы ответили, что это люди из Советского Союза. Американцы были невероятно удивлены. Но мы сказали, что вы наши гости... Гости филиппинцев. Им пришлось уехать.
Хлынул ливень. Кармен разложила на крытом крыльце домика сандвичи. Кончита, вообще молчаливая, как-то преобразилась и начала читать свои стихи. Подошли шоферы и разделили с нами этот короткий и необычный стол. Кармен вдруг снова вспомнила американский патруль.
— Я очень на них рассердилась, — сказала она. — Кажется, они это заметили.
Уже в полной темноте, промчавшись по ливневым потокам Манилы, мы вернулись в отель. Но в свои номера попасть нам не удалось. Хозяйка отеля праздновала день рождения и обязательно хотела видеть у себя советских гостей. Мы оказались в отеле в тот момент, когда слуги поднимали украшенные цветами носилки, на которых сидела дочь хозяина, чтобы внести ее в зал, откуда доносилась мелодичная филиппинская музыка.

ГИЛОПЕС КАБАЙО, ЕГО ДОМ И ЕГО МУЗЫКА

Наконец наступил день, когда мы всей группой должны были отправиться в гости к Гилопесу Кабайо.
Накануне вечером Кончита сказала:
— Завтра Гилопес будет играть только для вас. Его сестра говорила мне, что он очень волнуется.
Думается, что волновался не только Гилопес Кабайо. Волновались и мы. Мы даже попросили Кончиту, чтобы она нашла что-либо напечатанное о Кабайо. Она выполнила просьбу, принесла программу, из которой мы узнали, что вся семья Кабайо очень музыкальна. Марсела Кабайо, мать Гилопеса, уже в возрасте девяти лет выступала с концертными программами на рояле. Ее отец, дон Джиль Гилопес, научил всех

Скрипач Гилопес Кабайо.

своих пятерых дочерей игре на скрипке и рояле. Во время концертных турне по Филиппинам отец был у нее аккомпаниатором.

О Гилопесе в программе было сообщено, что он «...странствующий артист, которому придает дополнительное очарование еще и то, что он холост и обладает изысканными манерами. Будучи известен как виртуозный исполнитель на скрипке, он в то же время не может порвать с привязанностью к фортепиано и дирижерской палочке. Воодушевленный успешным артистическим турне по Америке, Европе и Азии, Гилопес вернулся на Филиппины, чтобы начать специальную сольную поездку по самым отдаленным районам страны, а также чтобы выступать в государственных и частных школах и приобщить филиппинцев к музыке».

В программе было немало других полезных сведений, но они уже ответвлялись в область деловой деятельности семьи Кабайо.

Утром вместе с Кончитой в отеле появился молодой журналист Айме Рамирес. Кончита представила его:

— Это вполне приличный человек и обязательно опубликует в интервью только то, что вы ответите на его вопросы. Десять лет назад он был в Москве и с тех пор дружески относится к советскому народу.

— А как же поездка к Кабайо?

— Не волнуйтесь... Вы поедете со мной... Машину поведу я сама. Занимайтесь,— сказала Кончита и вышла из кафе.

Рамирес посмотрел ей вслед.

— А вы знаете, что у этой женщины трое детей и старшую дочь она выдает замуж?

— Да что вы? Она же очень молодая.

— У нас на Филиппинах все женщины выглядят молодо... Что вы думаете о том, чтобы между нашими странами был постоянный обмен артистами, студентами, преподавателями?

— По-моему, такой обмен уже начался.

— Ваш Большой театр — это прекрасно. Раиса Стручкова покорила сердца филиппинцев... Но этого мало... Очень мало.

— Я тоже думаю, что мало... Кстати, филиппинский ансамбль, выступавший в Москве, также горячо был принят москвичами.

— Но это мало... Очень мало.

— Вот вы об этом и напишите.

— Вы сегодня будете в гостях у Кабайо? Вот кого вы обязаны пригласить в Москву. Это удивительный музыкант.

Рамирес задал еще несколько вопросов, а потом спросил:

— А почему в вашей стране не бывает конкурсов красоты?

— У нас очень много красивых девушек, трудно выбрать.

— Но ведь это тоже средство общения?

— Мы видели конкурсы красоты в Америке, Австрии, еще в некоторых странах. По-моему, это не столько средство общения, сколько средство обогащения различных фирм, производящих косметику, женское белье, купальники, обувь...

— Да, вы, пожалуй, правы. Но приятно смотреть на ваших девушек. В Москве у меня была очень красивая переводчица... И сюда с вашими актерами приезжала красивая. Я каждый день приходил в отель и издалека любовался ею.

В дверях появилась Кончита и показала на часы. Рамирес спрятал записную книжку.

— Нам тоже опротивела порнография, которой стараются разложить наших юношей и девушек, отвлечь их от политики.— Он протянул мне газету, в которой была напечатана фотография студенческой демонстрации.— Они вчера протестовали против распространения порнографии в нашей стране. Здесь много американских солдат, да еще и прилетают сюда со всяких баз развлечься... Мы их ненавидим,— сказал Рамирес, прощаясь.

Кончита села за руль. За ее машиной следовало такси с Абашидзе и Бабаджаном.

Включая мотор, Кончита спросила меня:

— У вас жизнь застрахована?

— Нет.

— Напрасно,— сказала она, улыбаясь.

Кажется, она была права. Ее несло куда-то все время против сумасшедшего уличного движения. Таксист в пестрой ковбойке время от времени грозил ей кулаком. Но Кончита только улыбалась. Вдруг она резко затормозила машину.

— Кажется, я потеряла адрес Кабайо,— сказала она весело.

Начались поиски маленького клочка бумажки, где был записан адрес.

— Да вот же он,— сказала она, снимая туфлю.— Интересно, как он туда попал?

После долгих поисков мы все же подкатили к дому с высоким забором, стоящему поблизости от какой-то фабрики, в тесном окружении маленьких лавочек и магазинов. Едва мы остановились, как подкатил разъяренный таксист.

— Тихо, тихо,— сказала Кончита, расплачиваясь с ним.

Таксист пересчитал деньги и успокоился: видимо, Кончита уплатила ему соответствующий налог за свою рассеянность. Во дворе нас встретил Гилопес Кабайо с фотоаппаратом и та самая красивая молодая женщина, которая сопровождала нас во время посещения Манильского университета.

— Это моя сестра,— сказал Гилопес.— Зовут ее Пукай.

В маленьком дворике было много цветов. Пахло острыми специями. За забором грохотала улица.

Мы прошли в дом. Он был старый, деревянный, но, видимо, вместительный. В центре большой комнаты стоял черный рояль. На нем лежала скрипка. У дверей стояла седая маленькая женщина.

— А это моя мама. Она до сих пор иногда мне аккомпанирует, несмотря на свои семьдесят три года... Сейчас, к сожалению, не может: недавно поскользнулась на свеженатертом полу, ушиблась... Теперь ей трудно сидеть... Но сегодня мне будет помогать Хорозан.— Гилопес протянул руку в сторону скромно стоявшей в стороне девушки.— Она еще учится... Однажды я услышал ее игру на одном из самодеятельных концертов... Она очень способная девушка, и ее главная мечта — поехать в Советский Союз учиться. Правду я говорю, Хорозан?

— Правду,— ответила смущенно девушка.

— Присаживайтесь,— сказал Гилопес.— Наша семья счастлива, что в доме у нас советские люди.

Откровенно говоря, нам хотелось не только послушать музыку Кабайо, но и поговорить с ним.

Я попросил Кабайо:

— Расскажите, Гилопес, о себе... О филиппинской музыке. Вы играли Глиэра... Наверно, вы знаете и других советских композиторов?

— О, конечно, знаю... Я всем обязан своему отцу и своему деду. Оба они были хирургами, но оба были музыкантами. Музыка и хирургия были их страстью. Эта страсть передалась и нам, трем моим сестрам и мне... Только уже без хирургии. Я учился здесь, в Маниле. Потом был в Америке... Там играл в симфоническом оркестре Карнеги-холла в Нью-Йорке... Это была очень хорошая школа... Мог бы, конечно, остаться и дальше там, но... Но испортил себе карьеру... Так по крайней мере говорили мои американские коллеги... Но я не мог ничего поделать с собой. Не мог жить без Филиппин... Сердце мое было здесь... Я ничего не мог с собой поделать и вернулся на родину. Конечно, здесь трудно. Я не модный музыкант... Люблю классику... И филиппинские песни... Филиппинскую мелодику, она меня захватывает всего. Конечно, я мог бы играть и современную музыку, но как-то не чувствую в ней души... Предпочитаю обработку филиппинских песен... Это не приносит заработка... У меня мало концертов... Нет импресарио... У нас, правда, есть два импресарио... Но они привозят артистов из Америки и Европы сюда, а отсюда туда не везут... Признаюсь, я бы очень хотел побывать в Советском Союзе и выступить там с концертами... Но пока у нас мало связей... А здесь так не просто устраивать свои концерты!.. Иногда я выступаю на площадях, где вначале идут петушиные бои, а затем я выступаю... Но я доволен: меня в этих случаях слушают сотни, а иногда и тысячи людей. Стараюсь как можно больше выступать в школах... Считаю необходимым нести классическую и народную музыку молодежи... Я не переношу какофонию... И все то, что называется современной музыкой.— Здесь Гилопес остановился.— Впрочем, я говорю не точно. Я люблю вашу музыку... В Париже я слушал игру Давида Ойстраха. Это прекрасный музыкант. Однажды из Новой Зеландии пришло предложение сыграть Концерт для скрипки Шостаковича. Я согласился, а потом испугался. Оставалось всего полтора месяца. Я работал, как чернорабочий, но все же успел... За двадцать один день у меня было тридцать концертов. Там я записал этот концерт... Я прошу передать Шостаковичу эту запись... Я играл Хачатуряна, играл Кабалевского... Так что, видите, есть современная музыка, которую я люблю... Но я слышал: у вас есть и другие композиторы... У вас отличная народная музыка... Мне очень хочется ее узнать, я бы переложил ее на скрипку...

С улицы доносился рев автомашин и треск мотоциклов. В комнате стоял все тот же острый запах специй.

— Я вас, наверно, утомил? — спросил Гилопес.— Вы сами виноваты. Но я не только занимаюсь музыкой... Занимаюсь медициной, правда, не совсем так, как занимался мой отец. У меня много забот в этой области. У наших больниц не хватает инструментов. На мой заработок, да еще и друзья помогли, я однажды привез из Америки три ящика хирургических инструментов для нашей государственной больницы... У нашей семьи есть хорошие знакомые, две девушки, они работают в этой больнице... Сейчас я занят приобретением оборудования для послеоперационных палат... Я был недавно в Сан-Франциско... На гонорар купил кислородные аппараты... Это все для больницы.

Мы видели, что Гилопес устал от долгой беседы. Его сестра Пукай нетерпеливо посматривала на брата, сдерживая маленькую дочь. Гилопес уловил ее взгляд.

— Мне поможет Тамси,— сказал он, и Пукай заулыбалась.— Она у нас очень музыкальная девочка.

Пукай что-то сказала дочери, и семилетняя Тамси вышла на середину комнаты.

Зазвучали стихи Бернса. Потом Тамси танцевала и пела народные песни. Мама была довольна.

— Ну что же вам сыграть? — спросил Гилопес и сам ответил: — «Крейцерову сонату».

Хорозан села к роялю. Смутные, волнующие звуки поплыли в комнате. Я посмотрел на Кончиту. Она сидела серьезная, далеко ушедшая в свои думы. С улицы все так же доносился рев машин. Над крышей соседнего дома сталось багрово-серое небо. Казалось, Гилопес не видел никого из сидящих. Скрипка затихла. Гилопес, застенчиво улыбаясь, на мгновение остановился, затем что-то шепнул Хорозан, и в комнате снова полились звуки вальса Глиэра.

— Я знал, что вы попросите меня сыграть и это, и предупредил вашу просьбу,— проговорил Гилопес, осторожно кладя скрипку на рояль.

Во дворе послышались голоса. В комнату вошли еще люди.

— Это моя сестра Нита, ее муж и как раз те две девушки, для которых я добываю медицинское оборудование,— сказал Гилопес.

На столе появились маленькие початки кукурузы. Служанка внесла чай и печенье...

Через несколько дней Гилопес Кабайо привез нам в отель маленький пакет.

— Это запись концерта Шостаковича, которую я сделал в Новой Зеландии... Я буду счастлив, если вы передадите ее моему любимому композитору,— сказал он.

На коробке, в которую была вложена пленка, было написано рукой Гилопеса Кабайо:

«Великому русскому композитору — Дмитрию Шостаковичу с выражением моего самого большого уважения и восхищения.

Пускай этот символический ролик (первое представление в Новой Зеландии) явится достойным Вашего великого произведения, которое я нашел весьма воодушевляющим для исполнения в Новой Зеландии в сопровождении Манильского симфонического оркестра.

С выражением самых теплых чувств

Гилопес Кабайо».

НАШ ЛЮБИМЫЙ ФАДЕЕВ

В. ПЕРЦОВ

Не так давно вышла в третьем, дополненном и переработанном издании книга В. Озерова, посвященная автору «Молодой гвардии». Она исследует творческий путь Фадеева от первых его литературных опытов до последнего романа, только им начатого. Эта книга — серьезная научная работа, но она имеет все основания привлечь интерес к себе более широкого круга читателей. В аннотации к книге, изданной «Советским писателем», указывается, что автор расширил свою работу, в частности на основе новых документальных материалов о Фадееве, исследований, посвященных ему, а также сборников воспоминаний о писателе и его писем. «Ставшие известными факты дали автору возможность глубже раскрыть гражданский, творческий, человеческий облик А. А. Фадеева». Судьба писателя предстает здесь в неразрывном единстве его творческих исканий с личной судьбой юного партизана-дальневосточника, известного там под кличкой «Булыга», Фадеева — революционера, коммуниста.

Участник X съезда партии, слушавший Ленина, Фадеев вместе с делегатами съезда с оружием в руках отстаивал на кронштадтском льду дело пролетарской революции. Потом — практический работник партии, газетчик, агитатор. Без этого всего не мог бы сказать свое слово в литературе Фадеев-художник, как и многие другие зачинатели советской литературы с очень схожей «предысторией» — биографией. В. Озеров знакомит нас с ее важнейшими вехами, делает для нас ощутимым переход партийного опыта Фадеева в проблематику его художественных произведений, показывает внутреннюю необходимость этого перехода. Роман «Разгром» был одним из первых опытов создания образа революционного руководителя в его связях с массой, представленной не собирательно, а в неповторимых, самобытных характерах. Книга В. Озерова помогает понять, каким новым и смелым шагом была эта задача в то время, когда еще были очень сильны в литературной среде предрассудки нигилизма пролеткультовцев, отрицавших значение классического наследия. Фадеев и доказал в «Разгроме», что свою задачу революционный художник решает не на пустом месте, не в самонадеянном противопоставлении себя великим предшественникам, а лишь принимая эстафету культуры, продолжая и обогащая развитием лучшие традиции прошлого.

«Разгром» был первой, что подчеркнуто самим названием, первой оптимистической трагедией в советской литературе, проложившей путь «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. В. Озеров справедливо отмечает «оптимистическое звучание» романа Фадеева, но с одним утверждением автора книги я хотел бы поспорить. Тем более что оно расходится со всем смыслом его анализа «Разгрома», который сделан очень обстоятельно — от отдельных приемов характеристики персонажей вплоть до отдельных деталей и изобразительных средств. «Роман Фадеева,— пишет В. Озеров,— несмотря на трагический финал, мобилизует читателей на борьбу, заставляет поверить в победу тех идеалов, во имя которых бьются партизаны». Но ведь именно «смотря на...». Если бы не было этих страданий и мук, трагических ошибок, возросшего опыта, то есть всего процесса обогащения личности каждого из героев Фадеева — от командира отряда Левинсона до таких полюбившихся читателю образов «простых людей», как партизаны Метелица и Морозко, то не было бы и тех гарантий победы, которые делают это бесстрашное повествование о частном поражении источником силы.

В недавнем большом споре о мастерски написанной повести «Белый пароход» Чингиза Айтматова вспомнили о традициях «Разгрома». И сделал это сам автор в своем «заключительном слове» к дискуссии, сославшись на «Разгром», как на «классический пример» для него. Но ведь «Белый пароход» — произведение совсем иного плана. Если «Разгром» — оптимистическая трагедия, то «Белый пароход» я мог бы характеризовать как бытовую трагедию с пронзительными романтическими арабесками. Мужество и потрясенность — так в двух словах можно определить разный смысл их трагических финалов. В своей книге В. Озеров истолковал трагический финал «Разгрома» очень убедительно: как победу философии беззаветной борьбы, воплощенной в живых образах людей со всеми их человеческими противоречиями.

В романе «Последний из удэге» мы вновь встречаемся с любимым героем Фадеева — человеком партии, решающей фигурой XX века в историческом переходе от капитализма к социализму, к коммунизму. В. Озеров с увлечением выделяет в этом романе о гражданской войне, оставшемся незавершенным, такие художественные удачи, как замечательные образы большевиков — Алеши Маленького и Петра Суркова или рабочего «Пташки», революционерки Марии Цой. Я полностью присоединяюсь к очень высокой оценке, которую дает автор книги о Фадееве многим страницам «Последнего из удэге». И более того, считаю образы большевиков, например, в конфликте двух резко очерченных человеческих характеров между Алешей и Петром, более зримыми, объемно реалистичными, чем герои «Разгрома». Дополнения из архива писателя, относящиеся к этим героям, не вошедшие в опубликованный текст, с которыми знакомит нас В. Озеров, необыкновенно выразительны.

Автор книги уделяет большое внимание вопросу о том, какое значение имели для Фадеева Горький и Толстой. Ему не требуется больших усилий, чтобы показать противоположность взгляда Фадеева — марксиста, художника социалистического реализма — на человека и общество взглядам Толстого. Но огромный арсенал поэтических средств Толстого для изображения внутреннего мира человека Фадеев свободно и уверенно берет у него и применяет их по-своему для изображения людей нашей эпохи, с иным — во многом — внутренним миром, который возник в человеческих душах вместе с Октябрьской революцией и порожден ею. Очень хорошо, что автор книги вплотную подвел нас к вопросу о том, как новое содержание воплощается в продолжении художественной традиции и, оказывается, изменяет ее. Дальнейшим шагом исследователя было бы показать, в чем Фадеев, идя от Толстого, ушел от него и в области формы. Здесь важны и «микроизменения», которые в своей совокупности, в развитии дают новую интонацию, индивидуальный голос современного художника.

Я не могу охватить всех вопросов, затронутых В. Озеровым в его содержательной книге, но лишь обращаю внимание читателя на то, что имеет значение историко-литературное и теоретическое.

При выходе в свет «Молодой гвардии» всех захватили образы юных героев, написанные Фадеевым с огромной любовью и проникновением в душевный мир этих совсем еще мальчиков и девочек, не знавших условий собственнического общественного строя, «питомцев ленинской победы». В работе над этим романом Фадеев, сложившийся писатель со своими вкусами и приемами, эстетическими убеждениями и предубеждениями, пережил большой внутренний перелом. И, может быть, главное предубеждение было у него против того, что «романтизмом мы зовем». Мне довелось встречаться с Александром Александровичем в период его работы над «Молодой гвардией» не один раз. Он был охвачен не просто счастливым, исключающим все остальное на свете волнением художника, когда ему «пишется», но и обуреваем огромной тревогой, потому что в зрелом возрасте выходил на какой-то другой путь в творчестве. «Молодая гвардия» создавалась почти синхронно великим историческим событиям, без дистанции времени.

Когда появилась «Молодая гвардия», Александр Довженко, замечательный художник-романтик, с которым Фадеева связывали и большая дружба и большие творческие разногласия, радовался, что Фадеев изменился в его сторону. Довженко хотел видеть в этом и свое влияние. А. Довженко рассказывал мне, что как раз в период работы Фадеева над «Молодой гвардией» он читал Фадееву много своих прозаических набросков, Фадеев восхищался свободным довженковским лиризмом. В поисках новых изобразительных средств Фадеев восходил и к такому романтическому шедевру русской литературы, как гоголевский «Тарас Бульба». Вполне возможно, что в этих новых чертах стиля Фадеева претворилось и современное литературное явление — вдохновенная романтическая проза Довженко.

В. Озеров уделяет много места в своей книге вопросу о соотношении между реализмом и романтизмом в советской литературе, поскольку Фадеев, включая в свой арсенал художника и романтические средства изображения, оставался строгим реалистом и больше всего ценил верность правде истории. Как известно, роман «Молодая гвардия» имел две редакции. При всей выразительности картины подвига комсомольцев Краснодона в романе Фадеева в этой картине недостаточно ярко была изображена деятельность организаторов партизанского движения, оставленных партией в этом районе. Это противоречило смыслу исторических фактов. Роман, как известно, подвергся критике. Фадеев принял ее достойно, пережив глубоко свой просчет. И продолжил работу над романом по «категорическому императиву» совести. Изменений было немного, но появилось в романе новое качество: действенные образы людей партии. Такая, например, фигура, как Филипп Петрович Лютиков, старый мастер цеха, пошедший работать к немцам по заданию партии, был совсем незаметен в первой редакции романа. Фадеев развернул его во второй редакции, создав обаятельный образ старого подпольщика, воспитателя юных душ. Сцены, где он появляется, в особенности встречи с Володей Осьмухиным, относятся к лучшим страницам романа. В новой редакции Фадеев поднялся выше как художник, верный исторической правде. Автор книги о Фадееве дает нам возможность понять и представить себе, как была выстрадана писателем эта победа. История споров вокруг двух редакций романа освещена В. Озеровым с такой принципиальностью и остротою, которые и нужны для того, чтобы прийти к правильному пониманию этого одного из классических в истории советской литературы примеров взаимоотношений художника и общества, выполнения долга и проявления свободы художника в партийном понимании.

В заключительных главах книги В. Озеров стремится разобраться в трудной творческой истории рома-

---

В. Озеров. Александр Фадеев. Творческий путь. Издательство «Советский писатель», 1970.

на «Черная металлургия» — последнего произведения, над которым начал работать Фадеев. Внимательное изучение черновиков, заготовок и высказываний писателя в его письмах к друзьям и, в частности, к автору книги дает ему возможность наметить контуры обширного и смелого замысла романа о рабочем классе, лебединой песни художника-коммуниста, которая так трагически оборвалась. Фадеев с огромной радостью встречал каждый успех рабочего класса в грандиозном строительстве новых пятилеток. Недаром при воспоминании об этом вырвалось у поэта: «Ах, как горька и неправа твоя седая, молодая, крутой посадки голова...»

В оформлении книги Озерова есть один момент, который хочется отметить: читатель находит в ней своего рода альбом фото, видит живое лицо Фадеева в разные периоды жизни. Среди своих сверстников во Владивостокском коммерческом училище и Московской горной академии, вместе с рабкорами в Ростове-на-Дону, рядом с Маяковским, Ставским и Сурковым на выставке В. В. Маяковского «20 лет работы»; с матерью, с семьей и товарищами по литературному делу. Смотришь на некоторые из этих снимков, видишь улыбку, слышишь заразительно-высокий смех Саши Фадеева. И вот еще один его образ на фото: великолепный Фадеев — властный, уверенный в правоте своего дела, трибун, представлявший нашу Родину на сессии Всемирного Совета Мира.

Эти фото — хорошее дополнение к монографии В. Озерова, со страниц которой возникает и человеческий облик А. А. Фадеева.

Сильные страницы исследования В. Озерова документируют процесс творческой работы Фадеева, его громадный, самозабвенный труд в изучении неведомого ему материала производства для романа «Черная металлургия», в борьбе с этим материалом, силу и хрупкость художника в этой борьбе, его тоску о том, чтобы «дорваться» до письменного стола, чему «мешала» огромная общественная деятельность, без которой он не мог жить.

Фадеев был признанным вожаком советской литературы и государственным деятелем, который представлял ее на самых значительных общественных форумах у нас в стране и за рубежом. «Ума палата» — это выражение как будто создано русским народом для Фадеева и для таких, как он. В дискуссиях по вопросам эстетики Фадеев развертывал свой масштаб. Теоретик и критик со смелыми, опережающими практику литературы обобщениями, с хозяйственной широтой партийного подхода к творимой литературе и к каждому художнику в отдельности. Так характеризует автор книги эту часть работы Фадеева. Следует сказать при этом, что автор книги не спрямляет противоречий Фадеева и со всей объективностью говорит о том, что ему не всегда удавалось избежать односторонности в оценке литературных произведений и прямых ошибок, но Фадеев был честен с собой, стремясь их исправить, пересматривая свои высказывания. Скольким своим собратьям по перу он приходил на помощь подробнейшим разбором их рукописей!

И этот теоретический вклад Фадеева в советскую литературу был воодушевлен тем, чтобы ярче, чище, выразительнее встал с ее страниц образ человека партии и ее великих свершений.

Книга В. Озерова — очень ценная и наиболее полная по охвату материала критическая монография, посвященная Фадееву, итог многолетнего изучения его творчества, начатого автором, насколько мне известно, еще при жизни писателя.

М. ХРОМЧЕНКО,
специальный корреспондент «Огонька»

Санитарный врач идет по городу

В своей повседневности мы, как правило, не сталкиваемся с санитарным врачом. И потому мало что знаем о его деятельности. А в такую пору, как нынешняя, труд их особенно ощущает каждый: в Астрахани, Одессе, Керчи зафиксированы случаи заболевания холерой — надо предотвратить ее распространение.

...Калинин, улица Красина, дом 38/36, молочный комбинат. Нас четверо: главный санитарный врач города Н. Г. Фортунатова, заведующие санитарным отделом Н. Г. Марасева, отделением гигиены питания Н. Н. Головина и корреспондент «Огонька». Фортунатову здесь уже знают. И разговор ее с главным технологом комбината Ф. С. Бычковой — это разговор давно знакомых людей.

— Как дела?— спрашивает Фортунатова.

— Пока все в порядке,— отвечает Бычкова.

Смысл этого «пока» стал понятен позднее.

Молоко и молочные продукты порой оказываются благоприятной средой для развития инфекции. Поэтому врачи особо внимательно следят за санитарным режимом этого производства. Так всегда. А тем более ныне. С 21 до 24 часов здесь ежедневно моют и хлорируют стены и пол, разбирают и моют молокопроводы, фляги для перевозки молока обрабатывают горячим паром, транспорт хлорируют. Перед началом работы все, в том числе и администрация, моют руки теплой водой с мылом, а затем раствором хлорной извести или хлорамином. Это хорошо.

Но вот беда, тревожащая санитарную службу: теснота в цехах. Уже сейчас комбинат выпускает продукции в пять раз больше, чем предусматривалось проектом. Ведь в такой тесноте уследить за строжайшим санитарным режимом трудно, и любой недосмотр может повлечь за собой неприятные последствия. А сегодня режим требуется строжайший. Санэпидстанция неоднократно обращалась в министерство с требованием построить в Калинине новый молочный комбинат. И вот последний ответ заместителя министра мясной и молочной промышленности РСФСР М. Аносова: «Вопрос о проектировании гормолокозавода в г. Калинине будет рассмотрен при составлении плана изыскательных и проектных работ на 1971 г.».

...С улицы Красина — на улицу Коминтерна. Там расположен Калининский мясокомбинат. Мясо, мясные полуфабрикаты и колбасы не менее благоприятная среда для возможного развития инфекции. Визитная карточка комбината — большой плакат: «Предприятие высокой культуры». Это ощущается на каждом шагу. В цехах чистота. Рядом со зданиями — цветники, молодой яблоневый сад. В эти дни здесь особо строгий санитарный порядок. На рабочих местах — кружки с дезинфекционными растворами. Каждому рабочему выдано индивидуальное полотенце, смоченное этим же раствором. Полотенца регулярно меняются. Требования санитарной службы тут выполняют без промедления. А требования эти ныне весьма суровы. В недавнем прошлом серьезные нарекания врачей вызывали сырость и плесень в студневарочном цехе. Одно предупреждение, второе — и, наконец, санэпидстанция закрыла цех. На комбинате встревожились. Полумерами делу не поможешь. И приняли меры более решительные. После ремонта сменили и оборудование: поставили герметические котлы для варки студня, механизировали производственные процессы, для доставки его в столовые и магазины приобрели транспорт, оборудованный холодильными установками. Цех с согласия врачей снова открыли.

«Проверка всех пищевых документов производится ТОЛЬКО при наличии документа, удостоверяющего личность (кроме ветеринарных документов)».

Это объявление вывешено на Калининском колхозном рынке. Продиктовано оно врачами: инфекцию могут занести из эпидемиологически неблагополучных районов.

Сейчас у Н. Г. Фортунатовой уже нет претензий к рынку.

— А ведь не сразу там взялись за ум,— рассказывает Нина Георгиевна.— Был у нас неприятный разговор с Зайцевым, директором. Неприятный разговор, но короткий. Составили акт. За что? Не были тут оборудованы площадки для дезинфекции бахчевых культур, задержали санитарную обработку инвентаря, торговых павильонов, несвоевременно мусор убирали... В общем, претензий было много.

— Как же реагировал Зайцев?

— Сразу понял: врачи могут и закрыть рынок. И на следующий же день порядок навел.

Да, в городе Калинине в эти дни веления санитарного врача воспринимают, как приказ на фронте. Мы имели возможность убедиться в этом, побывав в нескольких столовых, кафе, в ресторане «Лазурь».

...И вот еще один адрес: улица Вокжанова, дом 1. Новый продовольственный магазин самообслуживания «Дружба». Просторный, светлый, с вместительными торговыми залами и подвальными хранилищами, с грузовыми подъемниками и холодильными установками. Уже на улице, у входа в магазин, внимание привлекает необычная для города картина: молодая продавщица в грязном халате торговала весьма неприглядными помидорами и виноградом. И над ящиками и под стеклянным колпаком рой мух.

— Где же полотенце, смоченное в дезрастворе? — спрашивает Фортунатова.

— А что это за штука? Мне никто не сказал, что я должна иметь такое полотенце.

В кабинете заведующего магазином И. И. Тропкина под вешалкой, где верхнее платье висело рядом с белыми халатами, стоял полупустой ящик с водкой. На подоконнике и на столе лежали помидоры, огурцы, кочан капусты. Тут же состоялся нелицеприятный разговор гостей с хозяином кабинета. Сначала Тропкин решил сам пойти в контратаку и притом довольно грубо:

— Не придирайтесь! Это легче всего — искать стрелочника. Ну, что же, не успел сделать...

Но выясняется, что завмаг не успел сделать самое элементарное, то, что врачи называют азбукой санитарной службы. В разделочной — засаленные столы, на лотках рядом с готовой к употреблению селедкой лежала грязная свекла с приставшими к ней комьями земли. В углу стояла наполовину пустая фляга со сметаной, неизвестно кем и когда открытая.

Когда путешествие врачей по владениям Тропкина уже близилось к концу, завмаг сник, и тон его ответов стал извинительным и даже просящим. Но врачей он так и не разжалобил. Фортунатова закрыла магазин на санитарный день и отстранила Тропкина от работы впредь до прохождения курсов по санитарному минимуму. А экзамены у заведующего она будет принимать сама.

* * *

...Санитарные врачи идут по городу. День за днем контроль за условиями труда, быта, питания и отдыха населения, день за днем анализы воды, день за днем контроль за очисткой территории, день за днем обследования, наблюдения, уговоры, акты, штрафы. Люди этой службы несут сегодня очень важную вахту там, где идет суровая битва с опасной инфекцией, где требуется высочайшая бдительность врачей.

И они хорошо понимают меру своей ответственности, врачи города Калинина. Вот пришла телеграмма от коллег из столицы: в город проездом через Москву возвращается гражданка П-ва, отдыхавшая под Астраханью. И тотчас же калининские медики берут под свое наблюдение женщину, находившуюся в районе, где зафиксированы случаи заболевания холерой. «Въезд» опасной инфекции должен быть перекрыт санитарной службой.

●

АВТОРУ «БАРАБАНЩИЦЫ» — 50 ЛЕТ

Когда мы говорим о том или ином известном драматурге: «Автор «Любови Яровой», «Автор «Тани», «Автор «Платона Кречета»,— сразу становится понятно, о ком идет речь.

Об Афанасии Салынском можно сказать: «Автор «Барабанщицы».

Написанная 12 лет назад, «Барабанщица» являет собою не только важный этап в творчестве Салынского, это одна из крупных удач советской драматургии.

Тема мужества, героизма советского человека, так интересно раскрытая в этой пьесе, привлекла и до сих пор привлекает многие театральные коллективы, как профессиональные, так и народные. Роль Нилы Снижко стала дорогим подарком для наших актрис: здесь они получили возможность проявить лучшие качества своего дарования. Надо добавить, что пьеса «Барабанщица» получила второе рождение и в музыке — в опере А. Николаева «Ценою жизни», с успехом поставленной Московским музыкальным театром имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

В своих первых пьесах «Опасный спутник», «Забытый друг» драматург, воплощая идеи и характеры большого общественного значения, рассматривает жизнь в явлениях, наиболее четко выражающих суть времени. Эти произведения были подготовлены в какой-то степени журналистским опытом драматурга. В течение нескольких лет Салынский работал собственным корреспондентом «Огонька» по Уралу. Широким признанием пользовались и

фильмы, поставленные по сценариям Салынского,— «Хлеб и розы», «Взорванный ад».

К своему 50-летнему юбилею Афанасий Салынский пришел с новой драмой «Мария», вошедшей в репертуар десятков театров нашей страны. Интересно, что на многих сценах заглавную роль исполняют актрисы, в свое время игравшие «Барабанщицу». И это не случайно. Между Нилой Снижко и Марией Одинцовой существует крепкая духовная связь. Героиня новой пьесы, секретарь райкома в Сибири, так же, как и ее фронтовая предшественница, способна на подвиг. Для нее также нет ничего выше интересов народа, партии, Отчизны. Вот она воочию, живая преемственность поколений!

Пожелаем нашему автору во втором пятидесятилетии настойчиво идти на покорение еще более высоких творческих вершин, быть всегда на передовой линии борьбы за искусство, пронизанное гуманистическими, революционными идеями, как это и подобает настоящему советскому художнику, ответственному за каждое свое слово.

Н. ГРОМОВ

Может, я ошибусь, говоря, что сейчас очень многие любят что-нибудь помастерить, сделать для дома книжную полку или собрать приемник на транзисторах, но я и мои товарищи с охотой занимаем этим свое свободное время. А вот материалы и детали для таких поделок купить почти негде. Почему?

Л. ЯКИМЮК, Новосибирск.

Ответить на этот вопрос читателя мы попросили заместителя министра торговли.

У прилавков этого отдела в универмаге «Детский мир» всегда оживленно. Главные покупатели здесь — любители помастерить.

Фото Б. Кузьмина.

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

С. САРУХАНОВ,
заместитель министра торговли РСФСР

ОТ МАКЕТА ДО РАДИОПРИЕМНИКА

В московском магазине «Детский мир», в отделе, торгующем всякой всячиной для любителей помастерить, всегда много покупателей. Рейки, куски коленкора и пластмассы, прочие отходы производства — очень ходовой товар. В этом магазине ежегодно продается таких товаров на сумму в несколько миллионов рублей.

Это не случайно. Напомню слова А. М. Горького: «Игра — путь детей к познанию мира, в котором они живут и который призваны изменить». Кто из нас в детстве не старался заглянуть внутрь будильника? Кому не хотелось узнать, что там, внутри заводного автомобильчика? Стремление к познанию техники у ребят проявляется рано, и технические игры не только поддерживают это стремление, но и способствуют развитию сообразительности, приучают ребенка пользоваться различными инструментами и материалами, прививают детям первые трудовые навыки.

В московском «Детском мире» ежегодно устраивают конкурсы на лучшую самоделку из материалов и деталей, приобретенных в универмаге. С каждым годом увеличивается число участников таких конкурсов. В нынешнем году конкурс привлек более 300 школьников Москвы и Московской области. На суд строгого жюри были представлены очень интересные вещи: макет Останкинской телебашни, действующая модель космодрома, крохотные автомобили с дистанционным управлением, поделки из цветного оргстекла. В последний день работы выставки в универмаге была проведена конференция покупателей с участием представителей промышленности, и выяснилось, что отделы, которые мы называем «Умелые руки», обслуживают и вполне взрослых покупателей, тех, кто любит после работы постоять у домашнего верстака, что-то смастерить. Для многих это лучший отдых.

Казалось бы, особых проблем тут быть не должно, крупных дополнительных ассигнований не требуется. Речь идет о производственных отходах предприятий, причем о тех отходах, которые для заводов и фабрик оборачиваются доходами. Ликинский автобусный завод Министерства автомобильной промышленности ежегодно дает торговле отходы металла и оргстекла на сумму 30—40 тысяч рублей. Московский мебельно-сборочный комбинат № 1 привозит в магазины деревянные обрезки — всего на сумму около 40 тысяч рублей в год. Такие изделия стали товарами очень широкого спроса.

Ряд предприятий наладил постоянную и деловую связь с торговлей. Ленинградский «Юный техник» имеет договоры на поставку материалов и некондиционных изделий почти со ста предприятиями — и не только ленинградскими. Поэтому в магазине есть отделы по продаже радиотоваров, отдел самоделок. В Муроме, Владимирской области, работает небольшой, но популярный магазин «Умелые руки». Он заключил договоры с четырьмя предприятиями города, получает товары и из областного центра.

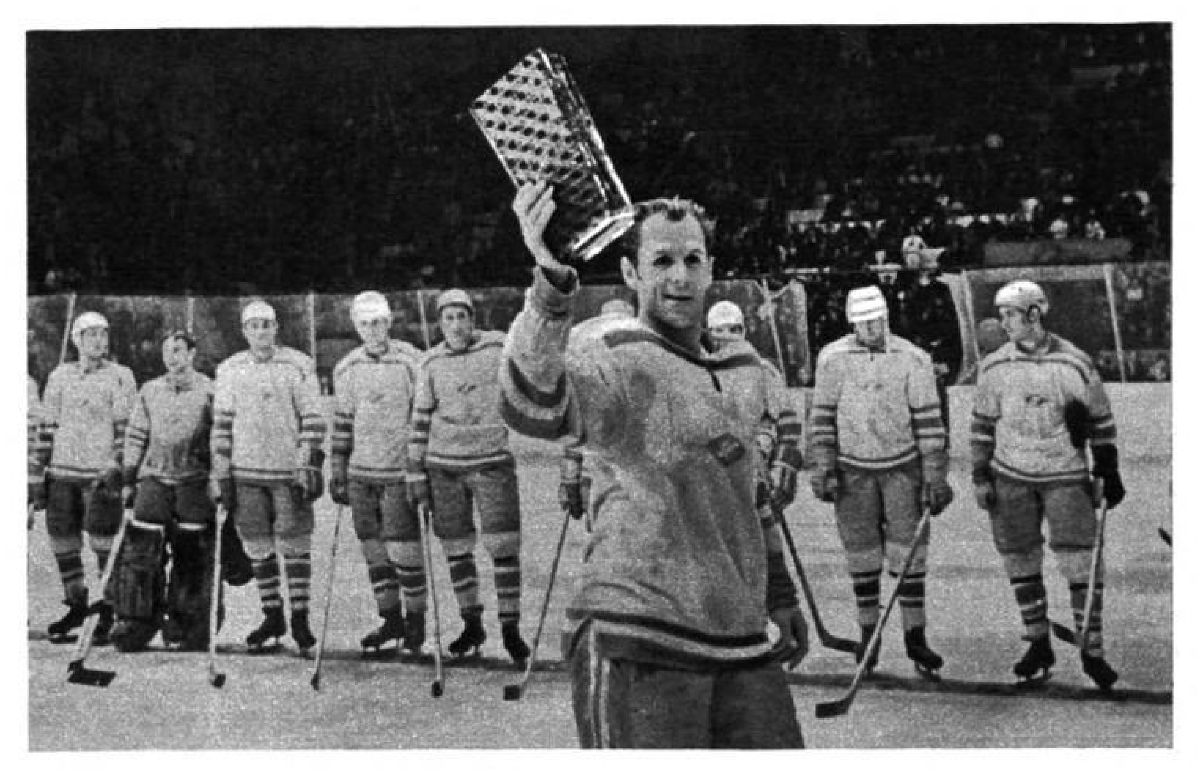
Сейчас в Российской Федерации открыто 22 специализированных магазина, 138 отделов и секций по продаже таких товаров. В этих отделах находят для себя необходимое и дети и взрослые. В нынешнем году открыто и открывается еще 22 магазина и 38 отделов. Но пусть не завораживают вас цифры — это мало, очень мало! «Так открывайте, кто мешает?» — спросят меня. Мешает отсутствие товаров. Так что проблема существует, и проблема прямо-таки нелепая: надо уговаривать предприятия, чтобы они получили дополнительные доходы. Доходы от отходов...

Впрочем, даже уговаривать не надо — есть решение, которым предусматривается поставка в торговлю некондиционных, для предприятия бросовых материалов, а также сделанных на специально организованных производствах деталей, полуфабрикатов, приборов, аппаратов, то есть всего того, что могут использовать умелые руки. Однако многие предприятия неохотно, в мизерных количествах поставляют такие товары.

И совсем уж нелепая получается ситуация, когда заводы и фабрики не реализуют через торговую сеть имеющиеся промышленные отходы и излишки материальных ценностей. Предприятиям радиотехнической и электронной промышленности разрешено отпускать торговым организациям некондиционные детали, узлы, радиолампы и полупроводниковые приборы по ценам, сниженным в соответствии с процентом годности всех этих изделий. Но предприятия часто не выполняют даже договоров. За примерами далеко ходить не надо. Фирме «Детский мир» в нынешнем году отказали в поставке отходов производства несколько — девятый, одиннадцатый и семнадцатый — московских деревообделочных комбинатов. Вот и не попали на прилавки магазинов древесностружечные и древесноволокнистые плиты, клееная и строганая фанера. Ходит покупатель, ищет, а все это добро давно сгорело в топках котельных.

Мебельные фабрики №№ 6, 7 и 13, фабрика «Лира», наконец, вывезли в отвалы вполне пригодные для любителей постолярничать плиты, фанеру, хвойные и буковые рейки. Я не оговорился — именно в отвалы, на свалку. Московский завод «Изолит» отказался поставить гетинакс. Тушинский машиностроительный завод, заводы «Вперед» и «Салют» тоже «забыли» о торговле и отправили во Вторсырье и на свалку отходы металла, оргстекла, фанеры. Может, невыгодно передавать все это торговле? Нет. Завод автокузовов Министерства автомобильной промышленности СССР ежемесячно сдает Главвторсырью отходы — пять тонн дюралюминиевого листа — по цене 198 рублей за тонну. Если бы завод хотя бы одну тонну передавал торговле, то он получал бы ежемесячно не тысячу рублей, как сейчас, а в полтора раза больше.

Короче говоря, есть все возможности удовлетворить покупательский спрос на подобные товары. В выигрыше будут все: и взрослые, и дети, и предприятия, которые получат дополнительные доходы.

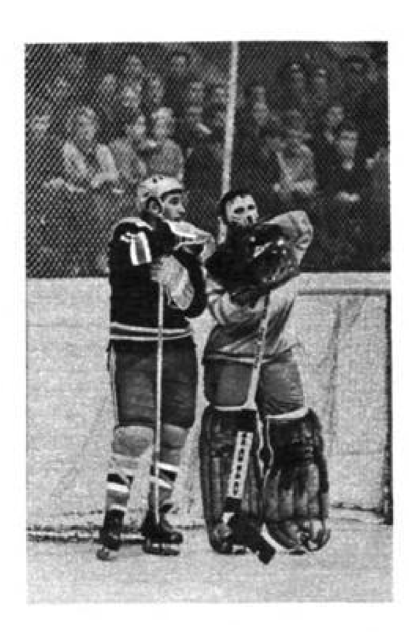

Капитан спартаковцев Вячеслав Старшинов с призом газеты «Советский спорт».

Фото А. Бочинина.

Трудно приходилось молодому армейскому вратарю Владиславу Третьяку.

Когда наш фотокорреспондент фиксировал на пленке дружное соседство в перерыве матча двух непримиримых соперников — нападающего ЦСКА Анатолия Фирсова и вратаря «Спартака» Виктора Зингера, спортивный комментатор Ян Спарре, ведущий передачу, обратил внимание на эту красноречивую сцену и сказал: «Быть может, мы увидим снимок Бочинина на страницах «Огонька»...» Вот этот снимок.

ВОТ ОН, ХОККЕЙ!

Наблюдая за финальным матчем ЦСКА — «Спартак» на приз газеты «Советский спорт», невозможно было отделаться от ощущения, что весь ход этого темпераментного поединка был заранее кем-то продуман и лишь блестяще осуществлен хоккеистами. И называться такой сценарий мог бы так: «Вот он, хоккей!», или «Все хоккейные грани», или еще как-нибудь в этом же роде.

В самом деле, в течение восьмидесяти минут зрители, до отказа заполнившие Дворец спорта в Лужниках, будто сезон уже в полном разгаре, имели возможность увидеть хоккей во всей его красоте. Бурное нарастание счета, в котором армейцы вели, а спартаковцы догоняли, незабитый буллит (и кем, самим Фирсовым!), и шайбы, не попадавшие в открытые ворота, и удаление игроков в самые напряженные моменты схваток, и ничейный счет — 3:3 всего за четыре минуты до конца третьего периода, и дополнительный четвертый период, в котором всего за девять минут до финишного свистка счет снова сравнялся — 4:4, и, наконец, две решающие шайбы, которые провели спартаковцы за оставшееся время.

Такой матч мог бы быть украшением не только первого, пробного турнира, но и чемпионата страны. Да его и нельзя считать финалом одного турнира. Это скорее всего увертюра нового всесоюзного.

Пожалуй, еще никогда хоккейный сезон не начинался столь многообещающе, но, несмотря на это, трудно предугадать, как он сложится дальше. Ведь в чемпионате страны, который начался 9 сентября, а закончится лишь весной 1971 года, принимают участие не только две наши лучшие команды, но еще и 7 других, и от степени их готовности будет зависеть все! Да и этот увлекательный матч ЦСКА — «Спартак» открыл нам не только достоинства нашего хоккея, но и его серьезные недостатки. Дело в том, что поражение армейцев еще раз показало, что их прославленная защита, которая всегда являлась надежной броней сборной команды страны, дала основательную трещину — шесть пропущенных шайб достаточно убедительно говорят об этом. А это значит, что игра защиты остается проблемой № 1 нынешнего сезона.

Нас, конечно, не могут не радовать успехи нападающих: и уже хорошо известных, таких, как армейцы Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов, и таких, как молодые спартаковцы Сергей Коротков и Анатолий Севидов, и не стареющих, как Вячеслав Старшинов и Александр Якушев, но разрыв между возможностями нападающих и защитников не уменьшился, а может быть, даже еще больше увеличился.

Как же развернутся дальнейшие события на ледяных полях? Сможут ли тренеры восстановить равновесие? Это мы узнаем только в ближайшие месяцы.

В. ВИКТОРОВ

Регулировщик № 1

Москва... Лишь на несколько ночных часов затихает жизнь в городе. А чуть забрезжит рассвет — наполнятся, запульсируют густоразветвленные артерии столицы: улицы и проспекты, проезды и переулки, площади и шоссе...

Где в Москве самое интенсивное движение транспорта и пешеходов?

Трудно ответить на этот вопрос. Проще перечислить места, где такого движения нет. Москва — один из крупнейших городов мира. Население столицы, составляющее более семи миллионов человек, значительно увеличивается за счет приезжих. Два с половиной миллиона пассажиров ежедневно встречает и провожает гостеприимная Москва. За сутки всеми видами городского транспорта перевозится около семнадцати миллионов человек. Только три магазина — ГУМ, ЦУМ и «Детский мир», расположенные в центре города, посещает более одного миллиона человек в день.

Высокие темпы жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства привели к интенсивному развитию города в целом, активному освоению новых городских территорий.

В этих условиях задача рациональной организации движения транспорта и пешеходов при одновременном обеспечении максимальной безопасности движения становится с каждым годом все более сложной. Она требует постоянного совершенствования методов работы, глубокого обобщения полученного опыта, внедрения новейших технических средств регулирования движения.

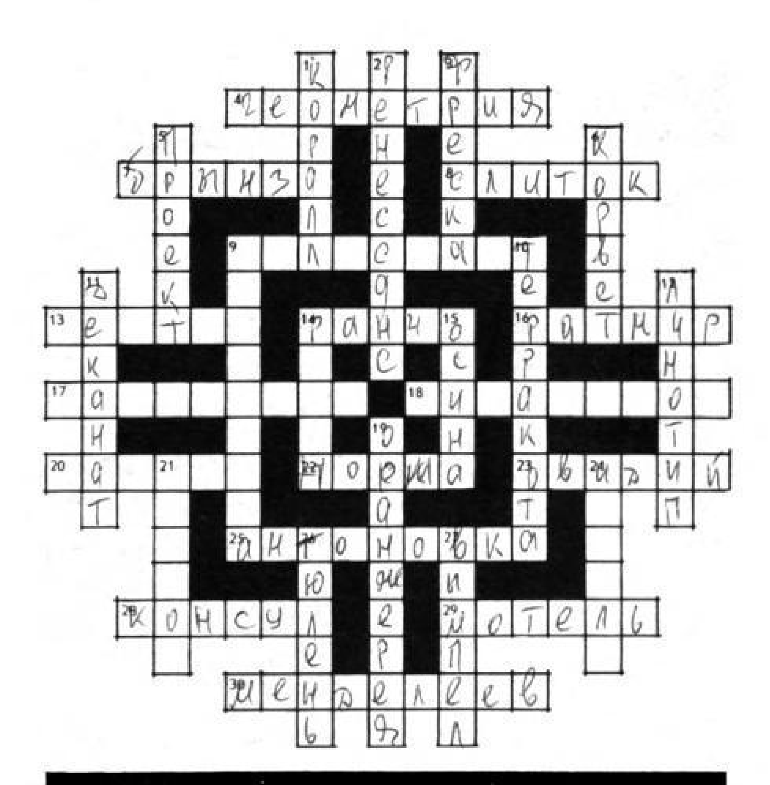
Это хорошо понимает начальник Отдела дорожного надзора и Государственной автомобильной инспекции Управления внутренних дел исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся полковник милиции Николай Степанович Мыриков, которого за гренадерский рост (1 м 88 см) и влюбленность в свою профессию называют «регулировщиком № 1». Долю его труда увидишь всюду: в транспортных развязках, подземных переходах, направляющих ограждениях, линиях координированного регулирования по принципу «зеленой волны», в счетно-решающих устройствах вызывного действия, установленных на целом ряде перекрестков, да мало ли где еще.

С целью ознакомления с организацией уличного движения полковник милиции Н. С. Мыриков побывал во многих городах мира. Нередко и в Москву приезжают его иностранные коллеги, потому что знают они: многому можно научиться у наших столичных регулировщиков!

С раннего утра и до позднего вечера, в зной и в стужу, независимо от того, идет ли дождь, или злится метель, несут на московских улицах свою нелегкую службу работники Отдела дорожного надзора и Государственной автомобильной инспекции. Подтянутые, молодцеватые, одетые в новую элегантную форму — то в белоснежные рубашки, кителя и брюки цвета маренго, то в кожаные костюмы,— они дирижируют уличным движением.

А в кабинетах ОДН и ГАИ, склонившись над чертежами, схемами и планами, инженеры самых различных специальностей думают над тем, как организовать движение, чтобы было оно наиболее экономичным и безопасным для всех его участников. И здесь, в кабинетах, и там, на трассах, уличным движением дирижирует полковник милиции Николай Степанович Мыриков, «регулировщик № 1».

Е. КРЕЧЕТ,
подполковник милиции

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Раздел математики. 7. Сыр из овечьего молока. 8. Застывший кусок металла. 9. Грузоподъемное устройство. 13. Порода собак. 14. Скотоводческая ферма на Западе США. 16. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 17. Областной центр в Казахстане. 18. Комедия Мольера. 20. Порт в Пакистане. 22. Опера В. Беллини. 23. Римский поэт. 25. Сорт яблок. 28. Уполномоченный иностранного государства. 29. Гостиница на автомобильной дороге. 30. Русский химик.

По вертикали: 1. Морское неподвижное животное. 2. Эпоха Возрождения. 3. Живопись красками по сырой штукатурке. 5. Разработанный план сооружения. 6. Парусный военный корабль. 9. Рыба семейства окуневых. 10. Керамическое изделие. 11. Руководство факультета в вузе. 12. Наборная машина. 14. Химический элемент. 15. Лиственное дерево. 19. Помещение для разведения растений. 21. Растворитель в производстве лаков. 24. Приток Дона. 26. Млекопитающее отряда ластоногих. 27. Узкий длинный флажок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 1. «Парус». 6. Септет. 7. Италия. 8. Сатуратор. 10. Чайка. 11. Данко. 13. Фиакр. 15. Макеевка. 16. Палеолит. 18. Шифер. 20. Нанна. 21. Турин. 23. Корректор. 26. Багдад. 27. Лайнер. 28. Синус.

По вертикали: 1. Петит. 2. Референт. 3. Свифт. 4. Фермий. 5. Фиалка. 8. Скагеррак. 8. Рефлектор. 10. Чумыш. 11. Декан. 12. Отара. 14. Ратин. 17. Гиперион. 19. Филиал. 22. Рылеев. 24. Редис. 25. Талас.

На первой странице обложки: Николай Степанович Мыриков с сотрудниками ГАИ (см. в номере заметку «Регулировщик № 1»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Таллин. Старый город.

Фото Г. Смехова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/VIII-70 г. А 00450. Подп. к печ. 8/IX-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1789. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2441.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

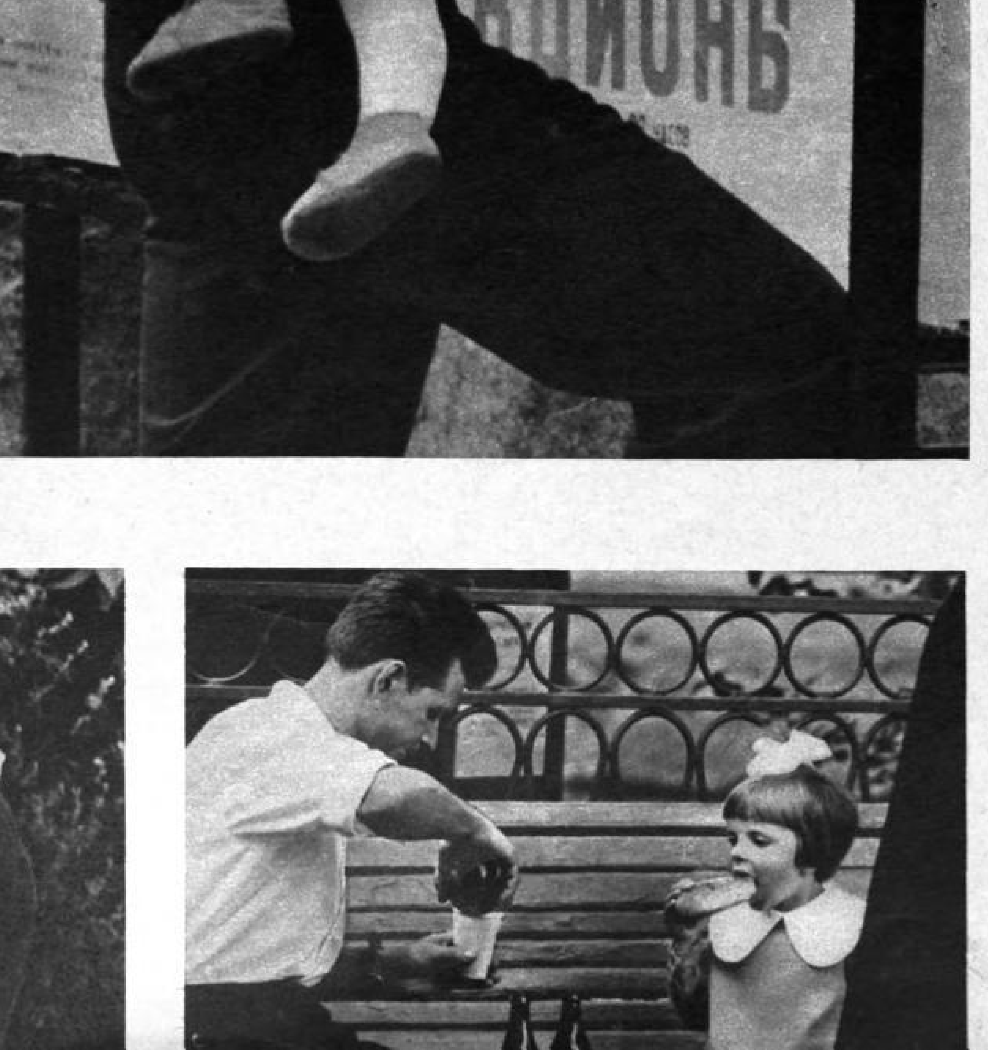

Фото Е. УМНОВА.

ОТЦЫ И ДЕТИ

В АСПИРАНТУРУ
1970/71 УЧЕБНЫЙ ГОД
1970/71 УЧЕБНЫЙ ГОД
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СОРЕВНОВАНИЯ
по
ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА
СОКОЛЬНИКИ

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.